ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 76

СОДЕРЖАНИЕ

1934
ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ИЗВЕСТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 76

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1934

Отв. редактор *А. Г. Пригожин.* Технич. редактор *Г. Г. Гильо.*

Сдано в набор 5/X 1933 г. Подписано к печати 26/III 1934 г.
ГАИМК № 11. Тираж 2000. Ленгорлит № 1851. Заказ № 1113.
Формат бумаги 62×94 см. $12^1/_2$ печ. л. (84000 тип. знак. в 1 бум. л.). Бум. л. $6^1/_4$.

2-я типография „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига". Ленинград, Гатчинская, 26.

Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся.

(Сталин)

20—21 мая 1933 г. под председательством А. Г. Пригожина состоялся пленум Государственной Академии истории материальной культуры, посвященный проблеме социальной революции в античном обществе.

Сектором рабовладельческой формации были поставлены на пленуме следующие доклады:

С. И. Ковалева — Проблема социальной революции в античном обществе,

А. И. Тюменева — Разложение родового строя и революция VII — VI вв. в Греции,

О. О. Крюгер — Рабские восстания II — I вв. до н. э., как начальный этап революции рабов,

А. В. Мишулина — Великое восстание Спартака.

В прениях по докладам выступили: Б. Л. Богаевский, С. А. Жебелев, Н. Н. Залесский, С. И. Капошина, В. П. Лисин, Н. Н. Розенталь, В. В. Струве, М. М. Цвибак, Р. В. Шмидт, П. Н. Шульц.

А. Г. ПРИГОЖИН

Гибель античного мира и проблема социальной революции в античности

(вступительная статья)

В буржуазной и социал-фашистской историографии не существует проблемы социальной революции в античном обществе. Вместо нее можно встретить пеструю смесь различного рода подчас весьма причудливых теорий о гибели античного общества и рассуждений по поводу имманентных для некоторых народов или наций способностей исчерпать свои материальные, физические и интеллектуальные силы; в редких случаях, когда падение Рима связывается с возможностью регресса на отдельных этапах исторического процесса, то опять-таки общественный переворот в конце античной эпохи никогда не связывается с революцией, которая переводила бы общество на высшую ступень.

Проблема социальной революции при переходе от рабовладельческого общества в его античной разновидности к феодальному, между тем, является центральной не только для понимания закономерности античного общества и выявления специфической для рабовладельческого строя формы движения, но и для понимания вопросов происхождения западноевропейского феодализма. Раскрытие всех этих проблем, единственно способных объяснить „тайну" гибели античной культуры, дает кроме того ключ к пониманию концепции мировой истории, как она была изложена и разработана основоположниками марксизма: лишь на основе учения Маркса — Ленина о переходе одной формации в другую может быть раскрыт „единый, закономерный мировой процесс движения", развивающийся „по спирали, а не по прямой линии" через „перерывы постепенности" (Ленин).

Проблема заката античной культуры была для буржуазной науки исторической загадкой — „вещью в себе". Вот почему различного рода попытки разрешения этой проблемы являлись в большей степени данью метафизике и квази-научным, подчас весьма наивным спекуляциям, нежели результатом действительного исторического анализа. Анализ чрезвычайно сложного в своем многообразии процесса распада

общественных связей античного общества оказался не по плечу даже таким классическим представителям буржуазной науки, как, хотя бы, Теодор Моммзен.

При анализе проблем римской истории Моммзен не мог никак отрешиться от впечатления, какое произвел на него современный ему процесс капиталистического грюндерства, с характерным для него ростом денежного и банковского капитала, ажиотажем, развитием и накоплением богатств в руках различного рода parvenus, ставивших выше всех моральных категорий власть чистогана. Вот почему в противовес своим предшественникам, изучавшим исключительно историю войн и смены династий, которые обычно изображались на всем протяжении исторического развития при не изменившейся в общем обстановке, он вынужден был при анализе столь значительного отрезка истории Средиземноморья, как Римская империя, фиксировать свое внимание также на условиях экономического развития. Поступая таким образом, Моммзен, однако, не мог отрешиться от впечатления, произведенного на него современными ему центрами капитализма во главе с Англией. В этих условиях древний Рим ассоциируется у него с Лондонским Сити; этот денежный Вавилон, с присущим ему безудержным стяжательством, богатством, безнравственностью на почве обогащения и господством черствого эгоизма вместо патриотизма, предопределил судьбу древнего Рима, если говорить о внутренних причинах упадка римского государства; гибель же античного мира произошла в результате варваризации, которая наступила как последствие неспособности римского государства защищать свои границы. „Упадок римского владычества, который обнаруживается в половине III столетия и в течение нескольких десятилетий грозил империи окончательным разрушением, был последствием, — пишет Моммзен, — неудачной защиты границ (unglücklich geführten Grenzvertheidigung) одновременно в нескольких местах“. [1]

Эта наивная теория варварского завоевания Рима как причины гибели античного мира была повторена затем вслед за Моммзеном многочисленными европейскими историками; впоследствии у некоторых представителей буржуазной историографии теория варварского завоевания сочеталась с анализом социальных движений в эпоху Римской истории. Так, например, Карл Бюхер, снискавший себе герostратовскую славу в связи с выдвинутой им трехступенной схемой развития народного хозяйства, отдавая дань модернизаторству в стиле Моммзена, в то же самое время попытался выяснить и значение социальных противоречий в судьбах великого „круга земель“. „Вместе с нею [системой крупного капита-

---

[1] Theodor Mommsen, Römische Geschichte т. V, 9-е изд., Berlin, 1921, стр. 6.

листического и рабовладельческого хозяйства. *А. П.*] античное народное хозяйство достигло своего зенита, когда капитал проникает во все области жизни и уже не оставляет, по-видимому, никакой надежды на равновесие, когда постоянно растут имущественные неравенства, богатый становится все богаче, бедный все беднее, а средний класс гибнет в хронической атрофии. Римское мировое господство — уродливый образ классового государства, поглотившего своих слабейших братьев — означает скорее концентрацию, чем усиление этой системы, прилив хозяйственных соков все более суживающемуся кругу привилегированных владельцев, которые одни фактически наслаждаются властью, оставляя миллионам подвластных питаться кожурой и отбросами". [1]

Карл Бюхер, теоретические построения которого ставили своей целью охранить буржуазную социальную науку от „тлетворного" влияния марксизма, не мог, понятно, подняться до раскрытия истинных причин падения античной цивилизации. Выступая на грани эпохи империализма и представляя собой те круги буржуазии, которые были напуганы наступлением эры финансового капитала, узурпирующего будто бы права частного капиталистического предпринимательства, он считал своим долгом обратить внимание на роль и значение борьбы пролетариата в современном ему обществе: — ведь, рабочий класс может сделать, по мнению К. Бюхера, свои выводы из распри двух фракций буржуазии. Вот почему сюжетом работы Бюхера было восстание рабов, вот почему „освободительная борьба самого несчастного класса среди трудящегося пролетариата, который проложил новые пути вопреки всем традиционным воззрениям, заслуживает, по его мнению, того же внимания, с которым всегда относились к стремлениям благородных Гракхов перестроить на современных началах старое классовое государство". [2]

Известно, что всякое крупное обострение классовой борьбы вызывало немедленной отклик у буржуазных историков, которые в поисках аргументации против своих противников обращались к историческому прошлому и, в частности, к урокам классовой борьбы в античном мире. Стоит только вспомнить вульгаризатора и модернизатора Пельмана, [3] для которого судьба плебеев и классовой борьбы угнетенных античного мира заранее предопределяла исход борьбы современной ему социал-демократии. Но Пельман был не одинок. Лавлэ (Laveleye), находясь под свежим впечатлением Парижской коммуны 1871 г., в истории классовой борьбы античности также искал аргументацию для предупреждения господ-

[1] К. Бюхер, Восстание рабов 143—129 гг. до р. Х., изд. „Путь к знанию", Л., 1924 г., стр. 122—123.

[2] Там же, стр. 126.

[3] Р. Пельман, История античного коммунизма и социализма, СПБ., 1910.

ствующих классов против излишнего озлобления рабочего класса. „Судьбы современных обществ западной Европы написаны заранее в истории древних обществ. Последние были приведены к гибели борьбой между богатыми и бедными, которая погубит и первые, если не будут приняты меры предосторожности... Новейшие общества остановились перед задачей, которой не сумела разрешить древность и важности которой мы даже как бы не понимаем, несмотря на зловещие события, происходящие на наших глазах“. [1]

В эпоху империализма с усложнившейся обстановкой классовой борьбы наивная теория гибели античного мира как результата падения нравов и потери чувства патриотизма, также как и вследствие варварского завоевания сменилась упадочной концепцией циклизма. Глашатаи циклизма выводили гибель античного общества из закономерного процесса культурного вырождения. „Древний мир, — писал Эд. Мейер, — погиб не вследствие какого-нибудь разрушительного внешнего переворота, а вследствие внутреннего разложения совершенно выработанной и по своему существу вполне современной культуры, умершей естественной смертью“. [2]

Так Эд. Мейер на место внутреннего разрушительного переворота поставил внутреннее вырождение цивилизации. Эта идея культурного вырождения для сторонников философии истории в стиле Эд. Мейера была лишь оборотной стороной проповедуемой ими идеи универсальности, которая должна была означать, что, несмотря на процесс культурного вырождения античности, идея универсальности, порожденная античностью, не могла погибнуть: она должна была снова воскреснуть, и на деле воскресла в идее всемирной церкви и всемирного государства.

Реакционное по своей сущности учение о круговороте приобрело наибольшую политическую заостренность в работах фашистских теоретиков. Если не говорить об О. Шпенглере, которому даже лавры мещанской Германии по поводу его „Заката Европы“ не создали имени историка, то работы М. И. Ростовцева, а в особенности его книга „Социально-экономическая история Римской империи“, изданная Оксфордским университетом, является наиболее ярким образцом реакционных и антипролетарских концепций в современной буржуазной историографии античного общества.

„Эволюция древнего мира, — писал Ростовцев, — урок и предостережение для нас. Наша цивилизация не сохранится, если она будет цивилизацией одного класса, а не массовой. Восточная цивилизация была более устойчивой и постоянной, чем греко-римская, главным образом, потому, что, основываясь

[1] Лавлэ, Первобытная собственность, стр. 17—18.
[2] Эд. Мейер, Экономическое развитие древнего мира. М., 1906 г., стр. 9.

на религии, была ближе к массам. Другой урок тот, что насильственные опыты нивеллирования никогда не содействовали возвышению масс. Они уничтожали низшие классы, и их результатом было ускорение процесса варваризации. Последняя проблема остается подобно непогребенному призраку: возможно ли распространить более высокую культуру на низшие массы без того, чтобы снизить ее уровень и разжижить ее качество до нуля? Не связана ли вся культура с упадком, как только она начинает проникать в массы?"[1]

Причина кризиса Римской империи, обозначившегося в III в., заключалась, по Ростовцеву, как в вырождении буржуазии в бездеятельный класс рантье, так и в безудержных стремлениях низших классов. Этот антагонизм привел к тому, что римская городская буржуазия была затем уничтожена крестьянской революцией: террористический режим, деспотизм, который оформился затем в систему государственного капитализма, облегчили задачу окончательного разрушения античной цивилизации.[2]

Судьба же античной культуры была обречена на крушение подобно тому, как грядущий социализм, определяющий сейчас судьбу всей современной культуры, уготовил гибель всем современным западным цивилизациям. „Культура умирает после того, как эта душа [выделяющаяся из первобытно-душевного состояния вечно-детского человечества. *А. П.*] осуществит полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств и наук и таким образом вновь возвратится в первичную душевную стихию. Ее жизненное существование, целый ряд великих эпох, в строгих контурах отмечающих постоянное совершенствование, есть глубоко-внутренняя, страстная борьба за утверждение идеи против внешних сил хаоса и внутренней бессознательности, где угрожающе затаились эти противоборствующие силы. Когда цель достигнута и идея, т. е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг *застывает*, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются — она становится *цивилизацией*. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья...

Таков смысл всех *падений* в истории, к числу которых принадлежит наиболее отчетливо рисующееся перед нами „падение античного мира"[3].

Теория „крестьянской революции", погубившей античную цивилизацию, нужна Ростовцеву для обоснования обреченности русской культуры в результате пролетарской Октябрьской

---

[1] The social and economic history of The Roman Empire, Oxford, 1926, стр. 481—487.

[2] Там же, стр. XII.

[3] Там же, стр. 114.

революции. Освальд Шпенглер, исходя из пресловутого метода сравнительной „морфологии всемирной истории как истории мира“,[1] еще до войны пришел в общем к тем же пессимистическим выводам в отношении обреченности западной цивилизации: „Цивилизация, — по его мнению, — неизбежная судьба культуры“.[2] В своей недавно вышедшей работе „Годы, которые решают“, написанной в открытом прогитлеровском духе, О. Шпенглер снова призывает к крестовому походу против большевизма, угрожая современной цивилизации судьбой классовой борьбы в древнем мире. „Снова, как в времена древнего Рима и в эпоху Гракхов, оказалось, что то, что было создано в течение столетий великими и сильными хищниками, государственными деятелями и завоевателями, то в течение короткого времени разъедено и разложено человеческими насекомыми, ничтожно малыми по размеру, но зато действующими скопом, целыми массами“.[3]

О. Шпенглер и Ростовцев не одиноки. Рядом с ними нельзя не упомянуть и Отто Зеека, снискавшего себе славу крупнейшего специалиста по истории Греции и Рима, и, в частности, известного по шеститомнику „История падения античного мира“. В 1921 г. Зеек напечатал новую работу „История развития христианства“, обобщающую этот шеститомник. Основная идея этой работы „показать, как действовало и всегда должно действовать истребление лучших (Ausrottung der Besten) на классическом примере древнего мира“.[4] Причиной падения античного общества было, по Зееку, истребление лучших, точно так же, как этими же причинами объясняется и падение России. Господство пролетариата означает, что лучшая часть человечества либо истреблена, либо обречена на небытие. „Если кто останется в рядах пролетариата, — пишет Зеек, — то это только те, умственные и нравственные недостатки которых исключают всякую возможность продвижения вперед: слабоодаренные, ленивцы, транжиры, пьяницы. Они могут заслуживать сострадание, и если общество старается облегчить им их суровую участь, это хорошо и справедливо, но делать тех, кто не в состоянии руководить и управлять собой, руководителями и правителями государства — чистейшая бессмыслица. В России устроили нечто, что называется диктатурой пролетариата. На самом же деле... все лучшие люди истреблены

[1] Освальд Шпенглер, Закат Европы, т. I. Изд. Л. Френкеля, 1923 г., стр. 3.

[2] Там же, стр. 30.

[3] Цит. по статье Г. Е. Зиновьева „Об одной философии империализма. По поводу последней книги О. Шпенглера „Годы, которые решают“. „Большевик“, 1933 г., № 23, стр. 59.

[4] O. Seeck. Entwicklungsgeschichte des Christentums. Sonderabdruck aus der Geschichte des Untergangs der antiken Welt, Stuttgart, 1921, стр. XII. Цит. по Е. Г. Кагарову «Фашизация буржуазной науки об античном обществе». Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 9—10, стр. 39.

дикими убийствами и масса повергнута в голод и нищету. Служащие крадут еще больше, чем прежде, и царская власть, какой бы жалкою она ни была, составляет предмет тоски самого пролетариата". [1]

Наконец, нельзя не остановиться на исторических упражнениях другого историка, Ульриха Карштеда, разбирающего в своей работе „Основы и предпосылки римской революции" ту же проблему, что и Зеек. Напуганный призраком приближающейся пролетарской революции, Карштед даже отдельные события античной истории преломляет сквозь призму современности и ищет в них материал, как для нападок на пролетариат и коммунистическое движение, так и для дидактических поучений буржуазии. Вот как он изображает события, связанные с б рьбой Коринфа с Римом в 149 г. до хр. эры.: „Худшее, чернь, толпа рабочих, получает власть в руки, долги уничтожаются, рабы освобождаются, частное имущество конфискуется и в крупных городах, с Коринфом во главе, происходит уничтожение буржуазии суверенным пролетариатом, избиение всех образованных; провозглашается и осуществляется господство кулачного права бедных, мы бы сказали — диктатура пролетариата. Но тут, как мы знаем, вмешался Рим, очистил острием меча македонский и пелопонесский очаги заразы и разрушил Коринф, эту твердыню революционного пролетариата с его классовым чутьем. Большевизм в 24 часах езды от Бриндизи был сигналом тревоги для Рима". [2]

Так фашизм, умерщвляя все живое, расправляясь даже с намеком на независимую мысль, превратил и науку об античности в служанку своих коричневых застенков. Социал-фашистская историография, особенно в лице К. Каутского, кстати сказать, до последнего времени оказывавшего в вопросах развития античного общества немалое влияние на работу многих советских историков-марксистов, трактует проблемы гибели античного мира с точки зрения своей общей концепции истории. Как известно, Каутский и прочие социал-фашистские историки считают, что демиургом исторического развития до эпохи капитализма является голое насилие, война; в этих условиях все общественно-экономические формации до капитализма „не рациональны" и, таким образом, не прогрессивны. Непрогрессивность эта объясняется, по Каутскому, неспособностью низших классов к восприятию подлинных идей классовой борьбы. „Низшие эксплуатируемые классы, всемерно заинтересованные в том, чтобы освободиться от ярма рабства и эксплуатации, — пишет Каутский о классовой борьбе в древнем мире, — бессильны даже сделать попытку в этом на-

---

[1] Там же, стр. XI.

[2] Kahrstedt, Die Grundlagen und Voraussetzungen der Römischen Revolution, Neue Wege zur Antike, Berlin — Leipzig, 1926, стр. 111. Цит. по той же статье Е. Г. Кагарова.

правлении. Если во время своих возмущений они вообще ставят перед собой какие-либо цели, то эти цели обыкновенно носят крайне узкий характер и не направлены на то, чтобы произвести какой-либо переворот в существующих классовых взаимоотношениях". [1]

В предисловии к немецкому переводу книги Сальвиоли „Капитализм в античном мире" Каутский в следующих словах объяснял гибель античного общества: „одновременное образование массового пролетариата и концентрация колоссальных богатств в немногих руках" были „причиной общественного распада в древнем Риме", ибо, как он поясняет дальше: „эпоха конца ее [классической древности. *А. П.*], т. е. как раз тот период, о котором преимущественно повествует Сальвиоли, имеет для нас особенное значение еще и потому, что никакой другой до него не подошел так близко к капитализму, никакой другой не выдвинул проблем, столь соприкасающихся с проблемами нашего времени". [2]

Таким образом, Каутский помимо принижения роли классовой борьбы угнетенных масс античного общества, становится на точку зрения модернизаторов, вроде Моммзена и Бюхера, признающих капитализм в античном обществе, Каутский считает, что в древнем Риме была и эпоха „первоначального накопления капитала". [3]

В „Материалистическом понимании истории", где социал-фашистские извращения Каутского нашли свое наиболее яркое выражение, судьбу древнего мира Каутский характеризует в следующих словах: „Хотя в государствах Востока и в антике создается очень высокая цивилизация, однако, в каждом из этих государств эта цивилизация заходит в тупик и погибает вместе с гибелью государства, *не находя выхода на путях социальной революции.* Из этого тупика выводит не революция изнутри, а толчок извне, а именно завоевание цивилизованной области со стороны племен, стоящих на той или иной ступени варварства". [4]

Отрицая роль классовой борьбы в истории крушения античного общества, Каутский видит причину его гибели в абсолютной деградации производительных сил, связанной, между прочим, и с деградацией всех общественных классов. В этой обстановке своеобразного общественного маразма нашествие варваров кладет конец Риму, а вместе с ним конец всей античной культуре и возрождает человечество на новой ступени — средневековье — которая опять-таки не является

---

[1] Материалистическое понимание истории, стр. 306-307.

[2] Г. Сальвиоли, Капитализм в античном мире, ГИЗ Украины, 1923 г., стр. 5 и 11.

[3] К. Каутский, ук. соч., стр. 5.

[4] К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 618. Курсив мой. *А. П.*

прогрессивной ступенью в развитии общества. Эта концепция, ничего общего не имеющая с марксизмом, изображает, кроме того, кризис античного мира и распад великого „круга земель“ в виде спонтанейного экономического саметека, в котором угнетенные классы никакой позитивной роли не играют. Эта социал-фашистская концепция, сформулированная Каутским в послевоенную эпоху, по существу говоря, подытоживала буржуазную и „социалистическую“ научную мысль эпохи Второго Интернационала. Если Каутский отмеченные выше взгляды в основном изложил в своей работе „О происхождении христианства“, то социалистические писатели, также в довоенную эпоху, делали проблемы античной истории предметом своих политических интерпретаций. В этом отношении характерен Жорж Сорель, один из столпов французского анархосиндикализма. В своей работе „Разрушение античного мира“, изданной под аншлагом: „Материалистическая концепция в истории“, Сорель, разбирая различные течения в социализме и значение истории прошлого для объяснения событий современности, писал: „Крушение языческого мира произошло, причинив ужасающую потерю сил; я понимаю ярость, которая часто охватывала историков, раздумывавших о разрушении такой чудесной цивилизации. Нужно ли было, чтобы исчезло такое накопление сил, чтобы мир был отброшен назад до варварства краснокожих, чтобы миру был навязан строй „самой отвратительной лепости“, который характеризует современное разрешение проблемы труда“. [1]

Поставив этот вопрос, Сорель претендует на то, чтобы самому стать выше „ярости, которая часто охватывала историков“, и дальше пишет: „В IV в. не было ничего, что могло бы остановить это движение [анархию. *А. П.*]: оно могло развернуться во всю свою мощь; мир оказался в необходимости перестроить свои социальные представления, проходя период первобытных времен, период варварской войны... [2] В наше время снова нападают на древние представления, но уже в новом духе: больше не проводят разрушительной критики, которая не ведет ни к чему кроме анархии; *теперь борятся созидая* (on combat en édifiant) — вот что характерно для современного социализма. Пролетариат не хочет подпасть под какое-либо ярмо, он презирает сухие теории буржуазной революционной логики; он строит собственное здание и восстает таким образом против древней классовой структуры“. [3]

По Сорелю, классовая борьба угнетенных масс античного общества не была созидательной. С этой точки зрения увязано у него и понимание гибели античного общества в результате

---

[1] G. Sorel, La ruine du monde autique, Billiothèque d'études socialistes Paris, стр. 274.
[2] Там же, стр. 274.
[3] Там же, стр. 276.

завоевания одряхлевшей империи варварами: „Германцы не разрушили империи: христианство не оставило что разрушать; но они восстановили общество, принеся свои идеи верности и товарищества, на которых должно было возвыситься новое здание“. [1]

Таким образом, проблемы социальной революции в античном обществе для буржуазной и социал-фашистской науки не существовало. В капиталистических странах, раздираемых мировым кризисом, процесс загнивания распространил свое тлетворное влияние на науку вообще и на науку об античности в частности. В капиталистических странах не разрешаются более никакие научные проблемы античности, ибо буржуазно-фашистская и социал-фашистская „наука“ истории не нуждается ни в чем кроме фальсифицирования прошлого для оправдания своего мрачного настоящего, для оправдания политики открытой, не задрапированной диктатуры капитала — фашизма.

Проблемы античности, как мы видели, являются сейчас в науке капиталистических стран поприщем для всякого рода антинаучных и антисоветских концепций, выступающих либо в открытом буржуазно-фашистском облачении, либо в социал-фашистских одеяниях. Таким образом, античный сектор науки в капиталистических странах свидетельствует об отходе ее даже от тех традиций старой буржуазной европейской науки, которыми она могла гордиться в эпоху прогрессивного капитализма. В капиталистических странах наука об античности не разрешает никаких новых проблем и не знает никаких открытий, способных в какой-либо степени обобщить опыт прошлого и таким образом на основе исторического материала прошлого подтвердить правильность пути борьбы передовой части человечества за свое будущее.

Советская наука об античности — молодая наука, но она своим лицом обращена к настоящему, которое уже принадлежит пролетариату, и к будущему. Марксистско-ленинская теория, оружие современного пролетариата, не только обогащает науку истории героическим опытом прошлой борьбы трудящихся против эксплуататоров, но и позволяет обобщить опыт экономического и технического развития древних народов на обслуживание нужд социалистического строительства.

Проблема социальной революции в античности поставлена была основоположниками марксизма. Еще в „Коммунистическом манифесте“ Маркс и Энгельс видели причину гибели античного общества в специфических формах классовой борьбы в древнем мире, причем они связывали крушение античного мира с совместной гибелью борющихся классов. Этот резуль-

---

[1] G. Sorel, La ruine du monde antique, Bibliothèque d'études socialistes стр. 275.

тат классовой борьбы в древнем Риме Маркс и Энгельс связывали с характером рабовладельческого способа производства, господствовавшего в античном обществе. Рабство как система хозяйства само по себе не давало выхода для перехода общества на высшую ступень. Торговый капитал „в пределах своих античных форм“, [1] являясь детищем рабовладельческой системы, при своем развитии не создавал никаких предпосылок для перехода господствующего способа производства на высшую стадию, и обрекал это общество на рабовладельческую систему. Основные тенденции рабовладельческого хозяйства выступали в области экономического развития в виде порочного круга, из которого не было иного выхода кроме гибели или завоевания. Эта обреченность античного общества теснейшим образом связывалась с характером основных классов. Классовая демаркационная линия проходила между рабовладельцами и рабами, но рабство питалось не только войнами, как думал Каутский, а в значительной части и за счет свободного крестьянства. Свободное крестьянство явилось, по существу говоря, решающей силой в истории античного общества. Вот почему Маркс и Энгельс, указывая на судьбу плебеев древнего Рима, раскрывали нам одну из важнейших пружин общественного развития. Ведь, вопреки господствующему мнению, класс мелких и средних собственников не только в ранние периоды Римской истории, но и в период империи был значителен, и наряду с богачами potentiores, illustres, senatores существовал еще многочисленный класс мелких землевладельцев-парцеллов: agricolae, rustici, agricolae vel vicari propria possidentes и т. п.

Диалектика классовой борьбы в античную эпоху и основных тенденций развития рабовладельческой системы хозяйства вскрыта основоположниками марксизма в учении об основном противоречии античного общества. Специфическая форма движения античного общества выражена Марксом и Энгельсом как противоречие двух форм собственности. Прежде всего Маркс и Энгельс связывают раннюю историю древнего Рима с той формой собственности, которая явилась результатом прямого продолжения прежней родовой и племенной собственности, т. е. античной общинной и государственной формами собственности. Наряду с общинной формой собственности в процессе становления рабовладельческого хозяйства возникает новая форма собственности, а движимая и недвижимая частная собственность, первоначально лишь как „отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственнности форма“. [2] Классовая дифференциация внутри рабовладельческого общества имела дело не только со свободными и рабами, но и с расслоением

[1] Капитал т. III, ч. 2, стр. 426.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 12.

внутри свободных; последнее обстоятельство играло не менее важную роль в судьбах античного общества, чем существование рабов. Вспомним, что Маркс сводил содержание всей римской истории до эпохи Августа „к борьбе мелкого землевладения с крупным, конечно своеобразно измененной отношениями рабства“. [1] Рабы являлись как бы „пъедесталом“, на котором развивалась классовая борьба между свободными. Более того, борьба между свободными ограничивалась совместной борьбой против рабов. В этом смысле Маркс и Энгельс рассматривали античную собственность как коллективную форму собственности свободных над рабами: „граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности“. [2]

Таким образом, основное противоречие античного общества выступает, прежде всего, как противоречие между рабовладельческой собственностью, предполагающей простую кооперацию рабского труда, и индивидуальной собственностью, основанной на индивидуальном, точнее на парцелльном производстве. Развитие крупной рабовладельческой собственности, вырастающей на базе и в рамках общинной государственной собственности, разрушает этот специфический коллектив рабовладельцев и его форму — „полис“; под влиянием этой же рабовладельческой собственности происходит и разорение мелких свободных производителей, которые являлись основой „полиса“ „в лучшие времени классической древности“ (Маркс). Последнее обстоятельство приводит к раздроблению фронта классовой борьбы.

С одной стороны, основной фронт классовой борьбы в античности проходил между рабами и рабовладельцами, т. е. между представителями индивидуального производства и рабовладельцами, носителями античной собственности. С другой стороны, наиболее яркими представителями индивидуального производства и индивидуальной собственности были крестьяне и ремесленники парцеллы. Логика классовой борьбы толкала к сближению этих представителей индивидуального производства, и свободной бедноте Греции и Рима открывался путь, чтобы занять место рядом с рабами. Так основное противоречие античного общества создавало единый антирабовладельческий фронт, составленный из рабов, мелких крестьян-парцеллов, ремесленников, деревенской и городской бедноты.

Чем сплоченнее делался этот антирабовладельческий фронт, тем более обострялось противоречие между античной общинной собственностью и движимой и недвижимой частной собственностью, и наоборот, ибо представителями последней как раз и являлись городские и деревенские парцеллы. В связи с

[1] Письмо Ф. Энгельсу 28 II 1867 г. Письма под ред. В. Адоратского, 1931 г., стр. 113.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 13.

ослаблением рабовладельческой системы увеличивалось значение этих представителей индивидуального производства; и если свободные производители сохранились в прошлом, несмотря на конкуренцию рабского труда, с которой они сталкивались и в городе и в деревне, несмотря на ожесточенную классовую борьбу, своим острием направленную против них, то уже к III в. в связи с тем, что вилла перестала быть решающим экономическим центром, удельный вес мелких крестьян и ремесленников значительно возрос.

Учение Маркса и Энгельса об основном противоречии античного общества рассеивает туман исторической загадки, висевший над проблемой гибели античного общества. Учение об основном противоречии в рабовладельческом обществе, увязанное с классовой борьбой, происходившей в этом обществе, делает исходным пунктом для понимания крушения античного мира судьбы отмеченного выше антирабовладельческого фронта. В центре этого антирабовладельческого фронта становится революция рабов.

Нельзя не отметить, что современники лучше понимали значение революции рабов, нежели многие из современных нам историков. Так, например, Орозий сравнивал Сицилийское восстание рабов с пожаром, от которого взвиваются искры и, разносимые бурей, повсюду сеют огонь и гибель. Отдельные буржуазные историки занимались восстаниями рабов, но их работы не могли подняться до подлинного обобщения, так как этот сюжет интересовал их не более любых других тем. Нечего и говорить, что самой постановки вопроса о революции рабов мы у них не нашли бы также как и возможность позитивного значения восстания рабов им даже не мерещилась. Так, например, цитированный выше Карл Бюхер, давший специальное исследование о движении рабов во II в. до х. э., мог себе представить результаты победоносного восстания рабов лишь в виде следующей альтернативы — либо внутренняя усобица на почве грубых наслаждений должна была свести на нет плоды победы, либо рабы оказались способными восстановить какой-то новый порядок в результате восприятия религиозных идей: «Мог ли бы он [новый порядок. *А. П.*] удержаться, если бы рабы остались победителями или же, внезапно вырвавшись из темной ночи рабства на яркий свет свободы, массы погубили бы себя в грубых наслаждениях и растерзали себя во внутренней усобице, как в прошлом столетии негритянское государство на Сан-Доминго, — спрашивает К. Бюхер и отвечает, — это зависело бы, может быть, от того, в какой мере были способны к этическому развитию или же причастны ему религиозные идеи, влияние которых было столь поразительно».[1]

---

[1] К. Бюхер, Восстания рабов 143—129 гг. до р. Х., стр. 125.

Остальные историки, отмечавшие классовую борьбу рабов, в большинстве случаев подчеркивали, что борьба рабов не выходила за рамки латентных форм: порча инвентаря, грубое обращение со скотом, расхищение господского имущества и т. д., и т. п. К этому еще присоединяли указание на отсутствие у руководителей рабских восстаний, не говоря уже о самой массе, каких-либо намеков на политическую программу. На самом деле, этот взгляд на роль рабских восстаний, носивших, несомненно, характер революций, является скорее данью буржуазному высокомерию, нежели подлинному научному исследованию.

Революция рабов — основной стержень классовой борьбы в античную эпоху. Революция рабов в основном прошла две фазы: первая из них охватывает эпоху так наз. гражданских войн в Риме во II—I вв. до х. э. В этот период экспансия Рима, сопровождавшаяся удачными завоеваниями III и II вв., приводит к тому, что как из неиссякаемого резервуара выбрасываются громадные массы рабов, заполняющих собой Сицилию, южную и среднюю Италию, Аттику и Малую Азию. С другой стороны, победы римского оружия на внешних фронтах сопровождались укреплением и расширением латифундиального хозяйства: вилла становится экономическим центром и под ее влиянием растет пролетаризация широких кругов италийского крестьянства. Упоенные успехами на войне и накоплением богатств, господствующие группы римского общества, нобилитет и всадничество, ожесточенно борются за власть, за право распоряжаться захваченной добычей, в частности рабами. В этих условиях произошли крупнейшие рабские восстания II—I вв.: первое и второе Сицилийские восстания, восстание Аристоника, восстание в Аттике, движение Спартака и др. В этой борьбе рабов уже приняли активное участие сицилийские и итальянские пастухи и батраки, лаврийские рудокопы и делосские работники. И, наконец, параллельно с этим движением угнетенных масс развертывалась и борьба среди свободного населения — движение Гракхов, союзная война, заговор Катилины.

Восстание рабов на этом этапе было подавлено, но результаты гражданских войн для судеб Римской республики были колоссальны. Гражданская война принесла с собою громадное разрушение производительных сил: плодороднейшие области были опустошены, торговля почти замерла, могущество господствующих сословий было подорвано. Все эти изменения привели к тому, что фундамент республики был подорван, в результате чего все здание должно было рухнуть. Уже система военных диктатур на фронте деградации старых республиканских классов расчищала путь к империи. Повышение удельного веса профессиональных армий при создававшемся „равновесии“ классов предопределило образование Римской империи.

Римская империя лишь короткий период могла похвастаться успехами в области экономического развития и стабилизацией в области политического устройства. История империи — это история упадка античного общества. Кризис рабовладельческого латифундиального хозяйства, проходящий красной нитью через всю историю империи, сопровождался развитием и укреплением мелкого индивидуального хозяйства. Правда, процесс распада затянулся на несколько веков, но уже в конце II в. эпоха политической стабилизации с характерным для нее оживлением торговли и хозяйственного подъема провинций при известном умиротворении народных масс остается позади. Империя вступает в полосу кризиса, который закончился гибелью всего античного общества. Началом этого кризиса явилось обострение классовой борьбы, где снова на авансцену выступает революция рабов. В связи с сокращением количества рабов, вызванным упадком рабовладельческого хозяйства и ростом, таким образом, миролюбия Рима, ведущая роль в рабских революциях все более переходит к движениям свободных и полусвободных масс. Рядом с рабами все чаще выступают крестьяне, колоны и иные мелкие арендаторы, ремесленники, солдаты.

Особое значение приобретают солдаты, все более рекрутирующиеся из числа варваров. Эпоха III-V вв. полна восстаниями солдат, развитием пиратства, совместными выступлениями крестьян и ремесленников с варварами. В этот период создаются даже *проварварские* партии, по преимуществу, из числа парцеллов — крестьян и ремесленников. Сюда надо еще присоединить пока еще спорадические вторжения варваров в пределы римской империи, которые вместе с включением германцев в состав римской армии создавали целые варварские сектора внутри римского общества. Варварские вторжения были не просто отдельными эпизодами в войне между Римом и германцами: они нередко носили классовый характер. Так, например, Аммиан Марцеллин, описывая вторжение готов на Балканский полуостров в конце IV в., рассказывает о роли, какую сыграли в этом вторжении крестьяне и угнетенные рабочие с золотых приисков: „Готы расселялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью являлось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков, из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, кто в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. К ним присоединялось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков. Они были приняты с еди-

нодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники".

О симпатии угнетенных крестьян к варварам свидетельствует также знаменитое описание Сальвиана из Марселя, который без обиняков указывал; „единственная всеобщая мечта римского простолюдина: с жить с варварами". [1] Кодекс Феодосия говорит, что вследствие оседания варваров на территории империи, землевладельцы „лишаются права превращать колонов в рабов и не должны налагать на них других работ кроме земледельческих". [2]

Так в процессе укрепления антирабовладельческого фронта создалась своеобразная „смычка" между рабами и угнетенными истинными производителями античного общества эпохи империи. Как в эпоху гражданских войн, так и в эпоху империи, движение рабов и мелких крестьян-парцеллов совместно с ремесленниками и городской и деревенской беднотой было направлено против рабовладельческого общества и государства. На обоих этих этапах угнетенные массы противоставляли рабовладельческой системе хозяйства мелкое индивидуальное производство, мелкую парцеллярную свободную собственность. Вот почему классовая борьба в античном мире, начиная с эпохи гражданских войн и кончая эпохой империи, шла по восходящей линии, особенно ярко выступавшей в процессе распада античного общества и подготовки феодального.

Однако революция рабов выступает во всем своем значении при анализе ее роли в социальной революции, происшедшей на грани между античным обществом и феодальным.

Проблема социальной революции в античном мире полностью раскрывается на основе анализа тех изменений в области общественно-экономических отношений, которые наметились в строе римской империи в связи с крахом античного общества, а также в связи с раскрытием классового смысла варваризации.

Этот процесс протекал на основе значительной модификации общественно-экономических отношений, вызванной разложением системы рабовладельческого хозяйства. Продуктом этого разложения явился рост феодальных тенденций: развитие колонатных отношений, отношений патроциния или патроната и распространения эмфитевзисных отношений и складывающиеся в пределах всей Римской империи начатки поместных порядков; в городах этому процессу соответствовала политика так наз. „закрепощения сословий": закрепощение ремесленников, куриалов и т. д. Эти два процесса — процесс развития фео-

[1] De gubernatione Dei, V.
[2] Кодекс Феодосия, V, 4, 3.

дальных тенденций и рост классовой борьбы — обусловливают друг друга. Эта обусловленность была отнюдь не случайна. Местом приложения этих феодальных тенденций явилась в основном парцелльная собственность и лишь во вторую очередь территория латифундий. Именно в результате всех этих процессов и „получило преобладание карликовое хозяйство зависимых и крестьян, предшественников более поздних крепостных, получил преобладание, таким образом, способ производства, ставший господствующим в средние века“ (Энгельс, Юридический социализм). Однако, основной предпосылкой для появления в зародыше „способа производства, ставшего господствующим в средние века“, были потрясения, нанесенные античному обществу рабскими революциями. В результате рабских революций основное противоречие античного общества обострялось, рабовладельческая система подтачивалась и разложение основ античного способа производства создало предпосылки для перехода на высшую ступень. Именно уже в этом смысле „революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся“ (Сталин). Правда, социальная революция в античности полностью реализовалась в результате варваризации Римской империи, основной предпосылкой которой были разрушения, нанесенные рабскими революциями строю античного общества.

Проблема варваризации Римской империи требует особого изучения и коренного пересмотра тех представлений, какие нам достались преимущественно от буржуазной науки. Уже буржуазная наука, исходившая в основном при анализе так наз. „великого переселения народов“ из антинаучной концепции „миграций“ и „заимствований“, должна была признать, что так наз. великому переселению германцев предшествовало мирное проникновение варваров, развивавшееся на протяжении нескольких столетий. Работы Н. Я. Марра недвусмысленно указывают, что значение имели „не внешние массовые переселения, а глубоко идущие революционные сдвиги... которые вытекали из качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и качественно нового строя“. [1] Так наз. переселение народов представляет собой длительный процесс, связанный с приобщением германцев к производству, господствовавшему на территории Римской империи. Но это приобщение имело также свой ограниченный характер, ибо германцы несли с собой специфическую систему производственных отношений. Германцы, располагавшие по сравнению с римлянами значительно меньшей военной силой, никогда не смогли бы покорить Рим, если бы бóльшая часть его населения, а

[1] Н. Я. Марр, Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык, стр. 14.

именно эксплуатируемые, не была враждебно настроена к своему же „отечеству“, если бы удары, нанесенные рабовладельческому строю рабскими революциями, не обрекли его на гибель. Это приобщение варваров к римлянам в конце концов привело к приобщению римлян к варварам, вернее к тому синтезу, который, согласно характеристике Маркса, отчасти лежал в основе западно-европейского феодализма.[1] „Варварское завоевание“ сыграло громадную роль в переходе общества античности к феодализму. Мелкая парцеллярная собственность города и деревни, устоявшая против всех многочисленных поползновений рабовладельческих классов во все времена античного общества, к моменту его упадка, начиная примерно с II в., в связи с развитием феодализирующихся тенденций, имеющих своим приложением в первую очередь парцеллярную собственность попала под угрозу стать в полную зависимость от старых рабовладельческих классов: парцелл, ставший колоном, или даже объектом патроната, был обречен на экспроприацию последних орудий и средств производства, которыми он все время располагал. И вот тонущему парцеллу деревни и города протянул руку германский варвар своей „маркой“, давшей римскому мелкому крестьянину и ремесленнику твердую почву для сохранения себя в виде мелкого производителя, наделенного орудиями и средствами производства. Не важно, что мелкий производитель не обрел благодаря германскому завоеванию полной свободы и стал крепостным: крепостничество было уже смягченной формой рабства, и германская „марка“ давала истинному производителю не только силу сопротивления в его борьбе с феодалами, но и базу для дальнейшей борьбы за свое освобождение. Завоевание германцами Римской империи явилось, ведь, не чем иным, как насильственным ниспровержением античного общественного строя, обреченного на гибель в результате длительной классовой борьбы между господствующим классом рабовладельцев и классами, им противостоящими. Социальные и экономические результаты варваризации Римской империи полностью раскрывают проблему рабских революций и той роли, которую сыграли они в социальной революции античности. Именно эти результаты варваризации Римской империи могут быть поняты лишь в свете того понимания проблемы так наз. „великого переселения народов“, которое раскрывается в свете нового учения о языке, разработанного Н. Я. Марром“.[2]

Произведенный выше анализ проблемы перехода от античного общества к феодальному недвусмысленно свидетельствует,

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, 1933 г., стр. 23.
[2] А. Г. Пригожин, Предисловие к работе С. А. Жебелева „Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре“. Известия ГАИМК, вып. 70, стр. 4—6, 1933 г.

что этот переход совершился в результате своеобразной *социальной революции.* Специфической чертой этой революции, отличающей ее от революции крепостных крестьян или революции пролетариата, является то, что в результате социальной революции античности не имел места переход политической власти непосредственно из рук одного класса в руки другого: революция рабов закончилась не революционным переустройством всего общества, а „совместной гибелью" борющихся классов. Но эта особенность не лишает революционного переустройства античности характера социальной революции. Гибель античной цивилизации явилась результатом перехода одной общественно-экономической формации в другую, на основе выросших противоречий между основными классами античного общества. Переход политической вла ти из рук рабовладельцев в руки феодалов на самом деле имел место, но не непосредственно: революция рабов, уничтожив рабовладельцев и разрушив рабовладельческое государство, тем самым объективно подготовила переход власти к новому классу, классу феодалов. Революция рабов является, таким образом, одним из закономерных этапов при переходе общества одной антагонистической формации в другую. Революция рабов, которая до сих пор даже в советской литературе в лучшем случае выступала как прогрессивное восстание, а в большинстве случаев — как реакционное, впервые получает, таким образом, настоящую оценку и находит свое место наряду с движением крепостных крестьян и пролетариата.

Эта постановка вопроса, разработанная на Пленуме Академии истории материальной культуры 21—23 V 1933 г., публикуемом в настоящее время в виде отчета, стала возможной в результате теоретической работы вождя нашей партии, непосредственного продолжателя дела Маркса-Энгельса-Ленина, т. Сталина. Выступление т. Сталина с его исторической речью на съезде колхозников-ударников 19 II 1933 г. не только явилось могучим призывом к дальнейшей борьбе за социализм, обращенным к трудящимся-колхозникам, но и значительным вкладом в марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы: „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся" (Сталин).

Это указание т. Сталина, идущее по линии продолжения учения основоположников марксизма о рабовладельческой формации, позволяет до конца раскрыть историческую „загадку", каковой являлась проблема гибели античного мира и перехода к западноевропейскому средневековью. Это указание т. Сталина, являющееся крупнейшим вкладом в переживаемый нами сталинский этап на марксистско-ленинском теоретическом фронте, не только наносит окончательный удар псевдонаучным теориям о крушении античного общества, не только ликвидирует последние остатки каутскианства в науке об

античности, но и отводит революции рабов ее определенное историческое место наряду с революцией крестьян и революцией пролетариата. Тов. Сталин, продолжая дело Маркса-Энгельса-Ленина, развил далее учение о классовой борьбе, поднял марксистско-ленинскую методологию на новую ступень и открыл исторической науке широкую перспективу дальнейших научных исследований для познания прошлого во имя переделки настоящего и построения будущего.

С. И. КОВАЛЕВ

Проблема социальной революции в античном обществе

В одном примечании к работе „Экономическое содержание народничества“ В. И. Ленин говорит о Марксе, что „он вообще дефинициями не занимался“. [1] Дело здесь, конечно, не в личной нелюбви Маркса к логическим определениям, а в духе самой Марксовой теории. Развернутые, застывшие, раз навсегда данные определения, которые исчерпывают предмет до конца и без остатка, — совершенно чужды диалектическому материализму. Чужды потому, что они ни в коей мере не могут покрыть текучей, вечно меняющейся, бесконечно разнообразной действительности, которая глубже, шире и полнее любого логического определения. Поэтому у творцов марксизма-ленинизма вы не встретите ни одной дефиниции в точном смысле этого слова. Это не значит, само собой разумеется, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни Сталин никогда не дают определений: вы найдете их сколько угодно. Но это — определения совсем особого рода: они схватывают самую сущность предмета или его наиболее важную и характерную сторону; они берут предмет или явление не „вообще“, а в его конкретной, исторической форме; они, наконец, не столько определяют предмет сам по себе, сколько рисуют его многообразные связи и отношения к окружающим предметам и явлениям. Одним словом, это — диалектические определения, а не логические дефиниции.

Вот почему ни у основоположников марксизма, ни у их лучших учеников вы нигде не найдете логического определения понятия социальной революции. В предисловии к „К критике политической экономии“ Маркс пишет: „На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития произ-

---

[1] Сочинения, 2-е изд., т. I, стр. 306, прим. I.

водительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции“. [1] В этом месте Маркс подчеркивает наиболее общий момент, характерный для всякой революции: социальная революция происходит потому, что с определенного момента производственные отношения не дают возможности дальнейшего развития производительных сил. „С изменением экономической основы, — говорит Маркс дальше,— более или менее быстро происходит переворот и во всей громадной надстройке“. Это означает, что всякая революция представляет смену общественно-экономических формаций, в основе которой лежит смена способа производства. Ленин в „Письмах о тактике“ подчеркивает другую сторону социальной революции: „Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции*, как в строго научном, так и в практически-политическом значении этого понятия“. [2] В письме к Бернштейну от 27 августа 1883 г. Энгельс отмечает еще один момент: „Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс *развития масс* (курсив мой. *С. К.*) с ускоренным темпом движения“. [3] Энгельс же указывает, что нет революций политических и революций социальных: „Всякая настоящая революция есть революция социальная, так как она передает власть в руки нового класса и доставляет ему возможность перестроить общество по образу и подобию своему“. [4] Об этом же еще в „Нищете философии“ говорил и Маркс: „Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным“. [5] Энгельс не раз отмечал (как и Маркс в вышецитированном месте из „Предисловия“), что революция есть всегда изменение формы собственности: „Солон... открыл ряд так называемых политических революций и притом нападением на собственность. Все бывшие до сих пор революции были революциями в целях защиты одного вида собственности против другого вида собственности. В Великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти собственность буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была поплатиться собственность кредиторов в интересах собственности должников“. [6] Наконец, тов. Сталин в своем выступлении на съезде колхозников-ударников 19 февраля

[1] К критике политической экономии, Партиздат, 1932 г., стр. 45—46.
[2] Письма о тактике, письмо 1-е, Сочинения, 2-е изд., т. XX, стр. 100.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 349.
[4] О России, Харьков, 1924 г., стр. 19.
[5] Сочинения, т. V, стр. 416.
[6] Происхождение семьи, Партиздат, 1932 г., стр. 115. См. также „О России“, стр. 34.

заострил в понятии революции тот ее признак, что она всегда является движением угнетенных масс: „Революция *рабов* (курсив мой. *С. К.*) ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплутации трудящихся... Революция *крепостных крестьян* (курсив мой. *С. К.*) ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации“ и т. д.

Конечно, ни одно из этих определений не противоречит другому. Наоборот, они дополняют друг друга, так как каждое из них подчеркивает одну какую-нибудь сторону того чрезвычайно богатого и сложного явления, которое мы называем социальной революцией. Мало того. Так как революция представляет диалектическое единство всех ее элементов, то каждое правильное определение одного из них implicite содержит в себе все остальные. Поэтому достаточно взять любую из вышеприведенных формулировок, чтобы вскрыть все существенные стороны социальной революции. Такими существенными сторонами являются три момента: 1) социальная революция происходит потому, что растущие производительные силы, начиная с определенного момента, не могут развиваться в рамках старых производственных отношений, в рамках старого общества; 2) социальная революция состоит в смене способа производства и, следовательно, в смене социально-экономической формации; 3) социальная революция осуществляется в процессе ожесточенной классовой борьбы, принимающей форму вооруженного восстания угнетенных классов против классов господствующих, и завершается переходом политической власти из рук одного в руки другого класса. Эти три момента отнюдь не являются изолированными. Каждый из них представляет одну какую-нибудь сторону целого, выделяет один аспект диалектического процесса.

Но, говоря о социальной революции, мы ни на минуту не должны забывать того, что она является исторической категорией. Это заставляет нас отнестись с максимальной осторожностью ко всяким „развернутым“ определениям революции, которые, исходя из наиболее развитых форм ее, без оговорок переносили бы черты одной эпохи на другую и тем самым либо модернизировали бы социальные революции прошлого, либо, наоборот, отказывали бы в понятии социальной революции таким явлениям, которые бесспорно имеют на это все основания. Что значит положение, что революция есть историческая категория? Это значит, что социальная революция может иметь исторически не только различное содержание, но и различную форму, что зависит от того, в какой формации происходит революция и каким классом она осуществляется. Социальная революция может ставить себе те или другие цели и приводить к тем или другим результатам. Социальная революция может протекать в формах сознательной и плано-

мерной борьбы или в формах стихийного движения, где субъективные цели борющихся классов и объективные результаты революции оказываются совершенно различными. Социальная революция может привести к непосредственному переходу власти из рук одного класса в руки другого, или такой переход может быть не непосредственным и т. д.

Так, например, тов. Сталин в речи 19 II 1933 г. указал на принципиальное отличие пролетарской революции от всех предыдущих: „История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой, но сама эксплуатация оставалась. Только Октябрьская революция поставила себе целью уничтожить *всякую* эксплуатацию и ликвидировать *всех и всяких* эксплуататоров и угнетателей“. В статье „К вопросам ленинизма“ тов. Сталин, развивая мысль В. И. Ленина, устанавливает черты отличия пролетарской революции от революции буржуазной, сводящиеся к различному уровню и характеру экономики той и другой революций, как ее предпосылкам, к различию в основных задачах обеих революций, к ходу самих революций, к их результатам и движущим силам. [1]

Положение, что социальная революция есть историческая категория, означает, что в ходе всемирноисторического процесса она может развиваться от форм зародышевых, примитивных, генетических к формам все более полным и развернутым. Чем выше стоит формация по своим производительным силам, чем выше уровень развития эксплуатируемых классов и степень их революционной сознательности и сплоченности, чем яснее классовые деления и острее классовые антагонизмы,—тем глубже, резче и полнее выступают отдельные стороны революционного процесса, тем богаче его содержание.

С этой точки зрения мы уже априори должны допустить, что если в рабовладельческой формации имели место социальные революции, то эти ранние революции должны значительно отличаться от более поздних. Для рабовладельческой формации характерен низкий уровень производительных сил. В соответствии с этим стоит чрезвычайно примитивный и жестокий характер эксплуатации, дававший весьма мало возможностей развития для основного эксплуатируемого класса — рабов.[2] Все это крайне затрудняло процесс классовой консолидации, развитие классового самосознания и классовой сплоченности рабов, что должно было придать своеобразие социальным революциям рабовладельческого общества.

Кроме этого, здесь есть еще одна большая специфичность и вместе с тем большая трудность для исследования. Рабо-

[1] Вопросы ленинизма, 1931 г., стр. 277—279.

[2] Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1931 г., стр. 107—108. Маркс, Неопубликованные рукописи, „Большевик“, 1932 г., № 5—6, стр. 89—90.

владельческая формация есть первая классовая формация. Следовательно, если на своем конечном этапе она граничит также с классовой формацией — с феодализмом, то в своих истоках она примыкает к доклассовому обществу. Поэтому, допуская революционный характер генезиса рабовладельческого, в частности античного общества, мы должны будем ответить на ряд весьма трудных вопросов, связанных с процессом классообразования на грани между доклассовым и классовым обществами.

Энгельс в предисловии к первому изданию „Происхождения семьи, частной собственности и государства" пишет: „Столкновение новообразовавшихся общественных классов взрывает старое общество, покоящееся на родовых объединениях; его место заступает новое общество, спаянное в государство, подразделениями которого являются уже не родовые, а местные объединения, общество, в котором отношения собственности вполне господствуют над семейными отношениями и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *писаной* истории до нашего времени". Таким образом, здесь Энгельс подчеркивает, что переход доклассового общества в классовое носит отнюдь не мирно-эволюционный характер: это — взрыв, произведенный классовой борьбой. Рассмотрим природу этого взрыва на материале античного — греческого и римского — общества.

И для Греции и для Рима на грани между родовым и классовым обществами, т. е. для Греции в VII — VI вв., для Рима — в V — IV вв. до н. э., можно ясно установить значительный рост производительных сил, выражающийся в разделении труда: в развитии рабства, в огромном расширении торговли и колонизации, в росте городов, в появлении монеты, в ряде технических изобретений и т. д. Те реформы, которые в Греции связываются обычно с именами Солона и Клисфена, а в Риме падают на так называемую „борьбу патрициев и плебеев", совершенно ясно говорят, что в основном борьба велась против разлагающегося родового строя, мешавшего развитию индивидуального производства и частной собственности и обрекавшего широкие массы демократии на бесправное существование, в то время как все политические и гражданские права принадлежали привилегированной группе родовой, эвпатридской и патрицианской аристократии. Эта аристократия, используя свое положение в городской общине, выступает в качестве ростовщиков, которые разоряют и закабаляют свободного мелкого производителя. Тем самым создается величайшее препятствие для развития нового способа производства, который в своей начальной фазе необходимо должен опираться на свободного мелкого производителя, о чем совершенно ясно говорил Маркс: „Как мелкое крестьян-

ское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников... представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования". [1]

Таким образом, и в Греции и в Риме в начальные периоды их истории мы можем установить несомненное противоречие между растущими производительными силами и старыми производственными отношениями, отношениями доклассового общества, мешавшими росту индивидуального производства, частной собственности и формированию классов.

Точно также бесспорным является факт массового народного движения, охватившего все наиболее развитые экономически области Греции в VII—VI вв. и Рим в V—IV вв. Все наши источники на этот счет совершенно единодушны. Мы имеем здесь все формы массовой борьбы, начиная от забастовок и кончая вооруженным восстанием. Достаточно просмотреть только греческих лириков этой эпохи (Солона, Феогнида, Алкея), чтобы увидеть, какие широкие размеры и остроту приобрела в Греции гражданская война. То же самое нужно отметить и для Рима.

Результатом социального переворота в Греции и Риме была ликвидация всех наиболее существенных пережитков родового строя как в области экономических, так и социально-политических отношений. Частная собственность сбросила с себя путы родового строя и могла теперь свободно развиваться, — правда, в своеобразной форме античной рабовладельческой собственности. Мелкое производство временно избавилось от гибели и в течение некоторого периода служило твердой экономической и политической базой полиса. Классы вполне оформились, и классовые антагонизмы, не скрываемые более родовыми институтами, могли получить полное развитие. Государство рабовладельцев, в его наиболее совершенной форме демократического полиса, окончательно сложилось и заменило собою старую родовую организацию.

Таким образом, все существенные моменты социальной революции здесь, как будто, налицо: противоречие между производительными силами и производственными отношениями, смена способа производства и, наконец, широкое движение угнетенных масс, принявшее формы ожесточенной борьбы за политическую власть. Есть только одна трудность: в какой мере это движение и эту борьбу можно назвать *классовой борьбой*? В какой мере сюда подходит определение Ленина, что „первым, главным, основным признаком революции" является „переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса*"? Трудность возникает здесь потому, что, поскольку мы имеем дело с переходом родового, т. е.

[1] Капитал, т. I, гл. 11, прим. 24.

бесклассового, общества в общество рабовладельческое, т. е. классовое, говорить о *классовой* борьбе и о переходе *государственной* власти из рук одного *класса* в руки другого в собственном смысле этого слова нельзя. Ведь, ни эвпатриды и демос, ни патриции и плебеи не являлись еще классами, как не являлись еще государством эвпатридская и патрицианская городская община. „Победа плебса, — говорит Энгельс, — разбивает в куски старый родовой строй и на его развалинах учреждает государство, в котором скоро совершенно исчезают и родовая аристократия и плебс“. [1]

Однако отрицать на этом основании социальную революцию на заре рабовладельческого общества в Греции и Риме значит стоять на узко-формальной, метафизической, а не диалектической точке зрения.

Вещи и понятия нужно брать в их движении, в их динамике, в их генезисе, наконец. В чем своеобразие первой социальной революции, положившей конец родовому строю и создавшей рабовладельческое общество? В том, что мы имеем здесь уже не готовые, сложившиеся классы (если бы это было так, то мы не могли бы говорить о родовом, т. е. доклассовом, обществе накануне революции), а классы, формирующиеся в процессе самой борьбы. Окончание революции означает здесь завершение процесса классообразования.

Рабы и рабовладельцы не составляют в этом отношении исключения. Хотя противоположность между ними складывается еще в рамках родового общества, но пока рабство не переросло окончательно своих патриархальных рамок, говорить о рабах и рабовладельцах, как о развернутых, сформировавшихся классах, также нельзя. Тем более, что, ведь, и борьба в эту эпоху шла не между рабовладельцами и рабами, а между родовой аристократией и родовой (а также и неродовой) демократией. Тем не менее эта борьба, *формально* не будучи классовой, фактически была таковой и все более становилась таковой по мере того, как классы сбрасывали с себя свое родовое обличье. Родовая организация накануне своего падения, конечно, формально не была государством, но фактически она уже стала органом господства одной части населения против другой. „Так постепенно отрываются органы родового строя, — говорит Энгельс, — от своего корня в народе, в роде, фратрии, племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы делаются из орудий народной воли самостоятельными органами господства и угнетения против собственного народа“. [2]

---

[1] Происхождение семьи, стр. 171.
[2] Там же, стр. 166.

Все трудности и кажущиеся противоречия сразу отпадут, если в оценке первой революции мы станем на генетическую точку зрения. Социальная революция не является на исторической сцене готовой, как не являются готовыми классы и классовая борьба. Она *становится*, как становятся ее основные моменты и существенные стороны. Общественный переворот, положивший конец родовому строю в Греции и в Риме, мы должны считать социальной революцией. Только это — наиболее ранняя и поэтому наименее развитая революция, революция в ее генезисе.

Я не буду приводить здесь всем известных высказываний Энгельса в „Происхождении семьи", которые не оставляют ни малейших сомнений в том, как смотрел он на возникновение античного общества. Некоторые из них я уже цитировал, другие напомнит вам А. И. Тюменев. Я остановлюсь сейчас на другой стороне дела. Может показаться, что спор о том, была или не была генетическая революция в Греции и Риме, есть спор о словах, схоластическая игра понятиями. Не все ли равно, как мы *назовем* антиродовой переворот, если все согласны относительно его содержания. Можно, например, назвать его революционным движением. Вот с этой точкой зрения нужно бороться. Дело, конечно, не в самом названии, а в том, что название отражает понятие, которое, в свою очередь, есть отражение определенных существенных сторон многообразной объективной реальности. Термин и понятие социальной революции, приложенные к данному явлению, обязывают нас вскрывать в этом явлении именно те стороны и моменты, которые характерны и существенны для социальной революции. Обратно, если мы *отказываемся* от термина „социальной революции", а заменяем его другим, хотя бы, скажем, и близким к нему, например, термином „революционное движение", мы тем самым не только притупляем остроту всех определений, связанных с понятием революции, но и открываем себе возможность скатывания к понятию диаметрально противоположному, к понятию „эволюция". Отрицая революцию на заре рабовладельческого общества, мы тем самым, сознательно или бессознательно, смазываем скачкообразный, диалектический характер перехода от доклассового общества к классовому и легко можем впасть здесь в вульгарный эволюционизм. Отрицая революцию, мы затушевываем здесь роль классовой борьбы и тем самым чрезвычайно затрудняем понимание самого процесса классообразования. „Отдельные индивиды образуют класс, — читаем мы в „Немецкой идеологии", — лишь постольку, поскольку им приходится вести борьбу против некоторого другого класса".[1] Мало того. Так как всякая социальная революция есть смена формаций и,

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 15.

наоборот, всякая смена формаций есть социальная революция, то, отрицая революцию на грани между родовым и рабовладельческим обществами, мы должны будем отнести родовую фазу доклассовой формации к рабовладельческому обществу и, следовательно, революцию отодвинуть назад, в глубь доклассового общества!

Для всякой развитой революции, напр., буржуазной или пролетарской, мы имеем ряд более или менее установившихся понятий и терминов: движущая сила, основная движущая сила, гегемон революции, диктатура революционного класса и т. д. Само собой разумееется, что в применении к самой ранней из всех революций, в которой классы только складываются, если и можно употреблять все эти понятия, то в весьма условном, ограниченном, так сказать, „генетическом" смысле. Здесь необходимо избегнуть всякой модернизации. Какие общественные группы, какие формирующиеся классы были враждебны родовому строю в эпоху его разложения? Все те, которых этот выродившийся, застывший, „обратившийся,—по выражению Энгельса,—в свою противоположность" строй давил, которым он не давал возможности развития или, по крайней мере, чрезвычайно стеснял эти возможности. Это были группы, стоявшие преимущественно вне привилегированной родовой организации, вне аристократической городской общины: плебеи в Риме, „народ" (демос) в Греции. Это были крестьяне, ремесленники, иностранцы, постоянно проживавшие в городе и занимавшиеся торговлей и ремеслами, наемные рабочие (батраки) и т. д. Но в рядах оппозиции (правда, на правом крыле ее) могли оказаться элементы, хотя и входившие в привилегированную аристократическую верхушку, но уже настолько захваченные денежным хозяйством, что родовая организация рассматривалась ими как нечто, нуждавшееся в коренной ломке или, по крайней мере, в значительной реформе. Таков, напр., был Солон в Афинах. Всей этой пестрой массе оппозиции противостояла сравнительно небольшая, но еще сильная политически группа родовой знати, опиравшаяся преимущественно на землевладение и ростовщичество. Экономическое развитие постепенно оттесняло ее с передовых позиций хозяйственной жизни, но зато тем крепче заставляло ее держаться за свои политические привилегии. „Новая имущественная аристократия,—говорит Энгельс,—поскольку она уже с самого начала не совпадала со старой племенной знатью, оттесняла последнюю на задний план (в Афинах, в Риме, у германцев)... К этому присоединялась масса нового, чуждого родовым группам населения, которое, как в Риме, могло стать силой в стране и при том было слишком многочисленно, чтобы его можно было включить в объединенные кровным родством роды и племена. Этой массе родовые группы противостояли как замкнутые,

привилегированные корпорации; первоначальная первобытная демократия превратилась в отвратительную аристократию“.[1]

Все эти группы, в той или другой степени враждебные родовому строю, можно назвать движущими силами революции. Но не все они в равной мере были заинтересованы в том, чтобы до конца сломать старую организацию общества. Несомненно, была большая разница между, напр., Солоном и Алкмеонидами с одной стороны, стремившимися только к реформе, и сельской и городской беднотой, выдвигавшей знаменитый лозунг „сложение долгов и передел земли“ — с другой. Поэтому основной движущей силой революции была именно эта городская и сельская беднота, малоземельная и безземельная, страдавшая от долговой кабалы, попадавшая в рабство и страстно ненавидевшая родовую организацию и ее представителей. Именно эта масса вынесла на своих плечах всю тяжесть борьбы, именно ее руками были вырваны все самые крупные и вредные пережитки родового строя.

Несомненно, в рядах революционеров, по крайней мере, в отдельных случаях, были и рабы. Аристотель говорит про Клисфена: „Он включил в филы много иностранцев: рабов и метеков“.[2] Хотя текст в этом месте несколько попорчен, но общий смысл его ясен и не внушает сомнений. Спрашивается, чем вызвана была эта столь радикальная реформа? Несомненно, не только стремлением укрепить ряды демократии, как ее обычно объясняют. Весьма возможно, что здесь нужно видеть награду со стороны победившей демократии отдельным рабам, оказавшим важные услуги революции. Сам по себе тот факт, что рабы дрались бок-о-бок со своими господами против аристократов и таким образом строили тюрьму для своего же класса, вовсе не является чем-то невероятным. Многочисленные случаи из позднейшей истории Греции и Рима, когда рабы участвовали в демократических движениях, служат косвенным подтверждением этого.

Если основной движущей силой революции была масса мелких производителей-крестьян и ремесленников, то кто ее возглавлял, кто был ее „гегемоном“? Но для античных условий, к тому же условий столь ранней эпохи, с ее нечетким классовым делением, с отсутствием сколько-нибудь оформленных политических партий, с широким развитием всякого рода демагогии, вопрос лучше поставить иначе: кто больше всего выиграл от революции, в чьих интересах она объективно происходила? Несомненно, довольно широкие круги демократии кое-что от революции получили: уничтожение долговой кабалы, гражданские и кое-какие политические права. Но бесспорно, что в конечном счете от революции выиграл

---

[1] Происхождение семьи, стр. 169—170.
[2] Polit., 1275 b 36.

тот класс, который экономически и политически стал господствовать после революции, класс рабовладельцев, в его четырех ипостасях: землевладельцев, промышленников, торговцев и ростовщиков. Конечно, далеко не все они были демократического происхождения, т. е. были так или иначе связаны с революционным движением. Значительная часть их принадлежала к старой родовой аристократии, приспособившейся к изменившимся условиям и слившейся с верхушкой демократии в новый класс, в новую рабовладельческую аристократию (ср. нобилитет в Риме). Но объективно дело от этого не меняется: результатом революции был переход власти в руки класса, окончательно сложившегося в ходе революции, класса рабовладельцев. Вот почему его условно можно назвать гегемоном революции, а самую революцию — рабовладельческой революцией.

Падение родового строя, окончательное оформление как основных, так и промежуточных классов, создание античной демократии — развязало классовую борьбу, которая, как известно, в развитой античности приняла чрезвычайно сложные и острые формы. Было бы, конечно, лишним доказывать здесь, что главный фронт классовой борьбы проходил между рабами и рабовладельцами, как двумя основными, антагонистическими классами рабовладельческой формации. Наши источники, как известно, не очень щедры на этот счет. Говорить о рабах в хорошем обществе было не принято, что отражалось, конечно, и на литературе. Фиксировались только из ряда вон выходящие случаи. Но даже и при этих условиях источники (особенно по истории Рима, где концентрация и степень эксплуатации рабов достигала более высокой степени, чем в Греции) полны указаний на классовую борьбу между рабами и их господами. Рабы всячески вредили в хозяйстве, убегали от господ и занимались грабежами, перебегали при всяком удобном случае к неприятелю, убивали господ и устраивали заговоры, при благоприятных условиях перераставшие в восстания, которые охватывали иногда огромные территории и ставили под удар самое существование рабовладельческого общества.

Но принять во внимание только основной фронт борьбы, это значит не понять всего своеобразия античной истории. Рабы хотя и были *основным*, но не были *единственным эксплуатируемым* классом античного общества. Не говоря уже об илотах, пенестах и т. д., положение которых мало чем отличалось от положения рабов, необходимо указать, что крупное рабское хозяйство с его дешевым трудом, войны, являвшиеся естественным результатом рабства, ростовщичество, конкуренция дешевого хлеба из провинций и т. д. — все это вело к разорению мелких производителей, делало их враждебными существующему порядку вещей и стимулировало их классовую борьбу. Правда, здесь есть одна особен-

ность. В известной степени все свободное население античного общества было солидарно в отношении эксплуатации рабов, илотов и не-граждан вообще: союзников, провинциалов и т. д. Античный полис был не только политическим орудием господства, но и своеобразным хозяйственным „предприятием" для дележа добычи. Вспомним систему кормлений, раздач, наделение граждан землей и т. д., и нам станет понятным бессмертное замечание Эсхина, что афиняне возвращаются из народного собрания точно с заседания товарищества, на котором они делили прибыль.[1] Это обстоятельство несколько смягчало противоречия между крупной и мелкой античной собственностью, между рабовладельцами и свободными производителями, между имущими и неимущими. Тем не менее это смягчение было весьма относительным. Мелкий производитель получал только жалкие крохи из огромных масс прибавочного продукта, попадавшего в руки настоящих хозяев античного полиса. Это объясняет нам упорную, длившуюся столетиями борьбу крестьянства и городской демократии против господствующих групп рабовладельческого общества. Маркс придавал огромное значение этой борьбе, когда он писал: „Внутреннюю историю (римской республики. *С. К.*) можно целиком свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется, вводя те модификации, которые обусловливаются существованием рабства".[2] „Не требуется обладать особенно глубокими познаниями, напр., по истории Римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности".[3] Точно также Энгельс говорил „о принадлежавшей государству земле, центре, около которого вращалась вся внутренняя история республики".[4] В Греции, благодаря ее специфическим условиям, не всегда и не везде земля была основным объектом борьбы. В земледельческих районах Греции (напр., в Спарте) аграрный вопрос также был основным стержнем политической жизни. Отчасти это имело место и в неземледельческих областях в некоторые периоды истории (напр., в Аттике в VII — VI вв.). Но в целом для Греции борьба между свободными элементами шла не столько за землю, сколько за другие формы античной собственности, в первую голову за государственные доходы и за политические права, с которыми были тесно связаны дележи этих доходов.

Классовая борьба свободных элементов античного общества переплеталась с классовой борьбой рабов и илотов в очень сложный комплекс отношений. С одной стороны, свободные мелкие производители в качестве „активных граждан", по

[1] Aesch., III, 251.
[2] Соч., т. XXII, стр. 89 (Письмо к Энгельсу 8/III 1855 г.)
[3] Капитал, т. I, гл. I, прим. 33.
[4] Происхождение семьи, стр. 114.

выражению „Немецкой идеологии“, являются участниками „античной общинной и государственной собственности“ и в качестве таковых в известной степени классово-враждебны, антагонистичны рабам. С другой стороны, тяжелое положение мелкого производителя, обреченного на деградацию ходом развития рабовладельческого общества, толкало его в оппозицию правящим кругам этого общества и делало его вольным или невольным союзником рабов. Это промежуточное положение мелких производителей между рабовладельцами и рабами делало их позицию крайне неопределенной и неустойчивой. Тем не менее нам известны многочисленные случаи участия свободных элементов античного общества в движениях рабов и, обратно, участия рабов в демократических движениях. Здесь достаточно хотя бы указать на свободных сельских рабочих в армии Спартака, на роль бедноты во втором сицилийском восстании и в восстании Аристоника, на известный эпизод с казнью рабов Педания Секунда,[1] где городская толпа решительно встала на защиту осужденных, и т. д. Обратных случаев также немало. Фукидид,[2] рассказывая о гражданской войне, вспыхнувшей в 427 г. между олигархами и демократами в Коркире, передает следующий эпизод: „С наступлением ночи демократы бежали на акрополь и возвышенные части города, собрались там и укрепились, занявши также Гиллейскую гавань. Противники захватили городскую площадь, по соседству с которой большею частью они жили сами, а также гавань, прилегающую к площади и материку. На следующий день произошли небольшие схватки, и обе стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов примкнуло к демократам“. Много аналогичных случаев мы знаем из истории Рима. Сатурнин и Марий призывали на свою сторону рабов.[3] Достаточно засвидетельствовано участие рабов в движении Катилины и т. д. Подробнее об этом скажет в своем докладе О. О. Крюгер.

Вопрос о связи рабских и демократических движений вплотную подводит нас к центральной проблеме, решение которой должно осветить и то, что уже было сказано о первой рабовладельческой революции, и то, что надлежит сказать о второй революции, революции рабов. Проблема *конкретной формы основного противоречия античного общества* принадлежит к одной из труднейших. Она, несомненно, гораздо труднее, чем аналогичная проблема для доклассового и капиталистического обществ, и по своей сложности равняется только проблеме основного противоречия феодализма. Трудности заключаются здесь, во-первых, в чрезвычайной

[1] Tac., Annal., XIV, 42—45.
[2] Thucyd., III, 72—74.
[3] Val. Max., VII 6, 2. Plut., Syll. 9.

сложности рабовладельческого и феодального обществ, в пестроте их классовых структур, в тесном переплетении натурально-хозяйственных и товарно-денежных элементов, в своеобразной форме их собственности и т. д.; во-вторых (и это, быть может, самое главное), основная трудность здесь коренится в неумении исследователя вполне отрешиться от буржуазных представлений, стать целиком на историческую почву. Дело в том, что мы до сих пор еще не можем отделаться от модернизации античности, воспитанной в нас буржуазной наукой. Маркс и Энгельс были вполне свободны от этой модернизации. Но, увы, мы еще до сих пор плохо знаем Маркса и Энгельса, и если в некоторых вопросах мы преодолели буржуазную модернизацию, то в других, самых важных, но зато и самых сложных и тонких, мы все еще плетемся в хвосте у модернизаторов. Совершенно несомненно, например, что когда мы говорим об античной собственности, мы это представление чрезвычайно осовремениваем, создавая понятие античной собственности по модели буржуазной частной собственности. Когда мы говорим о классах, о классовой борьбе, о революции, мы также модернизируем эти понятия, забывая, что классы античного общества и их взаимоотношения — это отнюдь не то же самое, что классы и их взаимоотношения в капиталистическом обществе. Особенно грубо модернизируем мы античное государство, полис. Мы забываем, что все это — и собственность, и классы, и государство — глубоко исторические явления, получающие совершенно специфическую форму в каждом обществе, в каждой формации. Мы забываем замечательные слова Маркса: „Даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их“.[1] Эта же мысль, как известно, еще проще высказана Энгельсом: „Кто пожелает объединить одними законами экономику Огненной земли и экономику современной Англии, тот, очевидно, не извлечет на свет божий ничего, кроме самых банальных общих мест“.[2] После этих предварительных замечаний я перехожу к основному противоречию.

Общая форма основного противоречия античного общества (как и всякой другой формации) не вызывает, конечно, никаких сомнений. Это — противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Трудность состоит в отыскании конкретной, специфической, только античности свойственной формы этого противоречия. Основная производительная сила — это сам человек, рабочий в широком

[1] К критике политической экономии, изд. 1932 г., стр. 42.
[2] Анти-Дюринг, стр. 136.

смысле этого слова, которого нужно брать не в абстракции, но вместе со всей совокупностью его производственных навыков, что дает диалектическое единство рабочего и средств производства. В рабочем, таким образом, осуществляется единство всех элементов производительных сил. Рабочий античного общества — это прежде всего *раб*, затем свободный ремесленник, парцельный крестьянин и пролетарий (наемный рабочий). Поставив на первое место раба, как основного производителя рабовладельческого общества, мы не должны забывать (если мы хотим брать античность не абстрактно, а во всей конкретности ее признаков и определений) и остальных производителей, роль которых в общей системе античной экономики была чрезвычайно велика. Система производственных отношений античного общества в ее существенной форме выступает в виде специфической формы эксплуатации, в рабстве. Эта эксплуатация осуществляется путем присвоения прибавочного труда рабов, а затем также в известной мере и прибавочного труда остальных трудовых слоев античного общества — свободных ремесленников, крестьян и наемных рабочих. Основная масса прибавочного продукта присваивается собственниками средств производства — рабовладельцами во всех видах и формах (землевладельцы, промышленники, торговцы и ростовщики). Следовательно, основное противоречие античного общества, противоречие между его производительными силами и производственными отношениями, в конкретной форме социально-*классовых* отношений выражается в эксплуатации рабовладельцами всех трудовых элементов античного общества, но, конечно, в разных степенях эксплуатации: прежде всего и больше всего — рабов, а затем остальных. То же самое основное противоречие в конкретной форме социально-*политических* отношений выражается в классовой борьбе рабовладельцев с одной стороны и непосредственных производителей — с другой.

Но социально-классовые (и социально-политические) отношения должны иметь социально-*экономическую*, т. е. производственную, основу. Производители и владельцы средств производства не висят в воздухе и не ведут свою борьбу в пустом пространстве, а связаны с известными формами производства и распределения, с известными формами хозяйства. Поэтому проблема конкретного противоречия не может быть полностью решена, пока мы не найдем адекватного ему выражения в сфере экономических отношений. Рабовладельческое хозяйство — не что иное, как простое кооперативное (термин А. И. Тюменева) производство индивидуальных производителей (рабов), лишенных средств производства и сконцентрированных большими или меньшими группами в отдельных хозяйствах. Необходимо подчеркнуть именно этот характер простой кооперации, типичной для рабовладельческого

хозяйства. Рабская мастерская, также как и рабовладельческое поместье, представляют конгломерат производителей, почти несвязанный или очень мало связанный техническим разделением труда. Насколько мы знаем, в античности были лишь зачатки технического разделения труда. „Если анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда, — пишет Маркс, — взаимно обусловливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства, то более ранние формы общества... представляют, с одной стороны, картину планомерной и авторитарной организации общественного труда, с другой стороны, совсем исключают разделение труда внутри мастерской или развивают его в карликовом масштабе, или же лишь спорадически и случайно“. [1] По этому поводу очень удачно замечает Макс Вебер: „Рабскую мастерскую можно *делить* на сколько угодно частей (продавая часть рабов), как кусок свинца, потому что она представляет собой недифференцированное скопление попавших в рабство *рабочих,* а не дифференцированную организацию труда“. [2]

Этому простому кооперативному рабовладельческому хозяйству противостоит индивидуальное производство, с которым оно образует диалектическое единство противоположностей. Оно противостоит ему, прежде всего, внутри его самого: единое рабовладельческое хозяйство слагается из ряда индивидуальных производств, ничем, кроме рамок общего хозяйства, не связанных. Кроме этого, индивидуальное производство противостоит кооперативному рабовладельческому хозяйству также вне его — в форме индивидуальных хозяйств свободных ремесленников и парцельных крестьян. На колониальной периферии, откуда в период расцвета рабства черпается, как известно, главная масса рабов, это хозяйство, правда, не столько парцельно-индивидуальное, сколько общинно-родовое. Но не нужно забывать одного обстоятельства, которое мы совершенно недостаточно оценивали до сих пор: рабство (и в этом его огромная прогрессивная роль) непрерывно разлагает периферийную общину, также как оно некогда разложило и свою собственную, и, следовательно, непрерывно порождает на периферии индивидуальное производство. Таким образом, *колониальный производитель — это актуальный или потенциальный парцеллярий.* Из этих-то периферийных и центральных, находящихся на границе рабовладельческого общества и внутри его мелких хозяйств и идет главным образом пополнение рабовладельческого хозяйства его основной рабочей силой — рабами, а также наемными рабочими. Это пополнение осуществляется отчасти путем экономического, главным же

[1] Капитал, т. I, стр. 169, изд. 1930 г.
[2] Аграрная история древнего мира, М., стр. 10.

образом путем внеэкономического отрыва мелких производителей от средств производства (конечно, некоторый процент рабов представляют бывшие рабовладельцы, но этот процент весьма невелик по сравнению с основной массой рабов).

Таким образом, раб — это в основном — бывший парцельщик, бывший мелкий производитель, перенесенный со всеми его методами и навыками индивидуального или индивидуализирующегося производства в кооперативное рабовладельческое хозяйство. Поэтому социально-классовые и социально-политические отношения рабовладельческого общества суть выражения социально-экономических противоречий между кооперативным и индивидуальным производствами.

Но производственные отношения суть отношения собственности, которые являются только их юридическим выражением.[1] Поэтому конкретная форма основного противоречия античного общества должна найти свое отражение в специфических формах античной собственности. Итак, что же такое античная собственность? В „Немецкой идеологии“ мы читаем: „Вторая форма собственности, это — античная общинная и государственная собственность, которая возникает благодаря объединению, путем договора или завоевания, нескольких племен в один *город* и при которой сохраняется рабство. Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства обладают властью над своими работающими рабами лишь коллективно и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации. Поэтому все основывающееся на этом фундаменте строение общества, а вместе с ним и мощь народа приходят в упадок в той же мере, в какой развивается преимущественно недвижимая частная собственность... С развитием частной собственности здесь впервые устанавливаются те отношения, которые мы встретим — только в более крупном масштабе — при современной частной собственности. С одной стороны — концентрация частной собственности, которая началась в Риме очень рано (доказательство — земельный закон Лициния) и очень быстро развивалась со времени гражданских войн и в особенности в императорскую эпоху; с другой стороны, в связи с этим, — превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат, который, однако, вследствие своего промежуточного положения между имущими гражданами и рабами, не получил самостоятельного развития“

[1] Маркс, К критике политической экономии, предисловие.
[2] Соч., т. IV, стр. 12—14 (с некоторыми исправлениями перевода).

Чтобы лучше понять это чрезвычайно важное место, приведем еще один отрывок, трактующий о феодальной собственности: „Третья форма, это — феодальная или сословная собственность... Подобно племенной и общинной собственности, и она также покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне... Иерархическая структура земельной собственности и связанная с этим система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Этот феодальный строй, как и античная общинная собственность, был ассоциацией, направленной против порабощенного производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были различны, ибо налицо были различные производственные условия". [1]

Итак, нормальной, типичной формой античной собственности была своеобразная общинно-государственная классовая собственность рабовладельцев, „совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации". Рабовладельческое кооперативное производство, связанное с концентрацией больших или меньших масс рабов в отдельных пунктах в условиях еще не вполне разложившейся родовой собственности, требовало именно такой, а не иной формы классовой собственности. Политическим выражением ее был античный полис, город-государство, как своеобразный коллектив рабовладельцев, как община свободных и полноправных граждан, совместно эксплуатировавших рабов, илотов, так называемых „союзников", провинциалов, колониальную периферию и т. д.

В соответствии с этим характером полиса огромную роль играла в нем недвижимая государственная собственность: государственные земли, государственные пастбища, государственные рудники и т. д. Эта роль достаточно хорошо известна для Рима. Недаром Энгельс, как мы указывали выше, говорит, что государственная земля была центром, „около которого вращалась вся внутренняя история республики". Но и в Греции мы имеем чрезвычайно яркие образчики этого рода. Не говоря уже о Спарте, являющейся классическим примером последовательно проводимого принципа государственной собственности на землю (и не только на землю, но и на илотов), достаточно указать хотя бы на Лаврийские серебряные рудники в Аттике, на государственные пастбища и на некоторые другие аналогичные институты.

Итак, суммируя все сказанное, конкретной формой основного противоречия античного общества было противоречие

[1] Соч., т. IV, стр. 14.

между рабовладельческой собственностью, предполагающей простую кооперацию рабского труда, и индивидуальной собственностью, основанной на индивидуальном производстве.

Посмотрим теперь, как развивается основное противоречие. Рост производительных сил в общеисторическом масштабе выражается, согласно удачной формуле, данной А. И. Тюменевым, в индивидуализации производства до эпохи капитализма и в его коллективизации, начиная с капитализма. Высшей точки развития индивидуальное производство достигает при феодализме, основанном на мелком крестьянском хозяйстве и производстве самостоятельных мелких ремесленников.[1] Прежде чем производство начнет *собираться,* оно должно максимально *раздробиться.* Фабрика немыслима без мануфактуры, мануфактура же предполагает предшествующую стадию индивидуального ремесленного производства, где техническое совершенство индивидуального ручного труда достигает предельной точки развития и затем диалектически переходит в свою противоположность. Какова в этом процессе историческая роль рабства? Рабство разлагает общину и создает основные предпосылки для феодализма: крупную земельную собственность и индивидуальное производство. Но это возможно только путем развития основного противоречия рабовладельческого общества. В условиях рабского способа производства рост производительных сил выражается в следующих трех формах.

1. На базе и в рамках античной собственности вырастает крупная частная собственность. Роль здесь недвижимой государственной собственности была огромна, о чем писал еще Аппиан: „Богатые овладели большей частью неразделенных земель. Доверяя благоприятно сложившимся для них условиям того времени, они не боялись, что земли эти будут у них отобраны обратно, и потому покупали расположенные по соседству участки бедняков, частью с согласия последних, частью же брали их силой, так что теперь они стали распахивать сразу очень обширные площади вместо отдельных полей“.[2] Но еще большее значение имела эксплуатация непосредственных производителей (коллективная и индивидуальная), осуществляемая общиной рабовладельцев, полисом. Однако развитие индивидуального хозяйства и частной собственности подрывает коллектив рабовладельцев и разрушает полис, как его государственную форму. В этом же направлении действует гибель мелких свободных производителей, разоряемых ростом крупной рабовладельческой собственности, войнами и т. п. Полис лишается своей главной экономической и военной опоры.

2. Но рост производительных сил в античном обществе не ограничивался только развитием крупной частной собствен-

[1] Маркс, Капитал, т. I, гл. 11, прим. 24.
[2] App., Bell. Civil., I, 1, 7.

ности, как одной из предпосылок феодализма. Хотя рост рабства неизбежно вызывал деградацию мелкого производства в областях непосредственного распространения рабовладельческого хозяйства, однако внутри рабовладельческого хозяйства развитие основного противоречия означало рост индивидуального производства и разложение примитивных кооперативных форм рабства. Несмотря на препятствия, которые оказывает рабская эксплуатация развитию технических навыков рабочего, тем не менее в истории античного общества до самой эпохи его упадка мы можем проследить медленный, но несомненный технический прогресс. Под кнутом надсмотрщика, в условиях сурового бесчеловечного обращения бывший парцельщик или общинник, копил те навыки индивидуального производства, которые, несмотря на грандиозный крах рабовладельческой системы, связанный с огромной растратой производительных сил, частично были переданы средневековью. В рабском хозяйстве индивидуализация производства делает шаг вперед по сравнению с тем уровнем ее, который был достигнут в эпоху разложения родового строя. В этом вторая всемирноисторическая функция рабства.

3. На колониальной периферии античного общества рабство, связанное с развитием денежного хозяйства и торгового капитала, играет в целом прогрессивную роль, разлагая общину и содействуя индивидуализации производства и развитию частной собственности. И здесь, следовательно, создаются условия для перехода к более высоким формам производства.

Таким образом, рабовладельческое хозяйство, а вместе с тем и общество, будучи диалектическим единством противоположностей, единством кооперативно-производственной формы и индивидуально-производственного содержания, единством античной „коллективной“ собственности и частной собственности, развиваются благодаря противоречивому взаимодействию формы и содержания, причем ведущей стороной противоречия является рост индивидуального производства и частной собственности, т. е. рост содержания, рост производительных сил.

История античного общества есть история развития его основного противоречия.

Первая, рабовладельческая революция происходит потому, что рост производительных сил в форме нового способа производства — рабства — разрывает старую систему производственных отношений и старую форму собственности — родовую собственность. В этом процессе внутренние противоречия рабства еще только намечаются, и движущей силой является противоречие между строем родовых отношений и системой рабства, как некоторым целым.

Образование рабовладельческого общества означает развертывание всех его противоречий. После всего сказанного о

конкретной форме основного противоречия нам станет понятен весь тот сложный клубок классовой борьбы, в котором выражалось это противоречие. В борьбе рабовладельцев и рабов находило свое выражение основное противоречие между кооперативным и индивидуальным производствами. Рабовладельцы, как собственники средств производства, как коллективные участники античной „общинной и государственной собственности“, как эксплуататоры, были носителями одной стороны противоречия. Рабы, как представители индивидуального производства, как носители частной собственности, как эксплуатируемые, воплощали другую, ведущую сторону его. Но, кроме рабов, субъектами индивидуального производства и частной собственности были также многочисленные группы *свободного* населения: крестьяне, ремесленники, пролетарии. Поэтому-то и они были враждебны античной собственности и ее носителям, рабовладельцам, поэтому-то и они часто образовывали *почти* единый фронт с рабами. Здесь, конечно, нужно помнить о тех ограничениях, о которых мы говорили выше. Часть мелких производителей (те из них, которые являлись полноправными гражданами полиса) была заинтересована в росте античной собственности, т. е., в конечном счете, была заинтересована в эксплуатации не только рабов, но и тех из трудящихся, кто стоял вне рамок полиса (вспомним хотя бы отношение римского крестьянства к италийскому и роль, которую сыграло это отношение в эпоху младшего Гракха). Таким образом, борьба этой части мелких производителей с рабовладельцами была, *в известной степени*, борьбой фракционной, борьбой за дележ прибавочного продукта. Еще в большей мере это справедливо по отношению таких групп рабовладельцев par excellence, как, напр., нобилитет и всадничество в Риме, аграрии и промышленники в Греции и т. д.

Однако развитие основного противоречия приводило в этой области отношений к очень сложным и интересным положениям. Вообще говоря, социальной базой полиса были рабовладельцы в целом, рабовладельцы как класс. Фактически город-государство был орудием господства *крупного* рабовладения. По мере концентрации частной собственности, вырастающей за счет государственной, по мере превращения мелких производителей в пауперов и люмпен-пролетариев картина меняется. Теперь опорой разлагающегося полиса становится скорее деклассирующийся мелкий собственник, чем крупный рабовладелец. Этот последний скорее враждебен полису, враждебен античной собственности. Греческие рабовладельцы IV в., призывавшие Филиппа к интервенции, вряд ли были слишком горячими защитниками полиса. Но это уже эпоха разложения рабовладельческого общества. К ней мы теперь и перейдем.

Рабство, содействуя росту производительных сил, вместе с тем является тормозом их развития. С определенного мо-

мента это противоречие становится таким острым, что может быть разрешено только путем ломки всей системы рабовладельческих отношений, т. е. путем социальной революции. Развитие рабства и в Греции и в Риме было непосредственно связано с огромным разрушением производительных сил: беспощадное хозяйничанье торгового и ростовщического капитала, войны, разорение провинций и колоний, обезлюдение целых областей, истощение почвы, гибель мелких производителей и огромный рост люмпен-пролетариата, сужение рынка, развитие нетрудовой психологии у свободных — таковы были результаты кратковременного торжества рабовладельческой системы. Все противоречия рабства достигают наибольшей глубины к моменту его высшего расцвета и выражаются в чрезвычайном обострении классовой борьбы.

В Греции эти процессы начинаются уже в IV в. На почве хозяйственного кризиса широко развертывается движение беднацких и люмпен-пролетарских масс городского и сельского населения, в которое все больше и больше втягиваются рабы. Исократ оставил нам яркую картину Греции IV в.: „Врага боятся меньше, чем собственных сограждан. Богатые готовы скорее бросить свое имущество в море, чем отдать его бедным, а для бедных нет ничего желаннее, как ограбить богатых. Жертв больше не приносят, и у алтарей люди убивают друг друга. Многие города теперь имеют больше эмигрантов, чем весь Пелопоннес“.[1] Так называемые „демократические тирании“ IV в. (в Коринфе, Сикионе, Ахайе, Гераклее, Сиракузах) были своеобразной формой диктатуры бедноты, пролетариев и рабов — диктатуры, наносившей жестокие удары рабовладельческому обществу и подготовлявшей его крушение. Македонское завоевание на некоторое время приостановило революцию, но III век принес новое обострение классовой борьбы. На это столетие падают такие крупные движения, как революция Агиса и Клеомена, „тирания“ Набиса и др.

В Риме социальная революция начинается гражданскими войнами II-I в. в. до н. э. Несмотря на пестрый социальный состав тех сил, которые принимали в них участие (рабы, парцельные крестьяне, римские и италийские, радикальные демократические элементы городов Италии и провинций, пролетарии), их всех объединила общая ненависть к римскому рабовладельческому государству. У одних она выступала больше, у других меньше; одни добивались прав римского гражданства, другие хотели бы совершенно разрушить Рим; одни стремились к земле и свободе, другие просто хотели пограбить богачей. Говорить поэтому о едином *субъективном* фронте всей оппозиции нельзя. Но *объективно* это был единый фронт.

Основной движущей силой революции на этом первом

[1] Archid., 67.

этапе были рабы. Благодаря концентрации их большими массами в отдельных пунктах, благодаря росту эксплуатации, благодаря тому обстоятельству, что в своей значительной части это были люди, только что оторванные от родных очагов, мелкие и разрозненные вспышки предыдущей эпохи превращаются в сплошную волну восстаний, длившихся почти сто лет и охвативших огромное пространство от Италии и Сицилии и вплоть до Тавриды. Имущим классам удалось справиться как с этими восстаниями, так и с непосредственно связанным с ними и продолжавшим их грозным движением пиратов.

Революция рабов на первом этапе была разбита. Однако это дорого стоило рабовладельческому обществу и государству. Огромное количество рабочей силы было истреблено. Области, охваченные восстанием, были страшно опустошены.[1] Торговля на долгое время оказалась парализованной. И, наконец, гражданские войны нанесли такой страшный удар римской республике, что она от него уже не могла оправиться. Ослабление итальянских имущих классов, служивших ее главной опорой, и необходимость консолидации политической власти привели к созданию военной диктатуры империи.

Эта диктатура была направлена в первую голову против рабов, как самого страшного врага рабовладельческого государства, для борьбы с которым республиканский демократизм и республиканский аппарат управления были совершенно недостаточны. Какой ужас внушали рабские восстания их господам, об этом достаточно ярко говорит хотя бы тот факт, что имена вождей наиболее крупных восстаний, Афениона и Спартака, стали чуть ли не нарицательными в позднейшей исторической литературе.[2] В Риме, как известно, был старинный закон, в силу которого, если господин убит своими рабами, то смертной казни подвергались все рабы, жившие в доме убитого. В 57 г. после н. э. сенат издал постановление, о котором Тацит говорит следующее: „Было сделано также сенатское постановление одинаково как в видах мщения, так и в видах безопасности, именно, чтобы в случае, если кто будет умерщвлен своими рабами, даже и те, которые, будучи отпущены на волю по завещанию, оставались в том же доме, подвергались казни наравне с рабами".[3] Это постановление было лишь расширением сенатского постановления 10 г. после н. э., называющегося SC. Silanianum.[4] Когда в 61 г. в сенате обсуждалось дело рабов убитого префекта Рима Педания Секунда, сенатор Кассий произнес речь, в которой доказывал необходимость применения закона против рабов. В ней он, между прочим, сказал следующее: „Предкам нашим душевные свойства рабов внушали

[1] См., напр., речи Цицерона против Верреса. Также Strab., VI, 2, 6.
[2] См., напр., Tacit., Annal., XV, 46; Script. Hist. Aug., XXI, 9, 6.
[3] Tacit., Annal., XIII, 32.
[4] Модестов, перевод Тацита, II, 394, прим. 94. См. Wallon, II, 286.

недоверие даже и в том случае, когда эти последние родились на одних с ними полях или в одних и тех же домах и тотчас же воспринимали любовь к своим господам. После же того, как мы стали иметь у себя (рабами) целые племена, у которых различные (от наших) обычаи, чуждые нам культы или отсутствие всяких культов, такой сброд людей нельзя обуздать иначе, как страхом".[1] Все рабы П. Секунда были казнены, несмотря на защиту городской толпы, о чем мы говорили выше. Факты показывают, что все эти террористические меры принимались не без основания. При первых императорах не прекращаются отдельные вспышки. Так, мы знаем о движении рабов при Тиберии в Бриндизии под руководством Т. Куртизия.[2] После смерти Калигулы чуть не вспыхнуло восстание гладиаторов.[3] При Клавдии была казнена Домиция Лепида за то, что она будто бы подстрекала рабов в Калабрии.[4] При Нероне произошла попытка к бегству гладиаторов в Пренесте, во-время остановленная. „А народ,— замечает по этому поводу Тацит,— обыкновенно жадный до переворотов и в то же время трусливый, толковал уже о Спартаке и прежних несчастиях".[5]

Однако, как бы там ни было, но на некоторое, правда, очень непродолжительное, время рабовладельческому обществу удалось добиться относительной „стабилизации". Прекращение гражданских войн и подавление пиратского движения, смягчение потогонной системы провинциального управления, расширение социальной базы императорской власти, выразившееся в привлечении к аппарату управления провинциальных имущих классов,— все это не могло не дать некоторых положительных результатов. Внешняя и межобластная торговля Рима испытывает оживление и расширение. Провинции переживают хозяйственный подъем, иногда довольно значительный, напр., в Галлии. Провинциальные города расцветают. Однако этот подъем был весьма неравномерным и относительным. Оживление провинциальной экономики происходило в значительной степени за счет хозяйственной деградации центральных областей империи, в частности Италии. Итальянское земледелие, напр., уже не может выйти из тяжелого кризиса, в который оно вступило с I в. нашей эры.[6] Рабство, как хозяйственная система, идет к упадку,— правда, медленно, но неуклонно. Об этом свидетельствует рост отпускных, который можно проследить в Греции начиная еще с III в. до н. э.,[7] а

---

[1] Tacit., Annal., XIV, 44.
[2] Там же, IV 27.
[3] Joseph., Ant. Jud., XIX, 4, 3.
[4] Tacit., Annal., XII, 65.
[5] Там же, XV, 46.
[6] Colum., I, praef., Tacit., Annal., XII, 43.
[7] См. обширный эпиграфический материал этого рода у Dittenberger'а и Michel'я.

в Италии — с эпохи Августа[1] в развитии колонатных отношений, о чем говорит совершенно недвусмысленно ряд наших источников,[2] в смягчении законодательства о рабах и в признании юридической теорией личности раба и т. д. Да и политическая стабилизация была относительно кратковременной, захватывая период времени, самое большее, с конца I до половины II в. после н. э.

Первые два столетия империи мы должны поэтому рассматривать как период начавшегося разложения античного общества. Что это общество было еще рабовладельческим, в этом не может быть никакого сомнения. У нас нет никаких данных утверждать, что уже в эпоху ранней империи рабство уступило свое место другой форме эксплуатации. Но бесспорно, что в глубинах этого общества быстро развивались процессы распада старых хозяйственных форм, вызванные в конечном счете индивидуализацией производства и развитием крупной частной собственности. Развитие арендно-колонатных отношений чрезвычайно в этом отношении показательно. Оно говорит о том, что старая кооперативная форма рабовладельческого хозяйства уже перестала соответствовать новому содержанию. Индивидуальное производство выкристаллизовывалось из разлагавшегося рабовладельческого хозяйства, и оно выкристаллизовывалось не столько потому, что разлагалось рабовладельческое хозяйство, сколько рабовладельческое хозяйство разлагалось потому, что выкристаллизовывалось индивидуальное производство. Что же касается развития собственности, то достаточно известно, что в эпоху империи античная общинно-государственная собственность значительно слабеет и за счет ее развивается крупная частная собственность императоров и отдельных лиц. В соответствии с этим полис разлагается. Муниципальная система империи — только жалкая каррикатура на город-государство классической эпохи.

Со второй половины II в. после н. э., с эпохи Марка Аврелия, временная „стабилизация" империи кончается. Революция рабов вступает во вторую фазу своего развития, более страшную для античного общества, чем первая. Прежде всего потому, что сила сопротивляемости разлагавшегося рабовладельческого общества была теперь гораздо меньше, а затем потому, что движущие силы революции и ее территориальный размах стали неизмеримо шире. Если ареной гражданских войн II—I в в. были главным образом Италия, Сицилия и восточная половина Средиземноморья, то теперь они охватывают все огромное пространство империи. Если в первой гражданской войне рабы выступали, в общем и целом, отдельно

[1] Dionys., IV, 24. 6—8. Dion., LV, 13,7. Tacit., Annal., XIII, 26—27.
[2] Colum., I, 7.

от своих союзников и только объективно можно говорить об едином антирабовладельческом фронте, то теперь рабы, свободные и крепостные крестьяне, пираты, германцы и солдаты сливаются в одну почти неразличимую массу, дружно атакующую распадающуюся твердыню империи. Антирабовладельческий фронт и субъективно делается единым.

История последних столетий Рима слишком хорошо известна, чтобы нужно было останавливаться на ней подробно. Но вкратце я ее напомню. После неудачных попыток последних Антонинов и Северов военно-бюрократическими тисками скрепить государство и остановить все усиливающийся напор „варваров", наступает, после убийства Александра Севера и вступления на престол Максимина (235 г.), период так называемой „анархии", период острой классовой борьбы внутри империи, тесно сливающейся с грозными вторжениями германцев. В результате этой второй революции часть имущих классов была истреблена и сменилась новой знатью, по большей части — выходцами из армии. В конце III и начале IV в., при Диоклетиане и Константине, еще раз наступил некоторый, еще более короткий период „стабилизации". Она была достигнута частичным разрешением основного противоречия рабовладельческого общества. К этому моменту завершился тот процесс, который начался еще с первого столетия империи. „Мелкое хозяйство, — пишет Энгельс, — снова сделалось единственной окупающей себя формой. Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие парцеллы, которые передавались наследственным арендаторам, уплачивающим определенную сумму, или дольщикам — partiarii, которые были скорее управителями, чем арендаторами, получая за свой труд шестую или даже только девятую часть ежегодного продукта. Но преобладала сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе с своей парцеллой; хотя они и не были рабами, но не признавались также свободными, не могли вступать в брак со свободными, и браки их между собою не считались законными, но рассматривались, как и браки рабов, как простое сожительство (contubernium). Они являлись предшественниками средневековых крепостных. Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывающего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, к которым свелось громадное производство времен расцвета империи, не было места для многочисленных рабов. Только для рабов, занятых в домашнем хозяйстве и служивших целям роскоши богатых, оставалось еще место в обществе. Но умирающее рабство все еще проявляло себя тем, что заставляло признавать всякий произво-

дительный труд, как рабскую деятельность, недостойным свободных римлян, а таковыми теперь являлись все". [1]

Система так называемого домината и являлась завершением этого процесса. Это была военно-бюрократическая, de facto децентрализованная монархия, типа восточной „деспотии". Ее социальной базой служила земельная знать, частью старая, но соответствующим образом переродившаяся, частью же (или, быть может, даже в большинстве, — этот вопрос нужно еще исследовать) создавшаяся в результате революции III в. и вышедшая из общественных „низов". Она опиралась на крупное землевладение замкнуто-натурального типа. Производство было мелким, индивидуальным, с преобладанием крепостнических форм эксплуатации, при сохранении сильнейших пережитков рабства. В ремесле и торговле распространяются своеобразные государственно-крепостнические отношения: ремесленники прикрепляются либо к коллегиям, обязанным определенными поставками в пользу правительства, либо к государственным мастерским, где они работают вместе с приписанными к этим мастерским рабами.

Но на этом революция не кончилась. Даже общество IV в. еще не было феодальным. Процесс должен был дойти до конца. Чтобы мелкое производство и индивидуальная собственность могли окончательно восторжествовать и стать „исходным пунктом нового развития", пережитки рабства должны были быть устранены, в том числе один из важнейших — презрение свободных к труду. Энгельс, описывая состояние западной Европы в IX в. после н. э., говорит: „И все же за эти четыреста лет люди подвинулись вперед. Если даже в конце мы встречаем почти те же главные классы, что и в начале, то другими зато стали люди, составляющие эти классы. Исчезло античное рабство, исчезли опустившиеся, обнищавшие свободные, презиравшие труд, как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. „Бесполезные воспоминания и тщетная борьба" гибнущего римского мира были мертвы и погребены. Общественные классы девятого столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а среди мук родов цивилизации новой. Новое поколение, как господа, так и слуги, в сравнении со своими предшественниками, было поколением мужей. Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, ставшие для последних безвыходной формой гибели античного мира, явились теперь для первых исходным пунктом нового развития". [2]

Чтобы это могло случиться, античное общество должно

---

[1] Происхождение семьи, стр. 150—151.
[2] Там же, стр. 156—157.

было быть окончательно поглощено окружающей его „варварской“ стихией. Поэтому кратковременная стабилизация начала IV в. быстро окончилась. После смерти Константина (337 г.) „анархия“ разгорелась с новой силой. Короткая передышка при Феодосии (379—395 гг.) была последней. После него империя уже официально разделилась на две части. Западная половина вскоре была окончательно захлестнута германскими волнами. На Востоке этот процесс поглощения затянулся на много столетий. Но результатом и тут и там было образование феодальной общественной формации. Революция рабов окончилась.

Перейдем теперь к более подробному анализу второго этапа этой революции. Против кого она была непосредственно направлена? Наши источники не оставляют никаких сомнений в том, что удары революции непосредственно и в первую голову поражали имущие классы. Особенно характерна в этом отношении эпоха Максимина, бывшего фракийского крестьянина, дослужившегося в армии до высоких чинов и провозглашенного солдатами императором после убийства Александра Севера (235 г.). Один источник выражается про него следующим образом: „Никого из порядочных людей он вокруг себя не терпел, но правил совершенно по образцу Спартака и Афениона (nobilem circa se neminem passus est, prorsus ut Spartaci aut Athenioni imperabat)“.[1]

Источник этот, правда, довольно сомнительный, и его фразу о Спартаке и Афенионе едва ли следует понимать буквально. Но вот что говорит другой источник, гораздо более достоверный: „Каждый день можно было видеть тех, которые вчера были самыми богатыми людьми, а сегодня нуждались во всем. Такова была жадность тирана, который прикрывался предлогом, что ему нужны деньги для уплаты жалованья солдатам“.[2]

Этот же источник рисует яркую картину разграбления городов отрядами Максимина, когда погибали и крупные частные состояния и последние остатки общинно-городской собственности.[3] Жестокий режим террора охватил всю империю. „Какая польза в том, — замечает Геродиан, — что варвары были разгромлены, если в Риме и в провинциях свирепствовала кампания убийств“.[4] „Одни были распяты на кресте, другие зашиты в шкуры недавно убитых животных, третьи брошены диким зверям, четвертые забиты на смерть палками“.[5] Правда, имущим классам в конце концов удалось справиться с Максимином, но общее положение от этого не только не улуч-

---

[1] Script. Hist. Aug., XIX, 9, 6.
[2] Herodian., VII, 3, 3.
[3] Там же, 3, 5,—6.
[4] Там же, 3, 1.
[5] Script., XIX, 8, 7.

шилось, но стало совершенно невыносимым во второй половине III в.: непрерывные волнения городской и сельской бедноты и рабов, восстания армии, борьба бесчисленных претендентов на трон, огромное развитие разбойничьего и пиратского движения, эпидемии и, в довершение всего, грозные вторжения германцев, проникавших до самой Италии. Все это било прежде всего по имущим классам, по городам и городской собственности.

Основной движущей силой революции III-V вв., как мы указывали, была пестрая масса довольно разнородных (на первый взгляд, по крайней мере) социальных групп. Но все эти группы имели то общее, что они были представителями мелкого производства, мелкой парцеллярной или разлагавшейся общинно-родовой собственности. Даже армия, являвшаяся одним из важнейших факторов революции, не составляла в этом отношении исключения. Север, как известно, разрешил в пограничных местностях солдатам обрабатывать землю по близости от лагерей. Солдатским семьям было позволено жить здесь же. Это стояло в тесной связи с другой мерой, впервые проведенной М. Аврелием и затем широко применявшейся всеми последующими императорами: пленные германцы были поселены на римской земле с обязательством заниматься земледелием и служить в римском войске. „Римские провинции полны варварами-рабами и скифами-земледельцами“, гордо заявляет биограф Клавдия II. [1] „Все варвары вам пашут, сеют и воюют против внутренних племен... Галльские поля распахиваются варварскими волами“, читаем мы в биографии Проба. [2] Все это, конечно, звучит немножко слишком гордо для второй половины III в., но во всяком случае несомненно, что „варвары“ массами оседали внутри империи и что поэтому разница между римским крестьянином и варваром все более и более стиралась. Не об этом ли, между прочим, говорит и Сальвиан в своем знаменитом пассаже: „А между тем бедные разграбляются, вдовы стонут, сироты угнетены до того, что многие, принадлежа к известной фамилии и получив хорошее воспитание, бывают вынуждены искать убежища у врагов римского народа, чтобы не сделаться жертвою несправедливых преследований; они идут искать у варваров римского человеколюбия, потому что не могут перенести у римлян варварской бесчеловечности“. [3] Это место дополняется другим, гораздо более выразительным отрывком того же Сальвиана: „Единственная и всеобщая мечта римского простонародья (romanae plebis) состоит в том, чтобы жить с варварами“. [4]

[1] Script., XXV, 9.
[2] Там же, XXVIII, 15.
[3] Salv., De gubern. dei, V, 4—9. Перев. Стасюлевича, I, стр. 74.
[4] Там же, Стасюлевич, I, 78.

Весьма типично для движений III—IV вв. восстание так называемых багаудов, галльских и испанских крестьян, начавшееся в конце III в. и продолжавшееся около полутораста лет. Это была настоящая крестьянская война,[1] жестокая и кровавая, сопровождавшаяся разрушением городов и поместий, то затихавшая и превращавшаяся в разбой на больших дорогах, то снова разгоравшаяся, война с крестьянскими царями, Элианом и Амандом, во главе. В ней принимали участие и свободные крестьяне, и рабы, и крепостные, и батраки, одинаково доведенные до отчаяния политикой правительства. „С ними обращались жестоко,—говорит Сальвиан со своим обычным пафосом,—их грабили и казнили несправедливые и кровожадные судьи; потеряв право римской свободы, они не дорожили честью римского имени... Что же сделало их багаудами, как не наши насилия и неправота наших судей, как не пени и грабежи со стороны тех, которые обратили общественные подати в свой частный доход и сделали налоги своею добычею“.[2]

Из чисто городских движений нужно указать на восстание римского населения при Аврелиане, известное под именем восстания монетариев, т. е. рабочих монетного двора, точнее говоря, прикрепленных к нему ремесленных коллегий. Хотя мы не знаем точно ни характера движения, ни поводов к нему, тем не менее можно утверждать, что оно было чрезвычайно серьезным и подавление его стоило Аврелиану весьма дорого.[3] Я не буду говорить о бесчисленных волнениях и восстаниях городского населения этой эпохи в Александрии, Антиохии и других городах. Они достаточно известны.

Какую роль играли рабы во всех этих движениях? В целом ряде случаев источники прямо говорят об их участии, в других его можно предполагать. Биограф императора Галлиена (Поллион) рассказывает о разбойничьем движении в Сицилии, „подобном рабской войне, которое с трудом было подавлено“ (etiam in Siciliam quasi quoddam servile bellum exstitit latronibus evagantibus, qui vix oppressi sunt).[4]

В первой половине IV в. в северной Африке возникло революционное движение так называемых циркумцеллионов, крайнего левого крыла донатистов. Историк церкви Дюшен рассказывает о нем следующее: „Имя циркумцеллионов было усвоено шайкам фанатиков, которые рыскали по стране, осо-

---

[1] С крестьянскими восстаниями XIV в. н. э. ее сравнивал еще Гиббон. Также Burchardt, Die Zeit des Constantins des Grossen, 2-te Aufl., 1880, стр. 70.

[2] Стасюлевич, I,75. О багаудах см. Eutrop., IX, 20,3. Vict. de Caesar, 39. Amm., XXVIII, 2,10, Zosim., VI, 3, 5. Burchardt, ук. место. Seeck. у Pauly-Wiss. II, 4. Также в Geschic te des Untergangs der antiken Welt, 1, 23.

[3] Script., XXVI, 38, 2—4. Vict., 35. Eutrop., IX, 14. См. Groag, у Pauly-Wissowa V, 9. 1372-74. Gibbon, Histoire de la décadence etc., 1837, стр. 190-191.

[4] Script., XXIII, 4, 9.

бенно по Нумидии, чтобы помогать правому делу и сражаться с изменниками. Они стремились соблюдать правила воздержания, за что донатисты впоследствии сравнивали их с монахами католической церкви. Вооруженные внушительными дубинками, они появлялись всюду — на дорогах, ярмарках,— бродили около чужих домов, откуда их название циркумцеллионы, зорко следили за хуторами и дачами. Их интересовала не только распря Доната с Цецилианом. Как мстители за угнетенных и враги общественного неравенства, они охотно принимали сторону колонов против землевладельцев, рабов против господ, должников против заимодавцев. По первому зову угнетенных или выдававших себя за таковых, особенно по зову донатистского духовенства, когда его слишком теснила полиция, они являлись дикой толпой, испуская военный крик: „Хвала богу“ и потрясая своими знаменитыми палицами. Одним из любимых развлечений их было при встрече с повозкой, сопровождаемой рабами-скороходами, сажать в нее рабов и заставлять господ бежать перед экипажем“. [1]

В одном из самых драматических эпизодов всемирной истории — в опустошении Балканского полуострова готами при Валенте в 70-х гг. IV в. — рабы сыграли весьма крупную роль. Этот же эпизод ярко иллюстрирует тот контакт, который существовал между трудовыми элементами империи и „варварами“. Мы читаем у Аммиана Марцеллина: „Готы расселялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью являлось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков (sequendarum auri venarum periti non pauci), которые не могли снести тяжесть оброков; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники“. [2] Когда позднее вестготы под начальством Алариха осадили Рим, рабы, по свидетельству Прокопия, открыли им ворота. Гиббон пишет об этом: „Но старания сенаторов были бессильны против вероломства их рабов и слуг, происхождение или интересы которых привлекали их на сторону варваров. В полночь они без шума открыли городские ворота“. [3]

---

[1] Л. Дюшен, История древней церкви, т. II, стр. 160.
[2] Amm., Rer. gest., XXX, 6, 5—6. Перевод Ю. Кулаковского.
[3] Gibbon, ук. соч., стр. 750.

Бесспорно, однако, что в революции удельный вес рабов, по мере развития крепостнических отношений в IV и V вв., становился все меньше и меньше. Одновременно с этим росло участие в ней колонов и германцев. Но, во-первых, как мы уже видели, провести в IV и V вв. сколько-нибудь резкую грань между рабом и колоном с одной стороны, колоном и „варваром" с другой —представляется совершенно невозможным. Во-вторых, движение III—V вв. было направлено против гниющих обломков рабовладельческого общества и государства, т. е. было движением, по своей сущности, антирабовладельческим. Поэтому классовая борьба последних столетий империи была непосредственным продолжением и дальнейшим развитием классовой борьбы последних столетий республики, где, как мы видели, ведущую роль играли восстания рабов. Революция II—I вв. до н. э. и революция III—V вв. после н. э. представляют единый процесс, только временно приостановленный „стабилизацией" эпохи Флавиев и Антонинов.

Но насколько правомерно, однако, употребляем мы понятие „социальной революции" применительно к процессу крушения античного общества? Мне кажется, что в этом вопросе не может быть двух мнений. Мы имеем здесь налицо основные признаки революции: смену способа производства и, следовательно, смену формаций, вызванную противоречием между производительными силами и производственными отношениями и осуществленную восстаниями угнетенных классов. Обычно за внешней и эффектной картиной грандиозного краха империи, с его массовым разрушением материальных ценностей, падением денежного хозяйства, обезлюдением городов, огрубением нравов и т. п. не видят того основного факта, что еще в рамках рабовладельческого общества появился новый способ производства, т. е. не видят роста производительных сил. „Развитие римского сельского хозяйства, —писал Энгельс в „Юридическом социализме", —в эпоху императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, с другой стороны—к раздроблению имении на мелкие арендные участки, заселенные колонами. В результате этого развития получило преобладание карликовое хозяйство зависимых крестьян, предшественников более поздних крепостных, получил преобладание, таким образом, способ производства, в котором уже в зародыше содержался способ производства, ставший господствующим в средние века". [1]

Для второй революции античного общества, революции рабов, не приходится, конечно, доказывать, как мы делали для первой, что она протекала в формах острой классовой борьбы. К этому моменту классы уже вполне сформировались.

[1] Под знаменем марксизма, 1923 г. № 1, стр. 57.

Вот почему вторая революция античного общества является более зрелой, более развитой, чем первая.

Но ее спецификум также довольно велик. Этот специфнкум указан еще в „Коммунистическом манифесте", где установлены две формы, два пути завершения классовой борьбы: путь „революционного переустройства всего общества" и путь „совместной гибели борющихся классов". Совершенно очевидно, что: 1) по смыслу всего контекста окончание классовой борьбы означает здесь гибель старого способа производства, старого общества, старой формации; 2) под «совместной гибелью борющихся классов" Маркс и Энгельс понимали гибель античной формации и переход ее в формацию феодальную. Отличие революции рабов от буржуазной и пролетарской революций и вместе с тем ее своеобразие состоит в том, что она непосредственно кончается не революционным переустройством общества, а гибелью борющихся классов, т. е. в ней отсутствует непосредственный переход политической власти от одного класса к другому. Рабы, благодаря специфическим особенностям их, как класса, стоящего лишь на первой ступени классового развития, не могли победить в общегосударственном масштабе, не могли вырвать власть из рук рабовладельцев и создать свою диктатуру, как диктатуру революционного класса. Их восстания конца республики нанесли только жестокий удар рабовладельческому обществу, но еще не разрушили его.

Революция рабов победила только на втором этапе, когда ее победа была обусловлена созданием единого антирабовладельческого фронта из крепостных крестьян и ремесленников, германцев и рабов. В этом едином блоке рабы играли уже не ведущую роль. Благодаря трансформации рабовладельческого хозяйства рабы в своей значительной части превратились к IV—V вв. в „предшественников средневековых крепостных", а их господа, употребляя аналогичную формулу Энгельса, в „предшественников средневековых феодалов". Таким образом, борьба рабов и рабовладельцев, действительно, кончилась „совместной гибелью борющихся классов". Частично они были истреблены и ослаблены во время гражданских войн, частично трансформировались как классы. Конечно, „гибель борющихся классов" сама по себе не есть еще революция. Революцией она стала потому, что была причиной (и вместе с тем следствием) гибели старой формации и предпосылкой для создания новой. Революция рабов не передала непосредственно власти из рук рабовладельцев в руки феодалов. Для того, чтобы сложился западноевропейский феодализм, нужно было еще завоевание „варваров". Но, в конечном счете, такой переход власти от рабовладельцев к феодалам совершился, и, чтобы он совершился, нужна была революция рабов.

Объективный смысл этой революции не меняется, конечно,

оттого, что она была завершена не только рабами и не столько рабами, сколько крестьянами. Она была начата рабами, начата как революция антирабовладельческая и завершена как таковая союзом рабов и крестьян, при ведущей роли последних. Момент завоевания, имевший, конечно, огромное значение и для окончательного разрушения античного общества и для создания феодального, тем не менее, в качестве внешнего противоречия, никак не может быть отделен от противоречий внутренних, как не может быть отделен в V в. „внешний" германец от германца „внутреннего".

На первый взгляд может показаться, что теория социальной революции рабов есть не что иное, как повторение, с некоторыми модификациями, известной концепции Ростовцева о „пролетарской революции", погубившей античное общество и античную культуру. Не говоря здесь о всем известной политической, контрреволюционной основе „теории" Ростовцева, необходимо подчеркнуть только два момента, чтобы указать на абсолютное, принципиальное различие обеих конструкций: 1) доведенная до своего логического конца модернизаторская концепция фашизма неправомерно переносит в античность категорию пролетариата, отождествляя его с пролетариатом капиталистической формации, 2) гибель античного общества для Ростовцева и его единомышленников есть абсолютное падение производительных сил, возврат назад, к исходному пункту развития, к абсолютному варварству, завершение круга. Для нас, далеких от всякой модернизации, революция, положившая конец античному обществу, есть революция рабов. Она представляет шаг вперед, подъем на новую ступень на пути прогрессивного развития человечества.

Признание нами социальных революций в античном обществе будет означать окончательный разрыв с пережитками каутскианства. Концепция Каутского, как известно, на первый взгляд диаметрально противоположна концепции Ростовцева. Для Каутского в античности нет вообще никаких социальных революций: „Если сущность социальной революции, — говорит он, — видеть не в одном только государственном перевороте, а и в следующих за этим переворотом новообразованиях то тогда социальная революция есть нечто такое, что появляется на сцену лишь вместе с промышленным капиталом". [1] „Хотя в государствах Востока и в Антике, — пишет он в другом месте, — создается очень высокая цивилизация, однако в каждом из этих государств эта цивилизация заходит в тупик и погибает вместе с гибелью государства, не находя выхода на путях социальной революции. Из этого тупика выводит не революция изнутри, а толчок извне, а именно завоевание цивилизованной области со стороны пле-

[1] Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 419

мен, стоящих на той или иной ступени варварства, каковые племена вливают новые жизненные силы в старое гнилое государство, хотя при этом, разумеется, от отжившей и гибнущей цивилизации остается очень немного; новый цикл развития государственной и социальной области начинается примерно с того же самого пункта, с какого это развитие начинало и разрушенное государство". [1]

Как видно, „крайности", действительно, „сходятся": и Ростовцев и Каутский, начав, повидимому, с разных вещей: один — с универсализации пролетарской революции, а другой — с отрицания почти всякой революции, приходят к одному и тому же — к знаменитой и достаточно старой теории цикличности. Впрочем, „крайности" фашизма и социал-фашизма сходятся и в кое-чем другом, гораздо более важном. Они сходятся в том, что одинаково борются против пролетариата. Один делает это, доказывая буржуазии, какое это страшное, извечное, древнее как мир зло — пролетарская революция. Другой пересматривает Марксову теорию формаций и поучает пролетариат, что социальная революция бывает только одна: буржуазная революция против феодализма. Все дальнейшее развитие, как и предшествующее, происходит не „на путях социальной революции"...

Только общее учение о революции, созданное Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, включающее в себя и теорию античных революций, как свою составную часть, отражает объективную сущность исторического процесса и дает поэтому пролетариату единственно правильную ориентировку для того, чтобы не только познать мир, но и изменить его.

[1] Там же, стр. 618.

А. И. ТЮМЕНЕВ

Разложение родового строя и революция VII—VI вв. в Греции

Приступая к решению вопроса о том, рассматривать ли события VII—VI в.в Греции как социальную революцию, естественно прежде всего обратиться к основной работе Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства", работе, как говорит Энгельс в предисловии, завещанной ему Марксом и, следовательно, до известной степени являющейся как бы совместным трудом обоих основоположников марксизма. И вот, обращаясь к этому основному труду, мы видим, что даваемое здесь изложение истории возникновения афинского государства не оставляет никакого сомнения в том, что Энгельс видел в событиях VII—VI вв. именно социальную революцию. Время законодательства Дракона, Солона, Клисфена рассматривается здесь Энгельсом как эпоха смены формаций, как время перехода от последнего этапа формации доклассовой — родового строя — к классовой рабовладельческой формации. Законодательная работа этой эпохи направлена прежде всего именно против отживающего родового строя, которому она наносит ряд сокрушительных ударов. При этом возникновение государства, идущего на смену родовому строю, есть вместе и возникновение первой собственно классовой рабовладельческой формации.[1] И этот переход от родового строя к государству рисуется не как простой распад и отмирание старых родовых учреждений, а именно как взрыв, вызванный ростом внутренних противоречий, как ломка старых отношений, как социальная революция.

Напомню известное место: „Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимых противоречиях с самим собой, раскололось на противоположности, избавиться от которых оно бессильно".[2] „Столкновение новообразовавшихся общественных класов, — говорит Энгельс в

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, изд. 1932 г., стр. 114 сл., 170—172.
[2] Там же, стр. 171—172.

предисловии, — взрывает старое общество, покоящееся на родовых объединениях; его место заступает новое общество, спаянное в государство".[1]

Но, быть может, это падение родового строя следует представлять себе так, что родовые учреждения, не удовлетворявшие более общественным потребностям, просто отпали и не являлись объектом непосредственной классовой борьбы, которая шла помимо них? И такая точка зрения не является точкой зрения Энгельса. Энгельс не проводит в этом отношении никакого принципиального различия между революцией, принесшей с собой падение родового общества, и революциями, происходившими впоследствии при смене классовых формаций. В Афинах „государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового строя".[2] „Солон... открыл ряд так называемых политических революций и притом посягательством на собственность. Все бывшие до сих пор революции были революциями в целях защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могли охранять один вид собственности, не посягая на другой. В Великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти собственность буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников".[3] Но кто же были эти кредиторы, собственность которых пострадала во время революции, произведенной Солоном? Это была родовая знать. Энгельс говорит, именно, что „поля бедняка перешли в собственность благородного ростовщика",[4] затем далее о необходимости положить предел „жадности благородных к крестьянской земле".[5] Именно родовая знать и держалась еще умирающего родового строя и против нее непосредственно направлены были удары революции. Энгельс говорит о „победоносной конкуренции старой власти благородных в лице нового класса богатых промышленников и купцов", конкуренции, отнимавшей вместе с этим „последнюю почву у родового строя".[6] „Благородные", — говорит он дальше, — пытались вернуть себе прежние привилегии и на короткое время достигли преобладания, пока произведенная Клисфеном революция не низвергла их окончательно, а с ними и последние остатки родового строя".[7] Итак, Энгельс здесь определенно сопоставляет родовой строй и родовую знать и признает, что революция имела своим

[1] Там же, стр. 6.
[2] Там же, стр. 171.
[3] Там же, стр. 115.
[4] Там же, стр. 112.
[5] Там же, стр. 115—116.
[6] Там же, стр. 117.
[7] Там же.

объектом не только родовые учреждения, но и родовую знать, уже в рамках родового строя перерождавшуюся в аристократию землевладельческую.

Все признаки социальной революции здесь, таким образом, как видим, налицо: и рост внутреннего противоречия между растущими производительными силами и производственными отношениями, и переворот в надстройке в связи с изменением экономического базиса, и, наконец, столкновение противоречивых интересов образующихся классов, представляющих старый, отмирающий, и вновь нарождающийся общественный строй. Еще недавно у многих товарищей существовали сомнения относительно того, считать ли доклассовое общество формацией или нет, и не далее как два года назад в Государственной Академии истории материальной культуры происходила оживленная дискуссия по данному вопросу. Теперь, когда даже сторонники этого взгляда от него отказались, и ни у кого уже не существует более сомнений на этот счет, нет, думается, оснований и для того, чтобы отрицать факт социальной революции при переходе от родового общества, представляющего последнюю стадию в развитии доклассовой формации, к рабовладельческой формации. Указание на то, что в доклассовом обществе нет еще классов и противоречивых классовых интересов, звучит неубедительно, так как классы зарождаются уже внутри родового общества, причем именно факт зарождения их и составляет необходимое условие и предпосылку падения и разложения этого последнего.

Наглядным доказательством того, что классовая борьба времени падения родового строя в Греции была революцией, направленной, как сказано, против родовой знати, переродившейся в землевладельческую олигархию, является факт возникновения именно в непосредственной связи с классовой борьбой этого времени диалектической философии Гераклита. Диалектика в философии могла возникнуть лишь как отражение диалектики реальной классовой борьбы. Лучшее средство проверить правильность нашей линии — это сличить ее с теориями и построениями по тем же вопросам наших классовых врагов. И вот в данном случае, отрицая социально-революционный характер переворота, происшедшего в греческих городах в VII — VI вв., мы рискуем приблизиться к позиции буржуазных историков, которые стараются ослабить значение происшедшего переворота и представить падение родового строя как простое отмирание родовых пережитков.[1]

Главное сомнение в том, представляет ли революционное движение в Греции VII—VI вв. социальную революцию, сводится к тому, что в данном случае мы имеем дело с переходом от доклассового общества к классовому. Сомнение это,

[1] Ср., напр., Francotte, La cité grecque, стр. 46.

как я уже говорил, неосновательно уже по одному тому, что самая революция происходит в результате разложения родового строя, процесс же разложения родового строя (доклассового общества) именно и сводится к процессу классообразования и роста внутренних противоречий между вновь образующимися классами. Первоначальная, обнимающая всех членов племени родовая организация вырождается в замкнутую родовую олигархию, в олигархию замкнутых аристократических родов. И, поскольку революция направляется против родового строя, она направляется уже не против тех родовых учреждений, которые существовали в бесклассовом обществе, но против родовых учреждений в их выродившейся форме, против господства аристократических родов. Осветить эту сторону вопроса, проследить процесс постепенного разложения старого родового строя и классообразования и представляется, поэтому, прежде всего необходимым для выяснения характера и значения революционных переворотов, происшедших в ряде греческих городов на пороге рабовладельческой формации. Эту задачу — проследить процесс разложения родовых учреждений — я и ставлю прежде всего себе в настоящем докладе, насколько, конечно, это возможно при тех скудных данных, какие имеются на этот счет, и при выполнении работы в чрезвычайно спешном порядке.

Напомню прежде всего картину разложения греческого рода, какую дает Энгельс в „Происхождении семьи". Работа Энгельса хорошо известна, и я поэтому ограничусь лишь основными моментами. Исходный момент развития в Греции составляли те же „органические группы", как и у американских ирокезов, именно род, фратрия, племя, союз племен. Род греков, однако, уже не архаический род ирокезов: „Следы группового брака начинают значительно стираться. Материнское право уступило место отцовскому". Не буду перечислять основных признаков греческого рода, в перечислении которых Энгельс следует за Морганом и Гротом. Гораздо существеннее отметить, в чем расходился Энгельс с буржуазными историками. В отличие от Грота, Нибура, Моммсена и др., видевших в роде группу семей, Энгельс категорически утверждает, что именно благодаря такой исходной точке зрения они не могли понять природу и происхождение рода, что „при родовом строе семья никогда не была и не могла быть основной организационной ячейкой, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам. Род целиком входил в фратрию, фратрия целиком входила в состав племени; семья входила наполовину в род мужа и наполовину в род жены". „И, несмотря на это, — говорит он далее, — вся наша историческая наука исходит до сих пор из нелепого, ставшего особенно неприкосновенным в XVIII веке предположения, что моногамная индивидуальная семья, ко-

торая вряд ли древнее цивилизации, была тем основным ядром, вокруг которого постепенно кристаллизовалось общество и государство". Это расхождение Энгельса и Маркса с буржуазными исследователями во взглядах на первоначальную природу и происхождение рода необходимо специально отметить и подчеркнуть, так как все позднейшие работы и суждения представителей буржуазной науки о древнегреческом роде не только исходили из тех же представлений, но доводили их до крайности, до абсурда. Сводя род к объединению семей, „ученые филистеры" (Маркс) не умеют объяснить происхождение рода. Грот может установить лишь идейную связь между членами рода, в противоположность чему Маркс, цитируемый здесь Энгельсом, подчеркивает карнальную, попросту плотскую связь, первоначально объединявшую всех членов рода. „Фратрия, как и у американцев, представляет собой разделившийся на несколько родов и их объединяющий первоначальный род... Из нескольких родственных фратрий составляется племя". Известное из греческих источников четкое деление в Аттике племен на фратрии и фратрий на роды, по 3 фратрии в племени и по 30 родов во фратрии, „предполагает сознательное и планомерное вмешательство в естественно создавшийся порядок вещей". Не буду останавливаться на картине начавшегося разложения родо-племенного быта и зарождения аристократического элемента внутри древней первоначальной демократии. Она общеизвестна. Отмечу лишь то значение, какое приписывает Энгельс возникновению отцовского права. „Отцовское право с наследованием имущества детьми благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в ее отношении к роду"; [1] появляются выделяющиеся из массы знатные семьи. В том же направлении действует рабство и разбойничество на суше в целях захвата скота, рабов, сокровищ. Развивается „почитание богатства, как высшего блага, и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств". [2] Картина этого перерождения родового старшины в родовую знать рисуется Энгельсом необычайно сжато и в то же время ярко. А так как, как указывалось выше, этот процесс имеет особенно существенное значение для выяснения значения социальной революции VII—VI вв., я позволю себе напомнить это место и приведу здесь его в выдержке: „Военачальник, совет, народное собрание образуют органы, развивающиеся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника,

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, изд. 1932 г., стр. 107.
[2] Там же.

равно как и второстепенных вождей; обычно избрание его преемников из одной и той же семьи переходит мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, в наследственную власть, которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так постепенно отрываются органы родового строя от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность; из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы государства и угнетения против собственного народа. Но это никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы „имущественные различия внутри одного и того же рода не превращали общность интересов в антагонизм между членами рода" (Маркс) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным раба, более унизительным, чем грабеж". [1]

Дальнейшая картина разложения родового строя и возникновения государства, рисуемая Энгельсом, всем хорошо известна. Разделение труда между земледелием и ремеслом, развитие торговли и мореходства, перемешивание отдельных родов и фратрий, рост числа рабов и пришлого чужестранного населения, перерождение родовой аристократии в привилегированный класс, распространение денежного хозяйства и широкое развитие ростовщичества — все эти новые условия разлагали старый родовой строй и делали необходимой замену его новым государственным строем, основанным уже не на кровном, а на территориальном начале. Учреждение центрального правительства в Афинах, слияние населения Аттики в единый народ, затем введение территориальных административных округов — навкрарий, по двенадцати в каждом племени, нанесли первые удары родовому строю. Наконец, революции, произведенные Солоном и затем Клисфеном, довершили падение родового строя.

Излагая воззрения Маркса и Энгельса на древнегреческое родовое устройство и его разложение, я намеренно останавливался на тех основных сторонах и моментах, в которых концепция Маркса и Энгельса расходилась со взглядами буржуазных историков. Это расхождение начинается уже с определения самого понятия рода. Для Грота и других бур-

[1] Там же, стр. 165, 166.

жуазных историков род — это прежде всего союз семей, объединенных общей фиктивной родословной. Для Маркса и Энгельса это союз, основанный на кровном родстве, не знавшем еще индивидуальной семьи. Патриархальная семья, не исключая крупных семейных общин, которая для буржуазных историков образует исходный момент развития, для Маркса и Энгельса представляет, напротив, позднейшую ступень и продукт начавшегося уже разложения и распада родового строя. Соответственно и аристократические роды, составляющие в глазах буржуазных историков основное ядро родового строя, рассматриваются Марксом и Энгельсом прежде всего как продукт перерождения института родовых старейшин, имевшего по своему первоначальному значению и назначению демократический характер. В соответствии с общим представлением Маркса и Энгельса об архаическом характере рода, они признавали изначальной общинную собственность, в частной же, не исключая и семейной, собственности, видели продукт разложения первоначальной коммунистической родовой собственности, между тем в буржуазной науке уже в то время намечался поворот в сторону отрицания первобытной общины.

Недавно Е. Г. Кагаров в специальной статье „Взгляды Энгельса на происхождение афинского государства в свете новейших исторических исследований“ [1] поставил себе задачей проследить, насколько взгляды Энгельса нашли себе подтверждение в трудах „крупнейших специалистов“ последующего времени. Он приходит к положительному ответу: труды специалистов вполне подтверждают взгляды Энгельса. Однако, если бы Е. Г. Кагаров сосредоточил при этом свое внимание не на фактической стороне и не на отдельных фактических частностях и деталях, к тому же в большинстве принадлежавших не Энгельсу, но Моргану и Гроту, а на основной его концепции, он должен был бы притти к совершенно обратному заключению. Во взглядах на природу родовой организации и на ее историю буржуазные историки не только попрежнему расходятся с Энгельсом, но с течением времени все более удаляются в противоположную сторону. Само собой разумеется, это обстоятельство ни в какой степени нас смущать не должно. Напротив, и в данном случае такое расхождение с классовым врагом является лучшим критерием и подтверждением правильности взглядов Энгельса. И в данном случае можно смело утверждать, что мы имеем дело с одним из проявлений растущей реакционности буржуазии, с частным случаем обычной для современной буржуазной науки утраты чувства реальной действительности и возврата к реакционным ненаучным взглядам и представлениям прошлого.

[1] Известия Академии Наук СССР, 1931 г.

Игнорируя все результаты сравнительной этнографии и этнологии, с данными которых так превосходно согласуется античная традиция относительно общественного деления на филы, фратрии и роды, и упорствуя в своем стремлении именно в семье видеть исходный момент развития, представители буржуазной науки могут базироваться при этом только на совершенно проблематическом и не имеющем под собой никакой исторической основы рассуждении Аристотеля в начале его „Политики" о семье, как основе общества. Есть ли у них какие-либо иные данные для сведения родового строя в Греции к немногим аристократическим родам, представлявшим в свою очередь разросшуюся семью? Ровно никаких. Это свое утверждение я могу подтвердить ссылкой на такого исключительного знатока и специалиста по истории афинского общественного государственного строя, каким в свое время был Шеффер. „Положения, часто повторяемого различными учеными, — говорит он, — еще никому не удалось доказать; мало того, к стыду нашей науки должно сказать, что никто даже не пытался этого сделать, а все принимали свое личное воззрение, будто только благородные (εὐγενεῖς) люди имели право составлять роды, за неопровержимую аксиому... Обязанность доказательства они предпочитали возложить на своих противников".[1] Мне могут возразить, что это замечание было сделано Шеффером более 40 лет назад, в 1891 г., т. е. еще в то время, когда Энгельс выпускал второе издание „Происхождения семьи". Однако монография Шеффера об афинском гражданстве, откуда взята мною эта цитата, вышла уже после появления трактата Аристотеля об афинской политике, который и был учтен автором. С тех же пор никаких новых источников, которые могли бы пролить новый свет на вопрос, не появлялось. Единственным авторитетом, на который могут опираться буржуазные историки, остается все то же свидетельство Аристотеля, остальные доказательства по преимуществу негативного свойства, вроде, например, ссылки на отсутствие упоминаний о родах в известном месте Илиады, где Нестор советует Агамемнону построить войска по филам и фратриям. Отсутствие античных авторитетных свидетельств заменяется новейшими авторитетами, для нас, марксистов, нимало не являющимися таковыми. Так, все новейшие французские историки (Гиро, Франкотт. Глоц), базируются на авторитете Фюстель де Куланжа. Для немцев такими же авторитетами являются главы модернизаторского направления, Эд. Мейер, Пельман (к ним примыкает и Белох).

Если буржуазная научная мысль вообще склонна к робинзонадам (Дюринг, Бюхер) и соответственно к выведению всего

[1] В. Шеффер, Афинское гражданство и народное собрание, М., 1891, стр. 283, 286.

древнейшего общественного устройства из индивидуальной семьи, не умея и не желая отрешиться от присущих буржуазии индивидуалистических тенденций и представлений о семье, как основной ячейке и опоре общества, то в настоящее время, в связи с ростом реакционных настроений буржуазии, эти тенденции специально заостряются против теории первобытного коммунизма, в частности против теории общинного землевладения, причем на развитие этих тенденций в буржуазной науке немалое влияние оказал именно факт появления книг Моргана и Энгельса. Известно, что наиболее ярким представителем антикоммунистического направления в науке об античности является Роберт Пельман; и, конечно, не случайность, что именно ему и приписывается прежде всего сомнительная честь опровержения широко распространенной до того в самой буржуазной науке теории существования общинного землевладения в древней Греции.[1] Никаких фактических данных против общинной теории Пельман не приводит. Все его доводы сводятся к тому, что факты, приводившиеся сторонниками этой теории, могут быть истолкованы иначе, а так как толкует их в данном случае человек, задавшийся целью показать, что коммунизм существует только в фантазии и никогда не существовал в действительности, естественно, что его толкования будут не в пользу первобытной общины. А так как, с другой стороны, „доказательства“ Пельмана представляют собой так наз. доказательства ad hominem, в данном случае ad homines буржуазного вида, можно легко было, и не будучи пророком, предвидеть успех этих „доказательств“. При этом Пельман даже не скрывает мотивов, побудивших его выступить против общинной теории. Второе (и третье посмертное) издание книги Пельмана „Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt“ (1912, 1925) начинается непосредственно с выпадов против теории первобытного коммунизма, развитой Морганом и Энгельсом. Цитируя приводимые в конце книги Энгельса слова Моргана, что будущее общество является „возрождением в более высокой форме свободы, равенства и братства древних родов“, Пельман делает отсюда свой вывод: „Этот скепсис [в отношении первобытного коммунизма и общинной теории. *А. Т.*],— замечает он, — является тем более необходимым, чем более в наше время социалисты склонны идеалы и пожелания нашего времени проецировать в прошлое, когда общественный инстинкт человека и давление необходимости приводили к созданию кое-каких социальных образований, которым современ-

[1] Swoboda, Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte, 1905, стр. 42 сл.; Busolt, Griechische Staatskunde, I (1920). стр. 142, прим. 1; Вебер, Аграрная история древнего мира, стр. 400.

ный социализм приписывает значение прообразов осуществления его собственных целей". [1]

Вслед за Пельманом первобытную общинную собственность в Греции отрицает большинство современных германских историков. [2] Другие, преимущественно французские историки, примыкающие к теории семейной общины Фюстель де Куланжа, [3] хотя и признают первоначальную общность владения, но исключительно в пределах семейных общин, решительно выступая против коллективной общинной собственности и против первобытного коммунизма. Белох [4] вообще обходит молчанием вопрос о первоначальном общинном владении. Э. Мейер [5] обрушивается на всю родовую теорию в целом, стремясь поставить на место рода в качестве изначальной общественной формы государство, которое он находит уже у австралийцев. Если он сам при этом связывает факт возникновения родовой теории с современными либеральными тенденциями, то связь его собственной гипотезы об извечности государства с его бисмаркианскими симпатиями и преклонением перед всемогуществом государства выступает еще несомненнее и откровеннее. Любопытно, что энергичного соратника в своем походе против общины и общинного землевладения в области средневековой истории Пельман и его последователи нашли в современной главе и наиболее ярком представителе реакционнейшей исторической школы Ранке, Георге Белове. Но есть и любопытные исключения, и характерно, что именно в среде узких специалистов по исследованию античности, замкнувшихся в своей специальности и потому менее испытывающих на себе влияние реакционных тенденций, характеризующих буржуазную науку наших дней, отрицание коллективной собственности как раз и не встречает сочувствия. Я имею в виду Виламовица Мёллендорфа, который одинаково как в своей давней работе

---

[1] Geschichte der sozialen Frage, 3-е изд. (1925), стр. 3: „Diese Skepsis ist um so notwendiger, je mehr in unserem Zeitalter der Sozialismus geneigt ist die Ideale und Wünsche der Gegenwart in die Vergangenheit zurück zu projizieren, in der der gesellschaftliche Instinkt der Menschen und der Zwang der Verhältnisse mancherlei Sozialgebilde geschaffen hat, denen der moderne Sozialismus eine gewisse vorbildliche Bedeutung für sein eigenes Ziel zuschreibt".

[2] H. Swoboda, Beiträge zur griechichen Rechtsgeschichte, Weimar, 1905, стр. 89 сл., М. Вебер, Аграрная история древнего мира, стр. 142-143; Busolt, Griechische Staatskunde, стр. 142 сл.

[3] Fustel de Coulanges, La cité antique, ср. Recherches sur le droit de propriété chez les Grecs (Nouvelles recherches, Paris, 1891); Guiraud, La propriété foncière en Grèce, 1893, стр. 46, 96; Beauchet, Histoire du droit privé de la république athénienne, II, стр. 335; III, стр. 59, 194, 567; Lecrivain, Note sur le caractère de la propriété foncière dans les poèmes homériques (Mém. de l'Ac. des Inscriptions et belles-lettres, IV (1892), стр. 218—226; статья gens s. v. у Daremberg-Saglio, 1499 a; Glotz, La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. 1905, стр. 327.

[4] Griechische Geschichte, I, 2-е изд.

[5] Geschichte des Altertums, I, 1,4-е изд., 1921, стр. 12 сл., 45 сл.

„Aristoteles und Athen“ (1893, II, стр. 47—48), так и в позднейшей „Staat und Gesellschaft der Griechen“ (из серии „Kultur der Gegenwart“, 1910, 2-е изд., 1923) высказывается за исконность общественной собственности при позднейшем развитии частной собственности, [1] а также чисто справочные и насыщенные ссылками на источники статьи Lenschau, Kleros и Egon Weiss, Kollektiveigentum (Real-Encyclopädie, Pauly-Wissowa). Особенно показательны те выводы, к которым при всей своей консервативности, при всем идеализме своих общих воззрений, приходит Виламовиц-Мёллендорф. Возможно, что в данном случае специальное свойство, отличающее работы Виламовица, именно совершенное игнорирование результатов чужих трудов, спасло его от влияния общих реакционных установок буржуазной науки последнего времени. С другой стороны, тем показательнее, что именно такой узкий специалист, принципиально чуждающийся всяких этнографических параллелей и строящий свои выводы исключительно на греческом материале, вопреки своим буржуазным коллегам, констатирует существование коллективной собственности. Мало того, и позднейшее развитие частной собственности он обставляет такими оговорками и рисует такими красками, что в его изображении частная собственность в Греции почти совпадает с тем определением, какое дают „античной собственности“ Маркс и Энгельс в „Немецкой идеологии“.

Не коммунистические родовые организации, а олигархия аристократических родов — таков в глазах буржуазных историков исходный момент общественного развития. В этом согласны все буржуазные историки, как энгельсовского, так и позднейшего времени. [2] Я уже отмечал выше, что никаких данных и никаких оснований для подобного утверждения нет, кроме предубеждения самих буржуазных теоретиков и историков в пользу индивидуальной семьи. Упорствуя в своем заблуждении и эволюционируя далее в том же направлении, буржуазные историки доводят свою мысль до абсурда и до признания действительности единого родоначальника, приходя таким образом к

---

[1] Стр. 61—62.

[2] Philippi, Beiträge zur Geschichte des attischen Bürgerrechts; Dittenberger в „Hermes“, XX (1885), стр. 3 сл.; Max Duncker, Geschichte des Altertums, V, стр. 333—334; Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II, стр. 309; Forschungen. II (1899), стр. 517; Beloch, Griechische Geschichte, I, 2-е изд. стр. 85; M. Вебер, Аграрная история древнего мира, стр. 111; Busolt, Griechische Staatskunde, I стр. 295; Wilamowitz-Möllendorff, Staat und Gesellschaft der Griechen, 1910, стр. 41; Fustel de Coulanges, La cité antique; Francotte, Polis grecque, 1907, стр. 24; Glotz, La solidarité de la famille..., стр. 3; Histoire grecque, I; La cité grecque, 1928, стр. I; Виппер, История Греции, стр. 46—48. Исключение составляет H. Berve (Griechische Geschichte, I, 1931, стр. 81), признающий позднейшее происхождение аристократии, что объясняется прежде всего его расовой точкой зрения: он видит в аристократии элементы чисто греческой расы, сумевшие в отличие от остальной массы уберечь себя от смешения с туземным населением.

ветхозаветной теории происхождения от праотца Адама. Как быстро эволюционировала мысль буржуазных историков в этом антинаучном направлении, может показать пример Белоха. Вот что писал он о роде у греков в первом томе своей „Греческой истории“, вышедшем в 1893 г.: „У греков, как и у всех остальных индогерманских народов, господствовал родовой порядок, — без сомнения, наследие той эпохи, которая предшествовала разделению племен. В основе этого порядка, повидимому, лежало первоначальное материнское право... Во всяком случае этот строй был оставлен очень рано. Уже с самой отдаленной древности, от которой до нас дошли сведения, принадлежность к роду обусловливалась происхождением со стороны отца. Все члены рода смотрели на себя теперь как на потомков одного общего родоначальника, от которого они производили и самое имя рода; в действительности дело происходило, конечно, наоборот, т. е. мнимый основатель рода был не чем иным, как персонификацией родового имени“. [1] Так писал о греческом роде Белох в 1893 г., а менее чем 20 лет спустя во втором издании той же „Греческой истории“, первый том которого вышел в 1912 г., он писал уже совершенно обратное. Здесь он высказывается гораздо короче и буквально говорит следующее: „как и остальные индо-германские народы, и греческий народ делился на родовые союзы; едва ли может быть сомнение в том, что греки принесли эту организацию с собой на их новую родину. Члены такого союза, „братства“ (фратрии), смотрели на себя как на потомков одного общего родоначальника, и по большей части и в действительности были таковыми“. [2] Были ли в распоряжении Белоха какие-либо данные, которые заставили бы его отказаться от своей прежней точки зрения? Абсолютно никаких. Напротив, если в первом издании он приводил ряд довольно убедительных доказательств в пользу существования матриархата в Греции, то во втором издании по вопросу о происхождении рода он ограничивается исключительно приведенной выше фразой. Единственным аргументом в пользу отказа от прежней точки зрения для Белоха в данном случае послужило то предупреждение против опасности приближения к коммунистической точке зрения, какое делает Пельман в начале своей книги.

Характерно, что и сам глава антикоммунистического направления Пельман в первом издании своей книги об античном коммунизме говорил еще о переходе греков к полной оседлости „общинным путем и о заселении территории родами“, [3] во втором и третьем изданиях этот общинный путь совершенно исчезает со страниц его книги, и изложение, как и у Белоха,

[1] История Греции, т. I, 1897 г., стр. 31—32.

[2] „Betrachteten sich als Abkömmlinge eines gemeinsamen Stammvaters und waren es wohl zum grossen Teile auch wirklich“. Griechische Geschichte, I, 1, 2-е изд. стр. 8.

[3] Стр. 7 русского издания 1910 г.

получает в данном месте более лапидарный и в то же время догматический характер.

Полная бездоказательность всех буржуазных теорий относительно греческого рода выступает тотчас же, как только от общих положений они переходят к попыткам реконструировать историю родового строя в Греции. Если в отношении выведения рода из семьи в среде буржуазных историков царит трогательное единодушие, то, поскольку отсутствие данных оставляет широкое поле для фантазии, при намечении отдельных фаз этого процесса господствует, напротив, полный хаос. Я уже оставляю в стороне такие факты, как замечание М. Куторги [1] о перенесении родового начала с Востока или теорию Виппера, производившего фратрии из жреческих корпораций, образовавшихся вокруг особо уважаемых святилищ. [2] Даже по основному вопросу относительно последовательности стадий развития родового строя между буржуазными историками существует полная разноголосица. В то время, как Эд. Мейер ведет линию развития от фратрий, как более древних общественных делений, к родам, как к более поздним образованиям, [3] и к этому мнению присоединяется Хазебрек, [4] М. Вебер, напротив, считает род древнейшей основой общества, фратрии же и филы — позднейшими образованиями. [5] Странным образом Вебер в то же время утверждает, что его описание греческого рода „во всем существенном примыкает к взглядам Эд. Мейера". К тому же мнению, повидимому, склоняется и Франкотт. [6] Впрочем, какой-либо ясности в этом отношении у буржуазных историков мы напрасно стали бы искать. Характерно, что деление на филы, уже одна общность и распространенность которого свидетельствует о его древности, нередко рассматривается буржуазными историками как искусственное, возникшее путем законодательства и, следовательно, уже в относительно позднюю эпоху. Образование фил связывается при этом с образованием города и государства или даже с еще более поздним временем. Таково мнение Виламовица, [7] Эд. Мейера, [8] E. Szanto, [9] Lözius, [10] М. Вебера, [11], Виппера. [12] Другие исследо-

[1] Соч., т. II, 1896, стр. 403.

[2] Виппер, История Греции, стр. 73 и сл.

[3] „Das Geschlecht ist jüngeren Ursprungs als Phratrie und Familie". Forschungen, II, стр. 517.

[4] Griechische Wirtschafts-und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931, стр. 96: „Darum ist gegenüber Phylen, Phratrien und dem gewöhnlichen Familienverband das Geschlecht die jüngere Erscheinung".

[5] Аграрная история древнего мира, стр. 139—140.

[6] La polis grecque, стр. 31—34.

[7] Aristoteles und Athen, II, стр. 141.

[8] Forschungen, II, стр. 529.

[9] Griechische Phylen. Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, CXLIV (1901), стр. 44.

[10] Gentilicische und lokale Phylen in Attika. Philologus, LXI (1907,) стр. 321 сл.

[11] Аграрная история древнего мира, стр. 140.

[12] История Греции, стр. 74.

ватели, напротив, считают филы исконными и принесенными греками с их предполагаемой прародины племенными делениями. Так думают, например, Франкотт,[1] Глотц,[2] Белох[3] Бузольт,[4] в самое последнее время Хазебрек.[5]

Но настоящий камень преткновения для буржуазных историков представляет вопрос об отношении к родовым организациям низших беднейших слоев населения, стоявших вне позднейших знатных родов и фамилий. Известно, что беднейшее, оказавшееся вне знатных родов население Аттики все же пользовалось известными гражданскими и, во всяком случае со времен Дракона и Солона, и политическими правами, что оно, таким образом, если, быть может, и составляло массу неполноправных членов родового общества, во всяком случае не стояло вне его; известно далее, что и отправление культа Зевса Геркейского и Аполлона Патроона не ограничивалось знатными родами, но охватывало и более широкие круги, организованные в коллегии оргеонов и тиазотов и входившие во фратрии. И вот, если видеть в аристократических родах позднейшее перерождение старой родовой организации, не знавшей еще не только знатных семейств, но и индивидуальных семей вообще, все эти права и участие в культовой и общественной жизни нечленов знатных родов могут быть объяснены как права, частично сохранившиеся от того времени, когда все члены племенной родовой организации были равноправными. Напротив, для историков, видящих в родовом строе исключительно замкнутую олигархию немногих семейств, разросшихся затем в аристократические роды, никакого первоначального равенства никогда не существовало, и, напротив, деление на знатных полноправных членов родовых организаций и на население, стоявшее вне этих организаций, представляется исконным.[6]

Все эти историки должны поэтому исходить и действительно исходят из предположения, что неполноправное население, стоявшее первоначально вне родов и фратрий, было лишь впоследствии допущено во фратрии. Но так как источники не содержат никаких указаний, как, когда, в какой форме и при каких обстоятельствах происходило такое предполагаемое допущение во фратрии населения, первоначально будто бы стоявшего вне фратрий и родов, что опять-таки вынуждены

---

[1] La polis grecque, стр. 24, 37.
[2] La cité grecque, стр. 73.
[3] Griechische Geschichte, 2 издание, 1912, I, 1, стр. 85.
[4] Griechische Staatskunde, II, 1926, стр. 786.
[5] Grichiche Wirtschafts-und Gesell schaftsgeschichte bis zur Perserzeit, Tübingen. 1931, стр. 2, 53 сл., 90 сл.
[6] Ср. Francotte, La polis grecque. стр. 31: „La noblesse a des commencements plus humbles. Dans toute société humaine si primitive qu'elle soit, se font sentir les efforts de l'inégalité entre les hommes".

признавать сами буржуазные историки,[1] для различных вымыслов и гипотетических построений остается еще более широкий простор и господствует еще больший произвол, чем при построении теорий происхождения родовой организации в Греции. Одни историки, как Фюстель де Куланж,[2] Гильберт,[3] Дункер,[4] Бузольт[5] устанавливают отношения знатных и незнатных членов родов по типу клиентелы; другие видят в них просто неполноправных членов общины, не вдаваясь в вопрос об отношении их к членам знатных родов.[6] Третьи предполагают, что они образовали свои особые роды, объединенные только культом, в качестве своего рода gentes minores.[7] Большинство же историков, однако, стоит на той точке зрения, что допущение плебейского неравноправного населения во фратрии и роды было результатом специального законодательного акта, время которого относится то к древнейшей додраконовской эпохе,[8] то к Солону,[9] то, наконец, чаще всего ко времени законодательства Клисфена.[10]

Обзор послеэнгельсовской буржуазной литературы показал, что если взгляды Энгельса и расходятся с установленными выводами новейшей буржуазной науки, это расхождение обусловливается во всяком случае не наличием каких-либо новых данных, но прежде всего различием основных методологических установок. Нам поэтому нет никаких оснований для пересмотра точки зрения Энгельса. Напротив, именно представители буржуазной исторической науки, упорствуя в своих заблуждениях и доводя их до конца, сами лишают себя возможности правильно понять и осветить природу и историю родового строя в Греции. Мы видим, что все их теории, хотят они этого или нет, ведут к праотцу Адаму. Чем скорее они пройдут этот путь, чем скорее они сделают все окончательные выводы из своих теоретических построений и чем скорее

---

[1] Так, Тумзер констатирует, что традиция не дает ответа на этот вопрос и поэтому приходится прибегать к доводам разума (Vernunftgründen). Hermann Thumser, Staatsaltertümer, 6-е изд., I, стр. 312; ср. Шеффер. Афинское гражданство, стр. 271. Об априорности всех соображений по данному вопросу ср. также стр. 287: „Кто желает изучать историю афинских учреждений, а не сочинять ее, не имеет права“...

[2] La cité antique, 1884, стр. 275.

[3] Griechische Staatsaltertümer, I, стр. 111—113.

[4] Geschichte des Altertums, Y, стр. 84.

[5] Griechische Geschichte, I, 39.

[6] Francotte, La polis grecque, стр. 13.

[7] Hermann Thumser, I, S. 312; ср. Glotz, Histoire grecque, стр. 414; La cité grecque, стр. 18—19; H. Berve, Griechische Geschichte, I, 1931, стр. 81—82.

[8] M. Wilbrandt, Die politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon. „Philologus“, Suppl. Band, VII, 1898, стр. 151.

[9] Такую возможность допускает Шеффер, стр. 279 сл.

[10] Wilamowitz-Möllendorff, Aus Kydathen, Phil. Untersuchungen, 1880, стр. 95; Szanto, Untersuchungen über das attische Bürgerrecht, 1881, стр. 46; Töppfer, Attische Genealogie, 1889, стр. 7.

доведут их до абсурда, тем лучше для нас. Но нам-то во всяком случае с ними не по пути.

Исходным моментом общественного развития Греции, как и вообще на всем земном шаре, была не индивидуальная семья и не семейная община, но кровно-родственные родоплеменные объединения, включавшие в себя роды и фратрии, но не знавшие еще индивидуальной семьи и потому основывавшиеся еще на отношениях материнства и признававшие лишь происхождение и родство по матери. Хотя историческая и даже гомеровская Греция не знает уже совершенно таких архаических родовых организаций, однако, следы и пережитки их сохранились в достаточном числе, чтобы мы могли если не реконструировать, то по крайней мере предположить существование их в более ранние эпохи. Роды эти первоначально носили отнюдь не генеалогический характер, как склонны представлять буржуазные историки, но тотемический характер. Об этом свидетельствуют как широкое распространение культа животных, так и непосредственные пережитки тотемизма. Чтобы полностью осветить существование тотемизма и тотемических родов в Греции, необходимо специальное исследование. Я же могу ограничиться здесь лишь беглыми замечаниями и случайными примерами. Но думаю, что и эти случайно выхваченные примеры окажутся достаточно убедительными. Само собой разумеется, что распространение в Греции культа животных никоим образом нельзя сводить к простому культу фетишей, как это делал Групце.[1] Эта точка зрения являлась устаревшей уже в его время. Еще менее можно связывать культ животных с культом душ, как это пытался сделать вслед за Вундтом в своей крайне неудачной и неуклюжей монографии В. Клингер.[2] Культ животных восходит к той отдаленной эпохе, когда животные играли еще непосредственную роль в жизни людей и когда многие роды и фратрии носили имена тотемных животных. Фантастические образы фавнов и кентавров, конечно, не простая игра фантазии. Не случайно и пастушеская страна Аркадия была страной Пана и козлоногих фавнов, а славившаяся своим коневодством Фессалия породила представление о людях-лошадях, кентаврах. Гомеровское племя мирмидонян позднейшее сказание связывало с муравьями, производя их от предка муравья Мюрмекса;[3] „Волчий Зевс" (Ζεὺς Λυκαῖος), как известно, был национальным богом аркадцев, и в честь его справлялись ликейские празднества, восходящие к глубокой древности и

---

[1] Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906, § 265, стр. 792–813.

[2] Животные в античном и современном суеверии, Киев, 1911 г.

[3] Roscher, Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, s. v. Myrmex und Myrmidon.

первоначально сопровождавшиеся человеческими жертвами.[1] Известно, что жрецы отдельных местных святилищ часто носили название животных: жрецы храма Посейдона назывались быками ταῦροι, жрицы храма Деметры и Коры в Лаконии — πῶλοι — поросятами, последователи Диониса — козлами — τράγοι. Обычные в Греции сочетания образов богов с представлениями о различных животных, конечно, тоже восходят к той же эпохе. Соблазнительной представляется мысль о тотемистическом происхождении мифов о сближении Зевса с смертными женщинами. В таком случае в виде орла он оказывается через Эака родоначальником рода Ахилла и Аякса Теламонида, в виде быка — родоначальником критских героев Миноса и Радаманта, в виде лебедя — отцом спартанских героев-близнецов Кастора и Полидевка и знаменитой жены Менелая Елены. Доказать, впрочем, тотемическое значение мифов о Зевсе невозможно. Определенно выступают следы тотемизма в Аттике. Здесь тотемические корни сохранились в названиях многих родов — Бузигов (от βοῦς бык), Этеобутадов,[2] Киннидов (от κύων, κυνός — собака), Ликомидов (λύκος — волк).[3] Название некоторых демов также носили имена животных: Алопеки (ἀλώπηξ — лисица) в Антиохийской филе, μύρμηξ в Кекропиде, Бутады в филе Энеис, Криоа (κριῶα от κριός — баран) — также в Антиохийской филе. Особый интерес представляют культы Артемиды-медведицы и таврополы в Браврone, первоначально культы местных родов Филаидов и рода Писистрата,[4] получившие затем общеаттическое значение со времени возвышения этих родов в VI в.[5] Особенно культ Артемиды-медведицы носил архаический характер, он был учрежден ради умилостивления убитой медведицы (в историческое время медведицы уже не встречались в Аттике). Девочки, выполнявшие в течение определенного (годичного) срока роль жриц и носившие на это время название медведиц, должны были символизировать прежние человеческие жертвоприношения, носили специальную одежду, первоначально имитировавшую шкуру медведицы, но впоследствии замененную платьем светло-коричневого цвета.

Не менее существенное значение для доказательства существования архаического, не знавшего еще индивидуальной семьи, родового строя, имеют пережитки материнского права, матриархата, представляющие воспоминание того времени, когда патриархат индивидуальной семьи еще не существовал. Я не буду останавливаться на всех тех доказательствах, которые приводились в пользу существования матриархата в

---

[1] Roscher. s. v. Λυκαῖος.
[2] Echter Stierwald по Pape-Sengebusch.
[3] Wölfinger по Pape-Sengebusch.
[4] См. о них у Pauly-Wissowa s. v. Ἀρκτεία Βραυρών. Stengel, Griechische Kultusaltertümer, 2-е изд., 1897, стр. 217.
[5] Ср. Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgechichte, стр. 43.

Греции. Укажу лишь на то значение, какое женщины-прародительницы (через непосредственное общение с божеством, часто носящим тотемические черты) занимали в генеалогии древнейших царских родов и мифических героев. Напомню дошедший до нас с именем Гесиода „Каталог женщин“, посвященный специально прославлению женщин-родоначальниц и матерей героев. Показателен также и тот факт, что несомненно один из древнейших культов, как культ Артемиды Бравронии, выполнялся женским персоналом, носившим, как мы видели, характерное наименование медведиц. Не задерживаясь на этих примерах, я считаю необходимым, однако, остановить ваше внимание на анализе термина „гомогалакты“, который, как мне кажется, может пролить некоторый свет на темную историю греческого рода. Термин „гомогалакты“ буквально—одномолочники, молочные братья; чему соответствовало для патриархального рода ὁμοπάτορες — дети одного отца, служил для обозначения наряду с термином геннеты членов одного и того же рода, в историческое время знатных родов.[1] Из этих двух терминов один, именно геннеты, означал собственно членов патриархального рода — γένος, другой, напротив, представлял собой пережиточный термин и означал, очевидно, происхождение от одной матери или, так как это слишком сужало круг родственников, в более широком значении — „вскормленные молоком—рожденные от дочерей одной матери“ (так широко толкует этот термин и Белох),[2] таким образом имелся в виду типичный матриархальный род. Толкование Виламовица, видящего в гомогалактах „молочных братьев, вскормленных одной и той же кормилицей“,[3] совершенно неприемлемо и совершенно не отвечает всему смыслу текста. Толкование Белоха, согласно которому термин „гомогалакты“ должен был означать потомство от законной жены, в отличие от детей, прижитых с наложницами, не только крайне искусственно и ни на чем не основано, но и совершенно несовместимо с тем более широким значением, какое, как сейчас увидим, дает ему Аристотель. На то, что термин ὁμογάλακτες представляет собой пережиток более архаической формы рода, мы имеем и прямое указание античного источника, именно свидетельство Филохора, самого выдающегося афинского аттидографа (конца IV — начала III в.), свидетельство которого в вопросах этого рода представляется особенно авторитетным. „Гомогалактами, — говорит Филохор, —

---

[1] Pollux, III, стр. 52: ἐκαλοῦντο δ᾽οὗτοι (οἱ ἐν ἑκάστῳ γένει ἄνδρες) καὶ ὁμογάλακτες καὶ ὀργεῶνες. Phot.: Ὁμογάλακτες οἱ τοῦ αὐτοῦ γάλακτος, οὓς καὶ γεννήτας ἐκάλουν, Hesych.: Ὁμογάλακτες οἱ ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους. Philochor., fr. 94 (Suidas s. v. ὀργεῶνες): καὶ τοὺς ὁμογάλακτας, οὓς γεννήτας καλοῦμεν.

[2] Griechische Geschichte, 2-е изд., I, 1, стр. 84, прим. I.

[3] Aristoteles und Athen, I, стр. 273: „Das was den adeligen Herrn mit den leiblichen Kindern seiner Amme verbindet“.

прежде назывались те, кто теперь называются геннетами".[1]

Но термин „гомогалакты" не только более архаичен, он в то же время имеет более широкое значение. Этим термином обозначались не только члены знатных родов, собственно геннеты, но и жители одной и той же деревни, как о том свидетельствует Аристотель, у которого мы читаем: „Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения „молочными братьями" [„гомогалактами". *А. Т.*], „сыновьями", „внуками".[2] Это свидетельство Аристотеля чрезвычайно ценно для нас, так как оно показывает, что жители деревни первоначально видели друг в друге родственников, т. е. именно членов одного рода и притом, судя по применению термина „гомогалакты" именно материнского рода.

Итак, термин гомогалакты шире, чем геннеты: он означает одинаково и членов знатных аристократических родов, собственно геннетов; и членов одной и той же деревни, первоначально также признававших взаимное родство. В то же время этот термин и древнее, как по прямому свидетельству Филохора, так и по несомненной архаичности своего значения. Отсюда мы можем сделать с несомненностью тот вывод, что именно матриархальный род представлял первоначальную общественную форму, из которой впоследствии в результате его разложения обособились с одной стороны знатные аристократические роды, родовая знать, с другой остальная масса населения деревни, причем в общем термине „гомогалакты" сохранилось воспоминание о первоначальном их единстве.

Так же, как о древнем материнском роде в Греции остались лишь воспоминания, так же рано исчезли здесь и коллективное производство и коллективная собственность. В гомеровскую эпоху, при относительно высоком уровне развития земледелия и скотоводства, при существовании плужного земледелия с унавоживанием полей, посадных культур, оросительных работ на небольших участках, такое коллективное производство во всяком случае должно было уступить место частному индивидуальному хозяйству. Земли поделены на клеры — участки, обрабатываемые отдельными хозяевами. Правда, в гомеровских поэмах мы не имеем более определенных указаний на способ ведения хозяйства, но в Гесиодовской поэме, составленной одним-полутора столетием позднее, мы уже во всяком случае имеем типичное мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство; рост внутреннего противоречия и разложения коммунистического родового строя и совершался прежде всего именно по линии индивидуализации

[1] Fragm. 91 (Harpokration s. v. γεννῆται): Φιλόχορος φησι, πρότερον ὁμογάλακτας ὀνομάζεσθαι, οὓς νῦν γεννήτας καλοῦσιν.

[2] Arist., Pol., I, 1, 7, 1252 b: μάλιστα δ'ἔοικε κατὰ φύσιν ἡ κώμη ἀποικία οἰκίας εἶναι οὓς καλοῦσίν τινες ὁμογάλακτας παῖδάς τε καὶ παίδων παῖδας.

производства и хозяйственной деятельности. С индивидуализацией производства развивается частная собственность, с частной собственностью — имущественное неравенство и возможность эксплуатации, а вместе с этой последней первая форма классового общества — общество рабовладельческое.

Не следует представлять себе, однако, развитие частной собственности слишком упрощенно. Частная собственность, которая шла на смену коммунистической, далеко еще не являлась той полной частной собственностью, какая существует в современную капиталистическую эпоху. Развитие частной собственности имеет также свои последовательные стадии, соответствующие различным способам производства и эксплуатации, как это отметили Маркс и Энгельс в „Немецкой идеологии". Необходимо учитывать, с одной стороны, переходную ступень, „последний этап" архаической формации, говоря словами Маркса, [1] в форме общинного землевладения; с другой же стороны, также то обстоятельство, что в развитом рабовладельческом обществе античная собственность не является еще вполне развитой частной собственностью и что за нею постоянно стоит государство.

Я не буду приводить здесь доказательств, какие приводятся в пользу или против существования общинного землевладения в гомеровской Греции. Они общеизвестны, и нового тут добавить нечего. Вопрос о том, существовало ли в Греции общинное землевладение именно в форме передельной общины, в конце концов не имеет существенного значения. Возможно, что специальные условия греческого земледелия, необходимость более тщательной обработки скудной почвы и оросительных работ на отдельных участках, часто создания искусственной наносной почвы, с одной стороны, развитие торговли и денежного хозяйства, преобладание оливковых и виноградных культур, исключивших общинную собственность, с другой, уже рано разложили передельную общину, если таковая и существовала в Греции. Для нас важна в данном случае не форма общинного землевладения, а самый факт существования верховной общинной собственности на землю, тот факт, что за частными собственниками стоит еще община и род. Земля распределяется между родами — деревнями и затем на отдельные участки — клеры между индивидуальными производителями.[2] Самое слово κλῆρος буквально — доставшееся по жребию. Такой порядок существовал, повидимому, в историческое время.[3] Сами цари и представители знати не являются еще в то время полными собственниками земли. Они владеют лишь наделами, предоставленными им общиной и лишь выделяющимися своим качеством и размерами за дейст-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 272.
[2] Од., VI, IV. Так толкует это место Lenschan у Pauly-Wissowa, s. v. Kleros.
[3] Busolt, Griechische Staatskunde, I, 1920, стр. 143, прим. 8.

вительные или мнимые заслуги их перед общиной. [1] И впоследствии за частным собственником, точнее владельцем, продолжал стоять род. Общая родовая собственность внутри знатных родов, как известно, продолжала существовать до времени Солона. Характерно, что самое слово „наследство“ выражалось по-гречески тем же термином κλῆρος, т. е. было равнозначно тому участку, который был первоначально получен от общины и на который родовая община, как видим, сохранила свои права и впоследствии.

Косвенным подтверждением существования общины и общинной собственности является изначальное поселение греков деревнями-родами (вспомним, что члены одной деревни первоначально были гомогалактами) — комами (κώμη), [2] демами (δῆμος).

Чрезвычайно показательно это совпадение значения слова „демос“, одинаково означавшего и самое поселение и население деревни. В том и другом значении слово это многократно встречается в обеих гомеровских поэмах. [3] Села эти представляли в большинстве неукрепленные земледельческие поселения, причем соседние селения могли объединяться, не изменяя вместе с этим своего характера, как образовалась, например, Спарта. [4] И в исторические времена многие отдаленные области и отсталые области Греции, сохраняя свою независимость, не образовали центрального полиса и продолжали жить κατ' ἔθνη καὶ κατὰ κώμας. Такая архаическая форма поселения сохранилась в Этолии, в Акарнании (где было лишь два небольших городка, не игравших никакой доминирующей роли), в Аркадии, в Ахайе, где так наз. города представляли не что иное, как большие слившиеся из смежных деревень поселения. Такой же характер, как сказано, носила и Спарта. Страбон говорит, что во всем Пелопоннесе не было городов, но лишь соединения деревень-демов (συστήματα δήμων). [5] Мантинея состояла из 5 демов, Тегея — из 9. [6] О многих демах говорит он и в Элиде (Ἦλις... ἡ χώρα κωμηδὸν ᾠκεῖτο... ὀψέ δέ ποτε συνῆλθον εἰς τὴν νῦν πόλιν Ἦλιν, μετὰ τὰ Περσικά, ἐκ πολλῶν δήμων). [7]

Что поселения в Элиде обозначались именно термином δά-

[1] „Или троянцы тебе обещают удел знаменитый, — говорит Ахилл, вызывая на бой Энея, — лучшее поле для стада, чтоб им обладал ты, если меня одолеешь“ (Илиада, XX, 184—186). „За что мы владеем при Ксанфе уделом великим, — обращается Сарпедон к Главку, — лучшей землей, виноград и пшеницу усердно плодящей? Нам, предводителям, между передних героев ликийских должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться“ (Илиада XII, 313—316).

[2] Thuc., I, 10: κατὰ κώμας δὲ τῷ παλαιῷ τῆς Ἑλλάδος τρόπῳ οἰκισθείσης.

[3] Сопоставление соответствующих мест в Илиаде и Одиссее см. Glotz, La cité grecque, 1928, стр. 14.

[4] Thuc., I, 10.

[5] Strabo, VIII, 3. 2, p. 337.

[6] Там же.

[7] Там же.

μαι, свидетельствуют и эпиграфические данные.[1] В этом отношении характерен также и архаический термин демиург, обозначавший представителей дема-деревни, деревенских, так сказать, старост и употреблявшийся в этих отсталых областях для обозначения общественных властей и представителей (в Аркадии,[2] Элиде;[3] как известно, так же именовалась и коллегия выборных от 10 сельских общин — городов Ахайи в позднейшем Ахейском союзе.

Что рядом с комами и демами, соответствовавшими древним родам, филы и фратрии также составляли исконные формы деления греческого народа, в этом убеждают нас, вопреки всем новейшим измышлениям буржуазных историков, прежде всего этнографический параллелизм и поразительное совпадение структурного деления с ирокезским (а также и других народов). За это говорит и все то, что нам непосредственно известно собственно о греческих филах и фратриях. За это говорит и всеобщность самого деления для всех греческих областей.[4]

Разумеется, это не простое заимствование возникших в метрополии делений, как предполагают некоторые буржуазные исследователи, а непосредственное перенесение исконного деления греческих племен. В Пелопонессе (в Аргосе, Сикионе, Эпидавре, Трезене), в Малой Азии и на островах, в Гортине на Крите нередко к основным филам[5] ионийским — эгикореев, аргадеев, гелеонтов и гоплетов[6] и дорическим — гиллейцев, диманов, памфилов присоединялись под иными названиями дополнительные филы, составленные из местного населения.[7] Известный совет, данный Нестором Агамемнону, построить войска по филам и фратриям,[8] чтобы возбудить их доблесть, мог бы иметь смысл лишь в том случае, если видеть в тех и других исконные, основанные на кровно-родственных отно-

---

[1] См. Olympia, V, надписи №№ 9—11.

[2] Thuc., V, 47, 9.

[3] Там же.

[4] Szanto (Griechische Phylen. Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, CXLIV (1901), стр. 2,38), утверждает, что относительно северо-западных народностей не имеется сведений о филах. Еще определеннее выражается Lecrivain о филах (Daremberg-Saglio s. v.): фила не представляла ни универсального, ни необходимого деления греческих городов, филы известны нам лишь у ионийцев и у дорян. Такое суждение совершенно недоказательно, ибо молчание источников еще не говорит против существования фил и у остальных греков, а частью и неверно, так как, например, у этолийцев нам также известно деление на три племенные филы; фратрии, которые значительно реже упоминаются вне Аттики,[3] Лекривен тем не менее считает и необходимым, и всеобщим, и древнейшим учреждением.

[5] Ср. перечисление у Бузольта, Griechische Staatskunde, I, стр. 250 сл., у Шеффера, стр. 59.

[6] Распространенное ранее мнение о кастовом характере аттических фил (его разделяли Бек, Шеманн, Германн и др. Ср. критику Шеффера, Афинское гражданство, 220 сл.) теперь не находит более сторонников.

[7] Busolt, I, стр. 195.

[8] Илиада, II, стр. 138 сл.

шениях институты. Напомню по этому случаю, что Морган и Энгельс специально отмечают храбрость в бою племен, живущих в условиях родоплеменного быта и в родоплеменных объединениях.[1] С этой точки зрения предположение Эд. Мейера, что совет Нестора имеет в виду новый способ построения с целью внести известный тактический порядок в беспорядочные формы боя, существовавшие будто бы до тех пор,[2] представляется совершенно нелепым, не говоря уже о том, что умудренный годами Нестор менее всего способен был выступать в роли новатора. За исконный характер фил говорит и то обстоятельство, что Клисфен, имевший в виду нанести решительный удар древнему родовому строю, первым делом не только изменил число фил, но изменил и самые их названия. То же сделал Клисфен сикионский с местными дорическими филами.

Картину хорошо сохранившегося племенного строя в историческую эпоху представляла Этолия, наиболее отсталая и потому вообще сохранившая наиболее черт архаического быта область Греции. Этолийцы распадались на три племени (филы) Apodotoi, Ophioneis, Eurytanes. Каждое племя имело свою собственную область и охватывало ряд деревенских общин. Племена эти пользовались полной самостоятельностью и равноправием. Лишь в случае общей заинтересованности, например, во время войны, племена объединялись и выступали совместно. При отправлении послов и в позднейшую эпоху каждое племя имело в посольстве своего представителя.[3] Существование архаических форм родового строя в Греции, как исходного момента общественного развития, таким образом, представляется несомненным, вопреки всем разноречивым теориям буржуазных историков, пытающихся поставить в основу развития семью и разбивающих основные деления родового общества, предполагая их разновременное происхождение. В Этолии и других отсталых областях Греции, как видим, архаические формы родового строя существуют еще в историческую эпоху. В других областях ряд пережитков указывает на существование их в отдаленном прошлом. Нашу задачу составляет теперь проследить, насколько это возможно, разложение родовых учреждений в Греции.

С индивидуализацией производства и с появлением частной собственности процесс разложения рода начинается уже очень рано. С частной собственностью возникает имущественное неравенство, с образованием избыточного продукта — возможность индивидуальной моногамной (моногамной, как по-

---

[1] Энгельс, Происхождение семьи, стр. 97.

[2] Forschungen, II, стр. 529. К этому мнению присоединяется Бузольт, см. стр. 134.

[3] Thuc., III, 94—96. Strabo, X, 448, 451, 465. Busolt, I, стр. 130. Hohmann, Aetolien und die Aetoler (Diss.), Halle, 1908, стр. 15 сл.

казывает Энгельс, лишь для жены) патриархальной семьи и вытеснения ею старого материнского, не знавшего еще индивидуальной семьи рода.[1] Как материальные причины, так и условия возникновения патриархальной семьи и рода именно в Греции превосходно описаны Энгельсом в „Происхождении семьи“,[2] и потому я на них останавливаться не буду. В гомеровскую эпоху, как констатирует Энгельс, всецело господствуют уже патриархальный род и патриархальные отношения с наследованием по мужской линии. „Мы застаем женщину в героический период уже приниженной преобладанием мужчины и конкуренцией рабынь... Хотя греческая женщина героического периода пользуется бо́льшим уважением, чем женщина периода цивилизации, все же она в конце концов является в глазах мужчины лишь матерью его законных детей, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему положению может делать и действительно делает своими наложницами“.[3] Только теперь таким образом возникают те индивидуальные семьи и те крепкие семейные общины, образующие правящие роды, которые буржуазные историки принимают за исходный момент развития рода и родовых организаций, но которые, как видим, в действительности образуют начало и исходный момент разложения подлинных родовых организаций, момент зарождения будущего классового общества (отсюда исключительное тяготение к ним со стороны буржуазной исторической науки).

По какой же линии совершается это разложение архаических родовых организаций? По линии прежде всего выделения и обособления правящих органов, первоначально выборных, и прежде всего совета родовых старейшин и племенных вождей-военачальников, в особую родовую знать, образующую все более замкнутую группу. С образованием индивидуальных семей и с распадом единого рода на ряд отдельных семей, представители общины начинают предпочтительно выбираться не из членов всего рода, а из круга определенных, наиболее состоятельных семей или даже одной семьи с тенденцией в сторону развития наследственности. С исчезновением старых материнских, основанных на групповом браке родов и с обособлением их правящей верхушки в качестве новых патриархальных родов и получается то положение, которое так смущает буржуазных историков и которого они,

[1] Эд. Мейер и в данном случае стремится затемнить ясную и четкую картину перехода матриархального рода в патриархальный, не умея связать развития последовательных форм семьи с общим развитием хозяйственной жизни и с формами общественной организации и предполагая возможность развития у отдельных народов то в сторону патриархата, то матриархата (Geschichte des Altertums, I, 4-е изд. (1921 г.), стр. 26 сл.

[2] Происхождение семьи, стр. 6.

[3] Там же, стр. 62.

исходя из своих неверных теоретических предпосылок, никак не умеют объяснить. С разложением материнского рода рядовые члены этих бывших родов, естественно, оказываются стоящими как бы вне родов, но в то же время все же пользующимися известными правами и остающимися членами всей родовой организации в целом. Членами фратрий они, во всяком случае, остаются. Когда Нестор советовал Агамемнону строить войска по филам и фратриям для возбуждения их мужества, не героев же и не представителей нарождающейся родовой знати, а именно рядовых воинов и рядовых членов родо-племенного общества он имел в виду. Если в другом месте Илиады[1] человек, стоящий вне фратрии (ἀφρήτωρ), в то же время оказывается и стоящим вне закона (ἀθέμιστος) и бездомным (ἀνέστιος), очевидно, также при этом имеются в виду более широкие круги населения, а не только его верхи. Фратрии и впоследствии продолжали включать в свой состав не только членов знатных родов, но и более широкие массы. Косвенным подтверждением этого может служить факт избрания филобазилеев из евпатридов (οἱ δέ φιλοβασιλεῖς ἐξ εὐπατρίδων ὄντες),[2] откуда можно заключить о вхождении в филы и неевпатридов. Аналогично с этим в законе Дракона об убийстве[3] преследование убийцы при отсутствии родственников поручается десяти фраторам, избранным из знатных (ἀριστίνδην). Таким образом, и во фратрии входили и знатные и незнатные.[4] Вопреки всему тому вздору, какой наговорили буржуазные историки по этому поводу, мы видим, что широкие массы никогда не стояли вне фратрий и, следовательно, ни в каких специальных законах, допускающих их во фратрии и в родовые организации, которых тщетно ищут буржуазные историки, не было никакой нужды.

В гомеровскую эпоху родовая организация, таким образом, остается еще в полной силе, но на почве развития патриархального рода она претерпела уже значительные изменения. Прежнего равенства уже нет. Родовая знать, образующая совет родовых старейшин, герусию, стоит уже неизмеримо выше остальной массы. На войне это герои, сражающиеся на колесницах, в то время как остальная масса сражается пешей. Во время мира это — базилеи, все более захватывающие власть в свои руки. Общеплеменное собрание еще созывается, но на

---

[1] IX, 63.
[2] Pollux, VIII, 111.
[3] CiA, I. 61.
[4] На оба эти факта обратил внимание еще Гильберт (Griechische Staatsaltertümer, I, 1881, стр. 112). Эд. Мейер пытался отвести такое понимание путем истолкования слова ἀριστιν δην в смысле „избрания достойнейшего" (Rh. Mus., XLI, 1, 586). Такое толкование, однако, не соответствует обычному обозначению этим словом знатности (Arist., Ἀθ. Πολ. 3, I, 6) ἀριστίνδην, πλουτίνδην, ср. Busolt, 3-е изд., стр. 796, прим. 1). В отношении самого факта избрания применение этого термина представлялось излишним. Ср. Шеффер, стр. 284.

известном примере Терсита мы видим, как быстро падает его авторитет. С течением времени, как мы видим, например, на Итаке, оно созывается все реже и постепенно отмирает. Царская власть, власть племенных вождей, все более получает характер наследственной власти, но в дальнейшем и ее авторитет падает под давлением растущего могущества аристократических родов.

Материальную основу сложного процесса перерождения органов родовой власти и родового представительства в родовую знать образует растущее с развитием и внедрением в общественную жизнь частной собственности имущественное неравенство. Обособление и возвышение родовой знати обусловливается ее имущественным превосходством. Семьи, из которых первоначально образуется родовая знать, — это уже с самого начала наиболее состоятельные семьи. Их состоятельность обусловливает их влиятельное общественное положение. Влиятельное общественное положение в свою очередь используется ими для дальнейшего увеличения своего состояния. Они получают дары и различные сборы от остального населения.[1] Им же, как показывают речи Терсита, принадлежала львиная доля военной добычи. Наконец, пиратство служило также одним из существенных средств увеличения богатства. Но, разумеется, не на всех этих способах строилась хозяйственная мощь царских и других знатных родов и не этими способами обеспечивалась устойчивость их хозяйства. В основе их собственно-хозяйственной деятельности лежала уже эксплуатация рабского труда. Так, крупные семейные общины, вроде семьи Приама, и тем более небольшие семьи, как семья Одиссея, основывают свое хозяйство прежде всего на труде военнопленных или покупных рабов. Именно обладание рабочей силой в лице рабов и позволяло им расширить свое хозяйство и становиться обладателями как крупных стад скота, так и обширных земель. Они захватывают себе и более обширные и лучшие земли.[2] Они оказываются „многонадельными“ — πολύκληροι.[3] Поэт называет их „обладателями полей“, „нив хлебородных“, „садов плодоносных“, „владыками богатых уделов“.[4] Обширные стада Одиссея охраняются коровником Филотием, свинопасом Евмеем и козьим пастухом Мелантием, которым в свою очередь подчинено по нескольку подручных рабов-пастухов.[5] Земледельческие полевые и садовые работы также выполнялись по преимуществу трудом рабов, как показывает, напр., описание хозяйства отца Одис-

[1] Илиада, IX, 149—157; Одиссея, I, 388—389, XIII, 14—15 (ср. для позднейшей эпохи Гесиод, „Труды и дни“).

[2] Илиада, IX, 578, XII, 310—316, XX, 184—186.

[3] Одиссея, XI, 490.

[4] А. Тюменев. Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I, изд. 2-е, 1924 г., стр. 17—18.

[5] Одиссея, XIV, 1—28, XVI, 245—246, XX—185.

сея Лаэрта.[1] Большое число рабынь занято в каждом крупном хозяйстве различными домашними работами. В доме Алкиноя 50 рукодельных рабынь мололи рожь, пряли и ткали.[2] Даже в небольшом хозяйстве Одиссея, семья которого состоит из четырех лиц, его самого, отца, жены и сына, точно также занято 50 служанок.[3]

Рабство героической гомеровской эпохи это еще патриархальное рабство, но оно уже заключает в себе в зародыше все противоречия рабовладельческого хозяйства. Рабы с одной стороны, члены семьи и рода и называются οἰκῆες („домашние"), они работают часто наравне с владельцами, живут их радостями и горестями. Всем известны отношения Одиссея к Евриклее или к свинопасу Евмею. И впоследствии в историческую эпоху сохранился от этого времени ряд пережитков и патриархальных черт. Новый раб вводился в дом при тех же обрядах, как и новобрачная (его приводили к очагу и посыпали голову орехами и фигами),[4] рабы хоронились на общем семейном или родовом кладбище их господ. Они, как предполагает Лекривен[5] на основании Гортинской правды, имели даже право на долю семейного родового имущества, хотя это предположение и не является бесспорным. Но если рабы, с одной стороны, признаются „своими", домашними, οἰκῆες, то в то же время рабы δμῶες (от δαμάω) „попранные", „порабощенные", „обязанные подчиняться". Слово δοῦλος в эпосе еще не встречается, слово δούλη встречается дважды,[6] но оба случая не характерны: в одном случае Афродита презрительно называет колеблющуюся Елену „рабой" Менелая, во втором случае рабыня наложница противопоставляется законной жене. Рабы обязаны верностью и повиновением господину, иначе их ожидает жестокая кара. Напомню расправу Одиссея с козьим пастухом Мелантием и с 12 неверными рабынями. Характерно, что за этой сценой расправы следует непосредственное описание радостной встречи Одиссея с остальными, оставшимися ему верными рабынями:

Обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.
Он же дал волю слезам: он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая.[7]

Все эти противоречия патриархального рабства гомеровской эпохи нашли себе отражение в любопытной фигуре раба Долиоса, который до сих пор не останавливал на себе внимание исследователей, но который заслуживает не меньше

---

[1] Одиссея, XXIV, 205—212, 222—387 и сл. ср. 737.
[2] Там же, VII, 103 сл.
[3] Там же, XXII, 421 сл.
[4] Dem., XLV, 74. Aristoph., Plutos, 768 и Schol.
[5] Daremberg-Saglio, s. v. gens, 1495 a.
[6] Илиада, III, 409; Одиссея, IV, 12.
[7] Одиссея, XXII, 498—501.

внимания, чем характерные фигуры Евмея и Евриклеи. С ним обращаются как с близким человеком. Он имеет свою семью. Его дочь как собственную дочь воспитывает сама Пенелопа, балует игрушками и лакомствами,[1] господа ожидают его возвращения с работы, чтобы вместе сесть за стол.[2] Он несказанно радуется вернувшемуся Одиссею.[3] Он и его сыновья садятся за один стол с господами,[4] и вместе с теми же шестью своими сыновьями он становится с Одиссеем и Телемаком, чтобы бок-о-бок с ними сражаться против возмутившейся родни убитых женихов.[5] И, тем не менее, он раб и, как таковой, переходит из рук в руки. Он дан в приданое отцом Пенелопы,[6] последняя уступает его Лаэрту, и Долиос работает уже на земле последнего.[7] Именно над детьми этого же Долиоса сыном Мелантием (младший сын Долиоса)[8] и дочерью Меланто, в числе неверных рабынь,[9] Одиссей учиняет свою жестокую расправу.

В то же время и со стороны рабов мы видим уже неодинаковое отношение к господам: рядом с беспредельно преданными старыми слугами Евриклеей, Евмеем, Долиосом, Филотием — и протест в лице тех же Мелантия и Меланто и других рабынь.

Уже эта патриархальная форма рабства способствовала общественному расслоению и вместе с тем острому развитию общественных противоречий внутри родового общества. Обратной стороной обособления и роста родовой аристократии и ее обогащения на противоположном полюсе было появление неимущих бедняков, фетов, не имевших собственного хозяйства и вынужденных жить наемным трудом. Рядом с многонадельными (πολύκληροι) семьями появляются безнадельные (ἄκληροι), и возможно, что первая волна греческой колонизации конца VIII — начала VII в., имевшая еще чисто земледельческий характер и следовавшая непосредственно за временем составления гомеровских поэм, обусловливалась не только ростом населения, но и начавшимся процессом его расслоения. Предание о спартанских парфениях и об основании Тарента[10] свидетельствует о том, что колонизация этой эпохи совершалась уже, повидимому, в обстановке растущих внутренних противоречий и начавшейся внутренней борьбы. Мегарские колонии на Понте, в Византии, в Гераклее возникли уже

[1] Одиссея, XVIII, 820 сл.
[2] Там же, XXIV, 395 — 396.
[3] Там же, XXIV, 397 сл.
[4] Там же, 411.
[5] Там же, 496.
[6] Там же, IV, 736.
[7] Там же, XXIV, 222 сл. 387 сл.
[8] Там же, XVII, 212, XXII, 159.
[9] Там же, XVIII, 320; XIX, 65.
[10] Strabo, VI, 278; Justin, 1, 3, 4, 8, 12, 18.

несомненно в первые годы начавшейся революции и в непосредственной связи с нею.

Обособление ремесла от земледелия в героическую гомеровскую эпоху едва только намечается. Еще слабее развита торговля: внутренняя торговля почти совершенно отсутствует, внешняя не обособилась еще от пиратства и потому является прежде всего непосредственным занятием родовой знати, похваляющейся своими пиратскими подвигами. Процесс разложения родового строя в гомеровскую эпоху, таким образом, уже налицо, но не вышел еще из начальной стадии. Обращаемся к следующей эпохе.

В следующую, послегомеровскую эпоху процесс обособления родовой знати и образования олигархии завершается. Родовой строй еще существует, но он захватывает уже только верхи населения, родовую знать. Старые родовые учреждения и институты концентрируются теперь в немногих знатных родах, использующих, однако, свой былой авторитет родовых органов, подкрепляемый непосредственно силою оружия, для господства над массами. Любопытной иллюстрацией этого процесса обособления родовой знати, мне кажется, может служить род Этеобутадов в Афинах. В Афинах существовал дем Бутады [1] и одновременно аристократический род Этеобутадов „истинных Бутадов". И вот, напрашивается мысль, что род Этеобутадов обособился от прежнего материнского рода Бутадов. За архаичность самого названия говорит его тотемический характер.

Если родовая верхушка обособлялась таким образом в знатные роды, то массы, напротив, все более утрачивали свои прежние связи с родовыми учреждениями. Чем далее подвигался этот процесс, тем более родовая знать теряла вместе с этим свой авторитет в качестве родового органа, тем более росли в то же время внутренние противоречия, тем более непосредственное внешнее принуждение выступало на первый план. „Мое богатство — мое копье, мой меч, мой надежный щит, — поется в застольной критской песне-сколионе поэта Гибрия, — с помощью их я обрабатываю землю и собираю вино со своих виноградников. Те, кто не носит (боится носить) ни меча, ни копья, ни щита, пусть падут предо мною на колени, пусть делают, что я захочу, пусть зовут меня могущественным царем и повелителем". [2] „Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни, — вторит ему Феогнид Мегарский, — бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо. Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа, чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ". [3]

С другой стороны, чем острее выступали общественные

[1] Pauly-Wissowa, s. v.
[2] Athen., XV, 52, p. 695.
[3] Ст. 847 сл., пер. А. Пиотровского, П., 1922, стр. 31.

противоречия, чем враждебнее становились отношения родовой олигархии к широким массам, чем более для удержания своего господства приходилось прибегать к силе, тем, естественно, сплоченнее должны были выступать знатные роды, тем крепче должны были они держаться родовых организаций, обеспечивавших их сплоченность и вместе с тем их господство над массами (ср., например, замечания Геродота о роде Бакхиадов, господствовавших в Коринфе). При этом знатные олигархические роды не только удержали прежние родоплеменные деления на филы, фратрии и роды, но в значительной мере и внутреннюю организацию самих родов. Реконструкция греческого рода, сделанная Гротом и вслед за ним Морганом и Энгельсом и построенная на данных об аристократических родах, притом не в их непосредственных, а в пережиточных формах, почти вполне совпадает со строением ирокезских материнских родов. С тех пор никакие новые данные не дают оснований для коренного пересмотра характеристики греческого рода, данной Гротом, и, например, в обширной статье Lecrivain о греческом геносе [1] отмечаются почти те же основные черты и моменты, характеризующие древнегреческий род, как и у Грота. Вновь открытые с тех пор документы — Гортинская правда, „Афинская полития“ Аристотеля — дали новые подтверждения этой характеристики греческого рода.

Сводя все, что известно о греческом роде в настоящее время, мы получаем следующую картину. Род представляет тесно сплоченную корпорацию. Члены рода признают взаимное родство и общего родоначальника, они имеют своего выборного главу, архонта рода, избираемого голосованием или по жребию; они солидарно выступают в случае нарушения интересов рода, равно как и отдельных его членов и несут ответственность за преступления своих членов, они совместно владеют общим недвижимым имуществом, которое различно может распределяться и перераспределяться между членами рода, но не должно отчуждаться вне рода, откуда территориальный характер родов. [2] Собрание членов рода может принимать касающиеся внутреннего распорядка постановления (θέσμα), они имеют свои общие культы, святилища, кладбища. Новорожденные, лица, достигшие зрелости, равно как и вновь вводимые члены, как жены или усыновленные члены семьи, представляются общему собранию всех членов рода, которые подвергают проверке правильность вступления новых членов и могут их опротестовать. [3] За родами стоят более обширные союзы, фратрии, обладающие теми же правами и обязанностями, но лишь в расширенных

---

[1] В словаре Daremberg-Saglio, 1896.

[2] Wilbrandt, Die politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon. „Philologus“. Suppl.-Band, VIII, 1908, стр. 205—206.

[3] Andoc., I, 127. Dem., LIX, 59—61. Sylloge, I, 439. Lecrivain s. v. Eupatridai Daremberg-Saglio, 859 a.

размерах и представляющие как бы следующую инстанцию (избрание фратриарха, солидарность и взаимная поддержка членов, общие культы, докимасия новых членов).

Все эти черты отличают родовые организации не только дореволюционного времени, но и в последующую эпоху в Афинах, поскольку даже радикальная реформа Клисфена, уничтожив политическое значение, сохранила их как частные объединения. Если обычай кровавой мести, живую картину которой дает нам еще последняя песнь Одиссеи, впоследствии уступает место преследованию по суду, обязанность возбуждения преследования по суду возлагается именно на родственников убитого (ἀγχιστεία) и затем уже в дальнейшей инстанции на членов фратрии. Уже Илиада знает разбор дела об убийстве судом по частному обвинению (спор истца и ответчика о пене).[1] Обстоятельное постановление Дракона по этому поводу было повторено затем, как известно, в 409/8 г. и, следовательно, еще и в то время находилось в действии.[2] Преследование убийцы, таким образом, оставалось частным делом членов семьи, рода, фратрии и возбуждалось, как и гражданские дела, по их частной инициативе. Писистрат, напр., явился в суд по обвинению в убийстве, возбужденному частным обвинителем.[3] Не менее известный пример совместной ответственности членов рода представляет факт изгнания всего рода Алкмеонидов за преступление (убийство Клеона с нарушением права убежища в святилище), совершенное отдельными его членами.

Право более свободного распоряжения родовым имуществом, его отчуждение и его завещание в Афинах, как известно, было введено только при Солоне. Гортинская правда (на Крите), сохранившаяся запись которой относится к половине V в., с исключительной точностью регламентирует право наследования, не оставляя, повидимому, никакой свободы для распределения имущества по завещанию (и в этих законодательных постановлениях дело идет, повидимому, лишь о движимом имуществе). При этом проводится строгая грань между имуществом унаследованным и, следовательно, родовым, и благоприобретенным, между имуществом мужа и жены. Жена по смерти мужа не наследует его имущества и получает лишь свое собственное имущество и половину того, что „напряла“, в особенности же если она вторично выходит замуж. Мужские потомки и родственники пользуются преимуществом перед женскими; за отсутствием прямых наследников имущество получают „те, кому надлежит“ (ἐπιβάλλοντες), т. е. члены рода. Здесь же в гортинских записях находим и постановление о

[1] Илиада, XVIII, 497—508.

[2] CIA, I, 61; Ditt., Sylloge, I, 52, 3-е изд., Recueil d'inscriptions juridiques grecques, II, № 21, p. I сл. с обширными комментариями.

[3] Arist., 'Αθ. πολ., 16.

дочерях-наследницах (ἐπίκληροι), которые должны выходить замуж за своих ближайших родственников внутри рода, известное нам по афинским законам [1] и в ряде других местностей Греции, в Спарте, в Катане, в Митилене, Фокиде, на о. Фере, [2] постановление, конечно, имевшее целью удержание имущества в семье и роде.

До какой степени и позднее в знатных родах сильны были в Греции традиции родового владения, можно видеть из того, что и после разрешения законом более свободного распоряжения имуществом фактическое отчуждение родового имущества подвергалось, по крайней мере, моральному осуждению. [3] Нам известно немало случаев управления избранным главой рода родовым имуществом прежде всего, конечно, недвижимым имуществом и помещениями и предметами культа (в Афинах, в Танагре, на Мелосе, Косе). [4] Даже право применять собственные постановления сохранилось частью за родами еще в позднейшую эпоху. Так, Евмолпиды, один из наиболее уважаемых родов, представители которого играли большую роль в Элевсинских празднествах и мистериях, в некоторых процессах образовывали особое судилище, произносившее приговор по их собственным неписанным законам (ἄγραφα νόμιμα). [5] В жизни рода, наконец, и в позднейшее время существеннейшее значение сохраняли родовые культы и кладбища. При докимасии архонтов, по сохраненной нам Аристотелем формуле, [6] испытуемых между прочим спрашивали: чтит ли он Аполлона отцовского (Πατρῷος) и Зевса Домохранителя (Ἑρκεῖος) и где эти святилища находятся, есть ли у него родовая усыпальница и где находится? В эпоху господства демократии эта архаическая формула докимасии, быть может, и не имела уже того реального значения, как ранее. Но в эпоху господства знатных родов, несомненно, этим признакам знатности придавалось первенствующее значение.

Если родовая организация спаивала и сплачивала олигархические роды, усиливая их силу сопротивления, если свое привилегированное положение родовой знати эта последняя использовала как юридическую предпосылку и обоснование своего господства, то реальной основой господства знатных родов, конечно, являлось материальное превосходство, прежде всего родовое землевладение, с течением времени, однако, также во все большей степени быстро возраставшее с развитием производительных сил и торговли, движимого имущества и богатства.

---

[1] Isaei, VIII, 31,X, 19; 5, (Dem.) XLIII, 12; Harpokration.

[2] См. Шеффер, Афинское гражданство, стр. 94—95, и статью Lecrivain s. v. Epikleroi y. Daremberg-Saglio.

[3] Lecrivain s. v. Gens y Daremberg-Saglio, стр. 1501 b.

[4] Lecrivain, Eupatridai, 859; Gens, 1499.

[5] Шеффер, ук. соч., стр. 437.

[6] Ἀθ. πολ., 55.

Уже самое обособление родовой знати, как видно из вышеуказанного, происходило на почве ее материального превосходства. И в дальнейшем богатство является синонимом знатности и обратно: знатные и доблестные (ἄριστοι, καλοὶ κἀγαθοί, ἐσθλοί, εὐγενεῖς, γενναῖοι) называются в то же время и богачами (οἱ πλούσιοι), состоятельными (οἱ τὰς οὐσίας (τὰ χρήματα) ἔχοντες; с другой стороны, массы населения обозначаются одновременно и как худшие, лишенные доблести (χείρους, κακοί, δειλοί, πονηροί) и как бедняки (πένητες). В комедии Евполида „Демы" вышедший из могилы участник Марафонской битвы совсем теми же чертами характеризует время господства родовой знати. „Мы, старики, — говорит он, — совсем не так в дни молодости жили. Во-первых, в наши времена в стратеги избирались лишь те, что всех могли затмить и родом и богатством, лишь представители домов отменных и высоких". [1] Могущество знати базируется, таким образом, не только на происхождении, но и на богатстве; напротив, лишенный имущества и богатства благородный терял всякий авторитет даже в глазах друзей. Феогнид очень ярко выражает чувство бессилия, охватывающее представителя знати, лишившегося материальных средств:

Бедность для доброго мужа всех тяжестей мира тяжеле,
Злее чем старость и смерть, злее чем злая чума;
С кряжей отвесных спрыгнуть и низринуться в горькое море.
Гадам на мерзостный корм лучше бы было ему.
Кирн мой, кто бедностью скован, тот в слове и деле бессилен.

И в другом стихотворении:

Горе мне, бедному, горе! Чем стал я, несчастьем гонимый?
Жалкой игрушкой врагов, тяжелой обузой друзей. [2]

Удельный вес отдельных знатных родов был пропорционален их богатству. Роды, обладавшие более плодородными землями или обитавшие вблизи торговых центров, естественно, возвышались над остальными. В зависимости от этого и самая олигархия принимала различные формы — от олигархии, в которой участвовали члены многих родов и, следовательно, более значительное число участников, до правления отдельных семей. В соответствии с этим Аристотель, как известно, различает четыре рода олигархии, от умеренной олигархии до „династии". [3] Примером олигархии с более широким числом родов и участников могут служить Локры, где правили „сто домов" (ἑκατὸν οἰκίαι). В других случаях число полноправных граждан условно обозначалось „тысячей". Так было в Киме, в Колофоне, Опунте, в Региуме; в Эпидавре — число полноправных граждан ограничивалось 180; в Массалии, Истре, Гераклее Понтийской, в Кротоне, на Книде, в Элиде в управле-

[1] Цит. по С. Я. Лурье, История античной общественной мысли, стр. 46.
[2] Элегии Феогнида, перевод Пиотровского, II, 1922 г., XXX—XXXI, стр. 51—52.
[3] Arist., Pol., IУ, 5.

нии участвовало лишь несколько родов; во многих городах, наконец, установилось господство одного рода: Пенфелидов — в Митилене, Базилидов в Эфесе и Эрифрах, Алевадов в Ларисе, Скопадов в Кранноне, Ехекратидов в Фарсале, наконец Бакхиадов в Коринфе. В Коринфе рядом с Бакхиадами существовали, повидимому, и захудалые роды, например, род того Эетиона в Петре, за которого была видана мать Кипсела Лабда. В Аттике также уже очень рано выделяются аристократические роды, владения которых концентрировались вблизи Афин и Элевсина. Здесь наиболее плодородная область Аттики Педион, Педиэя, имела в то же время все преимущества приморского расположения. Уже в мифическую эпоху сквозь легендарную призму выступает факт соперничества афинских и элевсинских родов и продолжительной борьбы между ними, закончившейся, повидимому, компромиссом.[1] И впоследствии, после революции и свержения господства знатных родов, именно афинские и элевсинские роды выделялись среди остальных аристократических родов. Революция лишила их политической власти и значения, но оставила за ними их религиозные права и исключительное право на отправление местных, первоначально родовых, но затем с возвышением Афин получивших общеаттическое значение культов. Таковы аттические роды Этеобутадов, Бутадов, Гесихидов и элевсинские — Эвмолпидов и Кериков. Эти же роды в то же время еще и в эпоху демократии давали крупнейших политических деятелей.

Остальные, не принадлежавшие к педиакам (т. е. неафинские и неэлевсинские) роды быстро опустились с возвышением Афин. Нам известно свыше 40 названий таких родов, причем, за отдельными единичными исключениями, представители их не играли никакой роли ни в политической, ни в общественной, ни в религиозной жизни страны. Из этих родов возвышались и играли даже первенствующую роль в жизни страны лишь те, которые основывали свою силу и значение не на землевладении, а на торговле и на связи с торговыми кругами. Таковы были известный род Алкмеонидов, затем род Писистрата, Ликомид Фемистокл. Единственный провинциальный род, хотя также разбогатевший в Афинах, но сохранивший свои консервативные традиции, был род Филаидов (представленный Мильтиадом и Кимоном).

Образование замкнутой родовой аристократии, ее резкое обособление и противопоставление остальной массе родовых членов бывших материнских родов, ее основанное на насилии

---

[1] Этой борьбе посвящена специальная большая статья Picard, Les luttes primitives d'Athènes et d'Eleusis в Revue historique, 1931, CLVII, стр. 1—76. Статья эта, впрочем, обращает преимущественное внимание на соперничество двух городов, прежде всего как религиозных центров, и кроме того содержит ряд спорных положений. Ср. также Wilamowitz-Möllendorff, Philologische Untersuchungen, 1, 1880, стр. 125 сл.

господство — это одна сторона противоречия. Обратимся к другой стороне. В то время как родовая знать все более замыкалась в своих родовых организациях и все крепче держалась за них, в остальной массе населения с ростом производительных сил, с индивидуализацией хозяйства, с развитием обмена совершалось быстрое разложение тех связей, которые некогда объединяли членов матриархальных родов. В условиях мелкого крестьянского хозяйства возникновение патриархальной семьи и вытеснение ею матриархального рода было равносильно полному исчезновению родовых связей. Если, вопреки мнению буржуазных историков, массы, повидимому, сохраняли известные, хотя вероятно слабые, связи с фратриями, то родовые организации уже рано должны были исчезнуть из их жизни. Растущие же расслоение и имущественное неравенство все более увеличивали пропасть между знатью, сохранившей родовое устройство, и массой производящего населения. В том же направлении действовало разделение труда, растущее обособление ремесла от земледелия, которое, как мы видели, в гомеровскую эпоху едва намечалось, появление странствующих наемных фетов, странствующих ремесленников, работающих на дому заказчика. Ремесленники переселяются со своей родины в места, где они могут найти лучший и более верный заработок; с развитием торговли появляются профессиональные торговцы. Рядом с местным торгово-промышленным населением все более увеличивается пришлое население, стоящее совершенно вне местных организаций, не только вне родов, но и вне фратрий и фил. Это были прежде всего ремесленники, потом торговое население.

Какое разлагающее действие на старый родовой быт должны были оказывать все эти обстоятельства, понятно само собой. Но чем далее заходил процесс разложения рода, чем более широкие массы оказывались стоящими вне родовых организаций и чем более эти последние узурпировались родовой знатью, противопоставлявшей себя остальному населению, и из органов, обслуживавших интересы всего входившего ранее в материнские роды населения, превращались в организации, направленные против интересов широких масс, тем более росло противоречие между ними и растущими производительными силами. Если патриархальные формы рабства еще уживались в рамках патриархальных родов, то развивающееся рабовладельческое общество, использование труда рабов в промышленных целях — все эти новые факты и явления выходили уже за рамки родовых организаций, требовали установления большей индивидуальной свободы и более свободных отношений, с одной стороны, замены родовых кровных организаций территориальными, с другой.

Первым шагом в этом направлении еще в рамках родового строя был синойкизм. Говоря о синойкизме, следует раз-

личать синойкизм в результате слияния соседних деревень и синойкизм в смысле поглощения местных общин и родов одним городским центром, объединяющим вокруг себя остальные поселения местности и связующим их в качестве единого политического центра, с общим для всего населения области политическим и гражданским правом (симполития). Фукидид употребляет это слово в обоих значениях.[1] В то время как первый вид синойкизма не вносил никаких заметных изменений ни в экономику, ни в общественную жизнь, во втором случае уже самый факт образования центра, объединяющего значительную область, свидетельствовал о крупном общественно-экономическом сдвиге. Примером первого рода синойкизма может служить Спарта, образовавшаяся из нескольких деревень,[2] ряд городов в Аркадии, Тегея и Герея[3] — из девяти, Мантинея — из пяти.[4] Так же образовались ахейские города Диме, Патры, Эгион.[5] Пример такого объединения местных поселков, не имевшего больших последствий и значения, мы встречаем и на почве Аттики. Это так наз. Тетраполь, объединение четырех местечек в местности Марафона.[6]

Если такой синойкизм не имел, как сказано, никаких особенных общественно-экономических последствий, совсем другое дело был синойкизм политический. Коринф совершенно поглотил все соседние области, превратив их в свой округ. Но особенно яркий и наиболее известный пример политического синойкизма представляет объединение Аттики вокруг Афин.[7]

Мы видели, что Афины и Элевсин уже очень рано выделились из среды остальных общин Аттики. Когда взаимная борьба окончилась повидимому соглашением правящих афинских и элевсинских родов, распространение влияния Афин над остальной страной совершалось уже беспрепятственно. Экономические преимущества, возвысившие Афины над остальной областью, с превращением их в политический центр страны, в свою очередь, вырастают еще более. Город совершенно меняет свой облик. Древнейший город — это прежде всего город-крепость. Первоначальное значение слова „полис“ есть именно „крепость“. Такая крепость должна была служить местом укрытия в случае нападения неприятеля. Здесь

[1] Фукидид употребляет это слово в обоих значениях, II, 15, VI, 5, 1. Однако некоторые современные исследователи склонны под синойкизмом разуметь лишь политическое объединение. См., например, Francotte, La polis grecque, стр. 106.

[2] Thuc., I, 10.

[3] Strabo, VIII, 937; Paus., VIII, 45, 1.

[4] Xen., Hell., V, 27; Ephoros, fr. 138; Diod. Sic., XV, 5; Paus., VIII, 8, 9.

[5] Strabo, VIII, 337, 386.

[6] Arist., fr. 97; Strabo, VIII, 374; 383; XVI, 446; Steph. Byz., s. v.

[7] Время синойкизма по традиции 1259 г. Judeich, Topographie von Athen, 2-е издание, München, 1931, стр. 60, относит его к началу первого тысячелетия.

же жили представители местных аристократических родов, господствуя над окрестным населением. С развитием торговли и промышленности древнейшее ядро его — крепость полис — и прилегающее к нему поселение знатных родов быстро обрастают деловыми, ремесленными и торговыми кварталами и предместьями (Керамейк, Коллит, впоследствии Пирей) и совершенно изменяет свой облик. Город знати — и это относится не к одним Афинам — становится вместе с этим во все большей степени крупным торгово-промышленным центром. Самое слово „полис“ получает иное, более широкое значение. В топографии Афин мы можем проследить как постепенный рост, так и изменяющийся характер полиса. Древнейшее поселение ограничивалось исключительно Акрополем и прилежащими склонами. Остатки древнейшей из неотесанных камней кладки стен и древнейших того же типа построек сохранились лишь в пределах Акрополя.[1] Спуск из крепости, как и в позднейшее время, вел на юго-запад, где находился ключ Каллироя (позднее Эннеакруны), откуда, по свидетельству Фукидида,[2] жители Акрополя брали воду и близ которого находилась древнейшая Агора. По свидетельству Фукидида,[3] здесь же у южного склона Акрополя находились и древнейшие святилища, между прочим, храм Диониса в Лимнах (на болоте — характерное название), где впоследствии справлялись праздники древних Дионисий, так наз. Διονύσια τὰ ἐν ἄστει. Слово ἄστυ в позднейшую эпоху вообще применялось афинянами предпочтительно именно в этой древнейшей части города.[4] Дем Кидафеней, „славные“, древние Афины, место обитания древних знатных родов,[5] также примыкал непосредственно к Акрополю, повидимому, с той же западной стороны у спуска, где находилась и древнейшая Агора. Местонахождение Кидафенея спорно. Несомненно лишь, что это был ближайший к Акрополю квартал. С этой же стороны почти непосредственно к Акрополю примыкал знаменитый Ареопаг.

Насколько незначительны были размеры этого древнейшего города, можно видеть из того факта, что праздник Дионисий, справлявшийся в деме Коллите (Κολλυτός), расположенном, как можно предполагать, также к западу от Акро-

[1] Judeich, Topographie von Athen, 2-е изд., стр. 54—55, 117 сл.

[2] II, 15, 5.

[3] Там же.

[4] E. Curtius, Das Asty von Athen, Athen. Mitt., II, стр. 53.

[5] E. Curtius, Stadtgeschichte von Athen, 1891, стр. 43; Milchhöfer, Athen, 149. Отожествляли его с описанным у Фукидида древнейшим городом у южного склона Акрополя; однако, уже у Wachsmuth, Stadt Athen. II, 265 а затем также во всех позднейших работах (Judeich, стр. 159 во 2-м издании (стр. 172) — in der Mitte der Stadt. Dörpfeld, Wochenschrift für klassische Philologie, 1906, стр. 205; Honigman, s. v. у Pauly-Wissowa) местоположение его определяется, но также предположительно, к с.-в. от Акрополя или вообще в центре города. Толкование имени „Славных Афин“, оспаривается. W. Aly, Klio. XI, 1911, стр. 19 сл., ср. Judeich, 2-е изд., стр. 172.

поля, непосредственно за древней Агорой,[1] носит название Διονύσια τὰ κατ'ἀγρούς, т. е. Дионисий в полях, название, определенно намекавшее на то, что эта местность в более древнюю пору представляла собою еще сельскую местность. Коллит, представлявший наиболее оживленное место древних Афин, возник, таким образом, позднее в результате роста торгово-промышленного населения. С севера точно также вырос обширный квартал Керамейк, самое название которого показывает его ремесленное происхождение. В то же время с развитием торговли Афины разрастались на юг, в сторону моря, в направлении Фалерона, древнейшей гавани Афин, а позднее в юго-западном направлении в сторону Пирея. Писистрат, тирания которого была равносильна торжеству торгово-промышленных элементов, перенес Агору с ее древнего места в сторону Керамейка.

Город изменил свой вид, но гораздо существеннее было изменившееся значение его для экономической и общественной жизни. Из теснящейся на холме крепости, из места обитания немногих знатных родов он вырастает в обширный торговый и промышленный центр, из опоры знати он превращается в центр, вокруг которого сосредоточиваются все враждебные этой родовой знати силы. Если синойкизм, приписываемый традицией Тезею, и был произведен, как можно думать, по инициативе местной родовой знати, то последствия его обратились против самой этой знати. Сделавшись политическим центром страны, Афины вместе с тем становились и центром всех общественных противоречий. Сюда прежде всего стекалось все порывавшее со старой родовой организацией неземледельческое — промышленное и торговое — население, здесь поселялись также и те неафинские роды, которые, утрачивая под влиянием Афин и афинской знати свое прежнее влияние, в особенности после синойкизма, если и не порывали окончательно с родовыми организациями, во всяком случае искали счастья в новых видах деятельности и прежде всего в торговле и, становясь в оппозицию к местным знатным родам, вместе с этим по своему имущественному положению и значению оказывались признанными главами и руководителями всех оппозиционных родовому строю элементов. Таковы были, как я уже отмечал выше, представители родов Алкмеонидов, Писистрата, Ликомидов или же обедневшие представители местных родов, каким был, например, Солон. Здесь же, наконец, и, конечно, почти исключительно здесь концентрировалось и все пришлое население, все те иногородные и иноземные поселенцы, привлекаемые сюда возраставшим значением Афин, как крупного торгово-промышленного центра. Вместе с торгово-промышленным на-

[1] См. план Афин при книге Judeich'a, ср. стр. 169.

селением Афин начинает расти и их рабское население. Промышленность, все более отрывающаяся от крупного домашнего хозяйства, продолжает попрежнему базироваться прежде всего на эксплуатации рабского труда. Крупные хозяйства сами втягиваются в торговлю и начинают частично производить на рынок. Вместе с этим изменяется и система эксплуатации, и патриархальное рабство, патриархальные отношения между господами и рабами все более начинают отходить в прошлое. Растет, таким образом, не только число рабов, но изменяется и самый характер эксплуатации их труда. Именно здесь, именно в Афинах, все более становящихся центром не только политической, но и экономической жизни страны, скопляются все наиболее враждебные старому родовому строю и наиболее способствующие его разложению элементы. Из города же торговый обмен и вместе с этим и денежное хозяйство распространяется и на сельские местности, окончательно подтачивая здесь последние опоры родового строя. Общеизвестно то разрушительное действие, какое оказывало проникновение денежного хозяйства на сельское население, ускоряя имущественное расслоение массы земледельческого населения, заставляя их входить в долги и тем до крайности обостряя существовавшие в деревне противоречия. И именно городские же элементы возглавили крестьянское население против местной родовой знати.

Этими последствиями синойкизма обусловлена, по всей вероятности, и та демократическая окраска, какую придает ему античная традиция. Фукидид говорит только, что Тезей упразднил советы и должностных лиц прочих городов и объединил путем синойкизма всех жителей вокруг нынешнего города, учредив один совет и один пританей. Жителей отдельных селений, возделывавших свои земли, как и прежде, Тезей принудил иметь один этот город, и так как все жители принадлежали теперь уже к одному городу, то он стал велик.[1] Если в изложении Фукидида реформа носит, таким образом, исключительно насильственный характер, то Плутарх, следующий при этом, повидимому, рассказу Аристотеля, придает ей определенную демократическую окраску. Он рассказывает между прочим, что, обходя с увещаниями *демы и роды* (ἐπιὼν οὖν ἀνέπειθε κατὰ δήμους καὶ γένη) [любопытное противопоставление демов и родов. *А. Т.*], Тезей будто бы встречал сочувствие прежде всего именно среди простых и бедных (τῶν μὲν ἰδιωτῶν καὶ πενήτων ἐνδεχομένων ταχὺ τὴν παράκλησιν αὐτοῦ). „Желая еще более способствовать росту городской общины, — рассказывает он далее, — Тезей призывал всех на равных правах (ἐπὶ τοῖς ἴσοις)... Он, однако, не смотрел безучастно на то, что ввиду наплывавшей без разбору толпы демократия сделалась бес-

[1] Thuc., II, 15,2.

порядочной и смешанной, напротив, он первый установил отдельные группы евпатридов, геоморов и демиургов. При этом он *предоставил евпатридам ведать божеские дела, поставлять архонтов, быть учителями законов и изъяснителями всего, как светского, так и духовного*, уравняв их, однако, с прочими гражданами в том отношении, что как евпатриды выдавались почетом, так геоморы своею полезностью, а демиурги своей численностью. Он первый склонился на сторону толпы, как говорит Аристотель, поставил единодержавие". [1]

Уже из заключительных слов этой цитаты, согласно которым действительная власть оставалась за евпатридами, в отношении же земледельческого и ремесленного населения признается лишь их полезность и численность, видно, что реформе приписывается здесь демократизм лишь в очень относительном смысле, что демократизм этот сводится в данном случае не к собственно демократическому устройству, но исключительно к росту численности демократических элементов. Не менее характерна в этом отношении также связь, устанавливаемая здесь между синойкизмом и делением населения на евпатридов и низшие классы земледельцев — геоморов и демиургов — ремесленников.

Описанный процесс синойкизма и возвышения Афин представляет лишь наиболее яркий и лучше известный пример того роста городов-полисов, какой происходил в это время и в других местностях Греции: в Коринфе, Сикионе, Аргосе (нам известен факт подчинения Микен Аргосу и лишение их вместе с этим значения полиса), в Ионии, в колониях.

Подводя итоги, мы можем теперь представить себе общественную ситуацию, сложившуюся в результате роста противоречий внутри родового общества и предопределившую социальную революцию VII—VI вв.

Разложение родового строя шло снизу. С одной стороны, с утверждением патриархального рода и с индивидуализацией производства родовые отношения более или менее быстро исчезают в среде производящих низов земледельческого населения, в тех деревнях-комах, которые соответствовали первоначальным патриархальным родам. С другой стороны, образование класса неимущих, оказывавшихся все более вне родовой организации, тех фетов, которые вынуждены были искать работы в качестве странствующих наемных рабочих и ремесленников, разделение труда, появление класса ремесленников, переселение их в далекие от родины центры, появление профессиональных купцов, приток пришлого населения, стоявшего вне родовой организации, не только вне родов но и вне фратрий и фил, — все эти процессы, разлагавшие и

---

[1] Plut., Thes., 25, Arist., 'Αθ. πολ., fr. 2, 384. Цитировано по переводу Ловягина, стр. 125.

подрывавшие основы родового строя, происходили также вне олигархии знатных родов. Лишь отдельные, большей частью обедневшие или захудалые роды, обращавшиеся к занятию торговлею, принимали сторону оппозиционных элементов. Правящие же роды, с процессом распада прежних родовых связей в низах населения, все более замыкались в тесную олигархию, состоявшую из ограниченного числа, иногда даже из отдельных единичных родов. Родовые органы, выродившие-ся в свою противоположность, из первобытной демократии превратились в отвратительную олигархию, [1] из орудия народной воли в органы угнетения против собственного народа.[2] Еще до образования государства знатные роды использовали свое положение родовых верхов и свою организованность в роды против остальной, неорганизованной массы, превращая пережиточные формы родового строя в органы угнетения.

Знатные роды сохранили господство над населением всей территории бывших материнских родов, из которых они выделились. Процесс расслоения и имущественного неравенства, влекший за собою задолженность масс, имел своим конечным последствием сосредоточение всех земель в руках знатных родов. Не только все землевладение сосредоточивалось в руках знатных родов, но и свободное обращение земли вне родов было затруднено. Что именно задолженность мелкого землевладения (а не скупка земель) лежала прежде всего в основе сосредоточения всех земель в руках знатных родов, показывает тот факт, что Солон, не производя никакого передела, одной отменой долгов восстановил мелкое землевладение и уничтожил крупное. Впоследствии крупной земельной собственности Аттика уже не знала. [3] Обстоятельство, введшее в заблуждение некоторых новейших историков, предполагающих массовую конфискацию земель, если не при Солоне, то при Писистрате. [4]

В то время как снизу происходил процесс формирования классов вновь образующегося рабовладельческого общества, замкнутая правящая знать, представлявшая охвостье выродившегося родового строя, превращалась вместе с этим в путы и оковы общественного развития. С одной стороны, она стесняла образование и консолидацию эксплуататорского класса, искусственно ограничивая круг эксплуататоров рамками замкнутых родовых кровнородственных организаций. С другой стороны, она препятствовала свободному развитию производительных сил и новых производственных отношений, стесняя свободу обращения имуществ и прежде всего земельных иму-

[1] См. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 110.
[2] Там же.
[3] См. Boeckh, Die Staatshaushaltung der Athener, 3-е изд., 1886, стр. 80 сл.
[4] Busolt, Griechische Geschichte, 2-е изд., II, стр. 328, за которым следует С. Я. Лурье История, античной общественной мысли, 1929, стр. 103, 109.

ществ, искусственно расчленяя и замыкая общественно-экономическое развитие в рамках отдельных родов и ставя мелких производителей в исключительную зависимость от местной родовой знати. Наконец, родовые организации, составлявшие опору господства привилегированной группы знатных родов, стояли на пути образования государства, являющегося организованной формой и орудием классового господства и принуждения в руках более широких и не ограниченных родовыми рамками эксплуататорских кругов. Так же, как родовые организации стояли на пути образования государства, родовые обычаи и неписанные постановления родов стояли на пути составления писанного права, которое регулировало бы и закрепляло бы сложившиеся формы обращения имуществ и нарождающихся общественных отношений. Правящая родовая олигархия, это охвостье выродившегося родового строя, стоявшее на пути окончательного оформления и консолидации рождающегося классового общества, должна была быть устранена, и именно ее устранение и было непосредственной целью и результатом социальной революции VII — VI вв. Классовая борьба этого времени не была только борьбой классов в формах родового строя, но именно борьбой сложившихся уже внутри этого строя классов против последних пережитков и пережиточных форм родового строя в лице выродившихся в родовую знать бывших органов родоплеменного общества. Все классы нарождающегося общества, как его верхи, так и низы, как эксплуататорские классы, восстававшие против привилегированного положения родовой знати, так и эксплуатируемые низы, являвшиеся жертвой ее эксплуатации, совместно выступили в борьбе против олигархии знатных родов.

Я наметил те основные противоречия внутри родового строя, которые вели к его разложению и к взрыву социальной революции. И этим считаю задачу своего доклада исчерпанной. Что касается собственно революции VII — VI вв., картина ее общеизвестна, и я останавливаться на ней не буду. Ограничусь лишь несколькими самыми общими замечаниями. Описанные противоречия действовали, конечно, повсеместно, разлагая устои старого родового строя. Но степень интенсивности, с какою совершался этот процесс разложения, степень роста и обострения противоречий в различных местностях была неодинакова. Чем же обусловливалась такая неравномерность развития? Эта неравномерность зависела от степени вовлечения первоначального патриархального хозяйства в торговый обмен, от того, в какой мере из хозяйства, само себя обслуживающего, оно превращалось в хозяйство, частично и притом все в большей мере производящее на рынок, словом, от степени товаризации производства. Вот почему развитие производительных сил и разложение патриархально-родовых отношений с особой интенсивностью совершалось там, где имелись условия

для образования таких крупных промышленных и торговых центров, как Афины, Коринф, Милет и др. Именно в связи с товаризацией производства патриархальное рабство, существовавшее еще в рамках родового быта, перерождалось в систему эксплуатации, требовавшую иных общественных форм и возникновения государства. В то же время именно развитие торговли и распространение денежного хозяйства в чрезвычайной степени ускоряло процесс общественного расслоения и роста имущественного неравенства. Обогащая и укрепляя хозяйственную мощь одних, торговля и сопровождавшее ее развитие денежного хозяйства в то же время разоряли других. Стремление к обогащению и накоплению общественных верхов, о которых так много говорят литературные памятники этой эпохи, при одновременном разорении и растущей задолженности масс до крайности обостряли все общественные противоречия, доводя их до революционного взрыва. Торговля была, таким образом, моментом, обострявшим до крайности все внутренние противоречия, развившиеся в родовом обществе. Именно в торговых городах Греции все эти противоречия (противоречия родовой знати и рабовладельческих элементов нарождающегося полиса, противоречия города и деревни, торговли и землевладения, натурального и денежного хозяйства, имущих и неимущих, кредиторов и должников) достигали крайней степени обострения и делали социальную революцию неизбежной. И классовая борьба, вспыхнувшая по всей Греции в VII — VI вв., была именно социальной революцией. Там, где все общественные классы выступают против одного общего врага — родовой знати, там, где борющиеся стороны пышут ненавистью друг к другу и борьба ведется с исключительным ожесточением, там, где победа одной из сторон ведет к полному перевороту и к изгнанию противников, там, где в результате победы новых общественных элементов начинается усиленная законодательная работа, там, где из старого общества вырастает не только новое общество, но и совершенно новый институт — государство, — это уже не простая борьба классов, это социальная революция; именно социальная революция, наносящая удар родовому строю, о чем определенно говорят наши источники (о реформах Солона и Клисфена) и на что вполне определенно указывает и Энгельс.

Если главную движущую силу революционного движения, силу, придавшую ему более широкий размах и более радикальный характер, составляло разоренное и задолженное земледельческое население, то роль гегемона революции, несомненно, принадлежала тем городским элементам, которые я характеризовал выше и которые составляли ядро нарождавшегося рабовладельческого общества. Выходцами из этой городской среды были эсимнеты и тираны, возглавившие движение и проводившие требования революции в жизнь.

Различие путей, какими они приходили к власти, и различная степень радикализма проводимых ими мер не должны закрывать от нас однородности их классового происхождения и классовой позиции. Своими законами и своими действиями те и другие создавали условия для развития греческого рабовладельческого государства — полиса. И в древности, как известно, не проводили резкой грани между теми и другими. Аристотель характеризует власть эсимнетов как тираническую и называет эсимнетов „выборной тиранией" (αἱρετὴ τυραννίς) и при рассмотрении различных видов тирании относит к тирании, как один из ее видов, и эсимнетию.[1] Такое же обозначение эсимнетии, как выборной тирании, встречаем и у других авторов.[2] Питтака Митиленского современники называли тираном,[3] Солон, как он сам говорит, имел полную возможность захватить тираническую власть.[4]

Объект революции составляли, как видно из всего вышеизложенного, пережиточные формы родового строя, и главною целью ее было устранение исключительного господства и засилья родовой знати. Этот антиродовой характер революции вполне определенно выступает, как показывает реформа Солона,[5] в Афинах. Но тот же характер носило революционное движение и в других городах. Тирания Кипсела и Периандра в Коринфе положила конец господству замкнутого рода Бакхиадов. Недавно в интересной специальной статье итальянский ученый Gitti[6] показал, что переворот, произведенный в Сикионе Клисфеном, имел не национальную направленность (восстание приниженного ахейского населения против господства дорян), как изображал дело Геродот, но ставил своею целью именно уничтожение господства родовой знати, которой Клисфен Сикионский нанес еще более сокрушительный удар, чем его одноименный внук в Афинах. В Митилене было сброшено господство рода Пенфелидов,[7] в Эрифрах[8] и в Эфесе[9] свергнут род Басилидов. Такой же переворот произошел в ряде городов — в Милете, Книде, Киме, Магнесии, на островах Самосе, Хиосе, Наксосе, в Халкиде, Мегаре.[10]

---

[1] Arist., Πολ., III, 9,5—6. 1285 a; IV, 8, 1295 a.

[2] Diog. Laert., I,000; Dion. Hal. I, 73.

[3] Алкей, ср. Arist., Pol., IV, 8, 2.

[4] Plut., Sol., 14. Bergk. II, 54; Solon. fragm. 33, наконец, и некоторые новейшие историки видят в Солоне (Виппер) и в Клисфене (Успенский) именно тиранов. В специальной статье „Aisymnetie und Tyranie" (Klio, 1905) Nordin устанавливает отсутствие принципиального различия между эсимнетией и тиранией.

[5] Arist., 'Ad., Пол., 21.

[6] Clistene di Sicione e le sui reforme, Memorie della R. Accad. dei Lincei, 1929.

[7] Arist., Pol., V, 18,2, p. 1311 b.

[8] Arist., Pol., V, 11, p. 1305 b.

[9] Suidas, s. v. Πυθαγόρας 'Εφρέσιος.

[10] См. Тюменев, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I, изд. 2-е, 1924 г., стр. 62, прим. 2.

Феогнид Мегарский, Алкей Митиленский, Гераклит Эфесский (из рода Басилидов), пострадавшие от революции и полные непримиримой ненависти к классовым врагам, рисуются нам в своих произведениях также прежде всего именно как гордые своим происхождением представители родовой знати.

Удары революции, направленные против последних пережитков родового строя, были одновременно и ударами, наносимыми родовой знати. Установление государства-полиса наносило удар исключительному господству знатных родов; введение нового территориального деления населения вместо родового имело в виду, как определенно говорит Аристотель [1] ту же цель. „Оставь в покое филы" (т. е. старые родовые филы) — сделалось теперь поговоркой по адресу лиц, допытывавшихся, из какого кто рода; [2] утверждение уголовного преследования по суду (закон Дракона) вместо института родовой мести клало конец самоуправству знатных родов. Составление общего писанного права устраняло судебный произвол родовой знати, на которой так красноречиво и образно жаловался еще Гесиод. Запрещение займов под залог личности должника уничтожало на будущее время основу зависимости населения от местных знатных родов. С этого времени мелкие свободные земледельцы должны были играть роль главной военной силы греческого полиса, образуя ядро гоплитского ополчения. Наконец, введение свободы завещания наносило последний удар пережиткам родовой собственности. На этом последнем моменте ввиду его особо существенного значения необходимо остановиться специально.

Смена форм общественной организации, падение государства родовой знати и установление рабовладельческого государства в специфической форме полиса [3] скрывали под собою смену видов собственности; старая родо-племенная собственность на землю, подточенная предшествовавшим процессом разложения родового строя, продолжала еще частично существовать в своей пережиточной форме, в форме ряда ограничений, стеснявших свободу обращения земли и имевших целью удержать землю в руках членов рода, т. е. в условиях разлагавшегося родового строя в руках членов знатных родов. В Афинах до Солона воспрещалось завещать имущество, и прежде всего недвижимое, кому-либо вне рода. [4] Такое наследование в роде было общим правилом и в других олигархиях, в основе которых лежала принадлежность к немногим

[1] 'Αθ. πολ., 21.
[2] Там же.
[3] См. „Немецкая идеология". Маркс и Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 12.
[4] Plut., Sol., 21 Εὐδοκίμησε δὲ κἀν τῷ περὶ διαθηκῶν νόμῳ. πρότερον γὰρ οὐκ ἐξῆν, ἀλλ' ἐν τῷ γένει τοῦ τεθνηκότος ἔδει τὰ χρήματα καὶ τὸν οἶκον καταμένειν.

знатным родам,[1] с наследованием в роде „издревле" связано было и стеснение продажи первоначального надела.[2]

Солон, вводя свободу завещания кому угодно и вне родов[3], наносил последний удар родовому землевладению и ставил на его место новый вид собственности, именно, по терминологии „Немецкой идеологии", „античную общинную собственность". Полагать, что в античном мире господствовала полная и безусловная частная собственность, значит модернизировать античность: развитие собственности также проходит через определенные этапы, и каждой формации, каждому виду эксплуатации, соответствует и определенный вид собственности. Всем известно то место „Немецкой идеологии", где устанавливается последовательная смена различных видов собственности племенной (родовой), античной и феодальной. Предположение, будто Маркс и Энгельс впоследствии отказались от этих высказанных в одном из ранних произведений воззрений на античную собственность, не имеет под собою почвы и не соответствует действительности. Это не случайно брошенные замечания, а действительные воззрения основоположников марксизма на развитие форм частной собственности в связи с развитием форм и способов производства и эксплуатации. Об античной и феодальной собственности, в противоположность собственности буржуазной, говорит одинаково и „Коммунистический манифест".[4] В 1865 г. (24 февраля) Маркс

---

[1] Arist., Pol., V, 7, 12, 1301 b: δεῖ... ἐν δ' ὀγαρχίᾳ καὶ τὰς κληρονομίας μὴ κατὰ δόσιν εἶναι, ἀλλὰ κατὰ γένος μηδὲ πλειόνων ἢ μιᾶς τὸν αὐτὸν κληρονομεῖν; Ср. относительно Спарты Plut., Agis, 5 (закон Эпитадея). В Беотии III в. Полибий видел признак упадка (καχεξίας) в отступлении от родового наследования (Pol., XX, 65): οἱ μὲν γὰρ ἄτεκνοι τὰς οὐσίας οὐ τοῖς κατὰ γένος ἐπιγενομένοις τελευτῶντες ἀπέλειπον, ὅπερ ἦν ἔθ νος παρ'αὐτοῖς πρότερον.

[2] Arist., Pol, VI, 2,5: Ἦν δὲ τό γε ἀρχαῖον πολλοῖς εν πόλεσι νενομοθετήμενον μηδὲ πωλεῖν ἐξεῖναι τοὺς πρώτους κλήρους. Факт коллективной родовой собственности на землю в эпоху господства знатных родов признается большинством современных исследователей: Hermann Thalheim, Lehrbuch der griechischen Rechtsaltertümer; Fustel de Coulanges, La cité antique; Beauchet, Histoire du droit..., II, стр. 353, III, стр. 59, 194, 567; Guiraud, La propriété foncière,.. стр. 79, 90; Töppfer Attische Genealogie, S. 19; Wilbrandt. De rerum privatorum ante Solonis tempus in Attica statu, Rostock, 1895; Wilbrandt, Politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon, Philologus, VII Suppl. Band, 1898—1899; Glotz, La solidarité..., 1905 стр. 327; Lenschau у Pauly Wissowa, s. v. Kleros. Против, за полное развитие частной собственности уже в эту эпоху, высказываются только те исследователи, которые высказываются и против существования коллективной собственности вообще, в первую голову — Пельман Geschichte der sozialen Frage, 3-te Aufl., I, стр. 10—11; Swoboda, Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte. Weimar, 1905, стр. 89, 95 сл.; Busolt, Griechische Staatskunde, I стр. 142. Все их доводы сводятся при этом к произвольному толкованию термина, имеющего вполне определенное значение в смысле ближайших родственников.

[3] Plut., Solon, 21: ὁ δ'ᾧ βούλεταί τις ἐπιτρέψας, εἰ μὴ παῖδες εἶεν αὐτῷ δοῦναι τὰ αὑτοῦ φιλίαν τεσυγγενείας ἐτίμησε μᾶλλον καὶ χάριν ἀνάγκης καὶ τὰ χρήματα κτήματα τῶν ἐχόντων ἐποίησεν. Ср. Dem., XX, 102, p. 488: ὁ μὲν Σόλων ἔθηκεν νόμον, ἐξεῖναι δοῦναι τὰ ἑαυτοῦ ᾧ ἄν τις βούλεται, ἐὰν μὴ παῖδες ὦσι γνήσιοι.

[4] Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 499.

писал редактору „Социал-демократа“: „Античные имущественные отношения исчезли, уступив место феодальным, эти последние перешли в буржуазные. Античная и феодальная собственность, как особые виды собственности, различаются Марксом и во второй части третьего тома „Капитала“, изданной Энгельсом, как известно, менее чем за год до его смерти („ростовщичество разрушает и уничтожает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность“. [1]) Известно также, как Маркс и Энгельс определяют в „Немецкой идеологии“ античную общинную собственность, именно, как специальную форму, тесно связанную с особыми условиями античного рабовладельческого общества. Как правило, господствует государственная и общинная собственность. Недвижимая частная собственность лишь как отклонение от нормы и как подчиненная общинной собственности форма. „Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами [2] и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации“. [3]

Допуская известную свободу распоряжения имуществом и завещание его вне рода, Солон наносил удар старому родовому строю, что вполне соответствовало общему направлению его реформы, но он вместе с этим никоим образом не вводил полной свободы частной собственности. Верховное право общины и государства-полиса сохранялись. Как за частной собственностью гомеровской эпохи стояла племенная община, как за частной собственностью эпохи родовой олигархии стоял род, так теперь за частной собственностью стояла верховная собственность рабовладельческого коллектива, каким прежде всего был греческий полис. Как во время Гомера, и община сохраняет свое высшее право на недвижимую собственность. Владения частных лиц носят, по выражению Виламовица, как бы прекарный характер. И это не только номинальное право полиса. Государства и общины владеют значительными государственными землями. Обширны также владения храмов, обслуживающих государственные культы. Государство, наконец, сохраняет верховное право и над общинными землями. Так, в рудниках, частные лица могут пользоваться только поверхностью, недра же принадлежат государству. Но, помимо этого, гражданская община-полис непосредственно заинтересована в сохранении наделов отдельных граждан, обеспечивающих не-

---

[1] Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1929 г., стр. 109.

[2] Здесь русский перевод не точен. В подлиннике говорится о совместном обладании властью над рабами: „Die Staatsbürger besitzen in ihrer Gemeinschaft die Macht über ihre arbeitenden Sklaven“, что значительно изменяет смысл (стр. 12—13 нем. изд.)

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

сение ими определенных гражданских и военных повинностей (вспомним роль и значение гоплитского ополчения). Раздел земли при колонизации, при основании афинских клерухий строится на том же принципе, как и в гомеровские времена. Поселенцам нередко воспрещается продажа части или всего надела (πρῶτος κλῆρος, ἀρχαῖ μοῖρα). Такое правило известно, напр., в Спарте, в Локрах, в Элиде, в Афитее, на полуострове Паллене,[1] еще в четвертом веке во вновь образованной колонии Керкира Мелайна,[2] аналогичные запреты были введены и при основании афинской колонии на Саламине в VI в.[3] В Фивах существовали специальные законы о деторождении, изданные со специальной целью сохранения постоянного числа наделов (ὅπως ὁ ἀριθμός σώζηται τῶν κλήρων)".[4] И, конечно, подобные ограничения существовали не только в этих сделавшихся нам известными случаях. Аристотель говорит об ограничении свободного распоряжения землею, как об общем правиле.[5] „Во многих государствах в древнее время было также законоположение, в силу которого запрещалось продавать первоначальные наделы." Рядом с этим распространено было запрещение приобретения земли сверх известного размера. Такой закон между прочим введен был в Аттике Солоном.[6] Исходя из того же принципа, воспрещалась продажа земель чужеземцам;[7] женщины, не несшие государственных повинностей, исключались из права наследства. Мало того, государство контролирует ведение частного хозяйства и часто вмешивается в него.[8]

В заключение несколько слов о государстве, которое пришло на смену родовому строю. Не буду более затруднять вашего внимания, которым и так уже злоупотребил, и ограничусь лишь самыми общими соображениями.

Уже господство родовой знати основывалось, как мы видели, на насилии и на принуждении; эти средства принуждения не вылились еще, однако, в формы организованного государства. Родовая знать все еще держалась старых родовых учреждений. Но если эти учреждения обеспечивали ей ее внутреннюю организацию, то как орган принуждения они служить не могли. Не существовало еще „публичной власти, отделенной от массы народа".[9] Господство правящей знати выливалось в неорганизованные формы, формы голого насилия, в формы кулачного права. Бей, коли, руби — вот и вся ее политическая мудрость.

---

[1] Heracl. Pont., Polit. Lacaed.; Plut., Quaest. Lacon., 22, 238; Arist., Pol. II, 4, 4. 1266 b, VI, 3, 7, 1319 a.
[2] Ditt. 3-е изд., 141.
[3] I. G., II, 2-е зд., 30. Michel, 1427.
[4] Arist., Pol., II. 9, 7, 1274 b.
[5] VI, 2, 5, стр. 1319 a
[6] Arist., Pol., 11, 3, 4. 1266 b.
[7] Francotte, Mélanges du droit public grec, 1910, стр. 185.
[8] Wilamowitz-Möllendorf, Staat und Gesellschaft der Griechen, стр. 6.
[9] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 119.

Возникали, конечно, уже и в то время отдельные учреждения, вроде навкрарий, но это лишь отдельные элементы, отдельные зародыши государственной власти, но еще не государство. Революция не только передала власть из рук замкнутой родовой знати в руки более широких кругов — верхов городского населения, но и создала впервые (законодательная работа эсимнетов) организованные формы этой власти, создала государство как орудие принуждения. Если знатные роды противопоставляли себя остальному населению и воздействовали на него как сила, действующая извне, то государство включало уже в себя всю массу населения, сохранив господство за образующимися рабовладельческими классами. Греческий полис был прежде всего гражданской общиной рабовладельцев, обеспечивавшей, говоря словами „Немецкой идеологии,“ совместное объединение власти над рабами и над подчиненными и разграбляемыми областями. Рождающееся государство уже с самого начала основано на имущественном цензе. Цензом определялись как политические права граждан, так и их роль и участие в военной силе. Необходимость создания военной силы — гражданского ополчения гоплитов — обусловливала расширение круга лиц, пользующихся в большей или меньшей степени гражданскими правами. Но расширение круга граждан, переход от умеренной олигархии к демократии был одновременно и расширением рабовладельческой общины. Привлекавшиеся к делу управления массы становились и активными участниками этой рабовладельческой общины, в той или иной мере участвовавшими в получении своей доли продукта рабского труда. Идеалом афинского люмпен-пролетариата был строй, основанный на государственном рабовладении.

О. О. КРЮГЕР

Рабские восстания II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов

Рабскими восстаниями занимались крайне редко и крайне недостаточно. Это имеет ряд причин. Несомненно, классовая ненависть к эксплуатируемым является главной причиной того, что буржуазные историки не интересуются этой темой. С другой стороны, эти мощные движения крайне скудно отражены в наших источниках. Если Ливий или Цицерон и говорят о рабских восстаниях, то лишь мимоходом и чрезвычайно кратко. Здесь действуют та же классовая ненависть, то же презрение к рабам.

Тем более приходится сожалеть, что те немногие труды, которые были посвящены этим движениям, до нас не дошли. Особенно жаль, что мы знаем только по заглавию одно чрезвычайно любопытное сочинение, труд ритора, бывшего раба из сицилийского города Кале Акте, получившего по освобождении из рабства имя Цецилия. Труд этот был озаглавлен „О рабских войнах". Цецилий писал свои произведения около 50 г. до н. э., а может быть и несколько ранее. Есть сведения, что он по происхождению иудей;[1] невольно напрашивается гипотеза, что в нашем источнике произошла путаница и что вместо „иудей" следует читать „сириец" — путаница довольно обычная в более позднее время. Свидетельство раба восточного происхождения, жившего несколько десятилетий после крупнейших восстаний как раз в Сицилии, т. е. там, где эти восстания происходили, имело бы для нас огромное значение, особенно если догадка о его сирийском происхождении оправдается, так как в рабских войнах в Сицилии сирийские рабы играли главную роль.

[1] Свидетельства о Цецилии собраны у F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker, ч. II, № 183, стр. 911. Об этническом его происхождении говорится у Свиды в довольно искаженном месте. Характерно, как Christ и Schmidt (Geschichte der griechischen Literatur, 6-е изд., стр. 465 сл.) объясняют, почему этот труд не сохранился: его, мол, не цитируют и он забыт потому, что он, очевидно, был неважного качества. Вздорность этого утверждения совершенно очевидна, так как другие труды этого автора (о риторической технике) пользовались большим успехом. Дело, стало быть, в теме, а не в выполнении.

Интересовался этими восстаниями и Посидоний, греческий философ, историк и этнолог негреческого, сирийского происхождения. От него дошло до нас несколько эксцерптов в „Исторической библиотеке“ Диодора и у других писателей.[1] Какие причины побудили Посидония писать о рабских восстаниях, еще не освещено в науке. Несомненно, однако, что одной из причин было сирийское его происхождение и знание нравов и обычаев сирийских рабов. Но, разумеется, это не единственная причина. Диодор так подробно эксцерпировал Посидония по этому вопросу потому, что, будучи сам из Сицилии, он лучше других представлял себе размах и последствия этих великих восстаний.[2] Все остальные свидетельства более или менее случайны. Так же случайны упоминания рабских восстаний у современных буржуазных историков. Они стоят невольно на стороне писателей-рабовладельцев и рассматривают эти движения как досадное, болезненное явление, как пятна на истории Рима. В лучшем случае рабские войны считались следствием неумелой политики, результатом одной лишь чрезмерно тяжелой формы эксплуатации. Так полагали и древние. Единственным последствием этих болезненных явлений в историческом процессе были разрушения — и только. В этой части допускались ошибки и со стороны наших историков-марксистов: они тоже видели в движениях рабов одну лишь негативную сторону. Большие разрушения, как последствия крупных восстаний рабов, отрицать не приходится, ошибка заключается в том, что в наших работах отсутствовал учет социальной значимости этих движений, учет тех сдвигов в обществе, которые происходили во время и в результате этих движений. Мы не понимали до конца этих движений так, как Ленин их характеризовал в известном месте „Лекции о государстве“: „История рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства“.[3] Мы не уяснили себе до конца, что эти движения, как объяснил Ленин там же, относятся к тем революциям, которые были связаны с развитием человечества, с переходом от рабства через крепостничество к капитализму и к теперешней всемирной борьбе против капитализма.[4] Мы не понимали полного значения слов Энгельса, что без античного рабства не было бы и социализма: мы в рабовладельческой системе видели только рабовладельцев и не замечали рабов и их роли в смене формаций.[5] Одним словом, в наших советских истори-

[1] Фрагменты из Посидония собраны у того же Якоби, т. II, № 87, стр. 222 сл. Ср. еще Karl Reinhardt; Poseidonios, Мюнхен, 1921, стр. 30 сл.

[2] Диодор говорит о рабских восстаниях в XXXIV и XXXVI книгах, дошедших до нас в эксцерптах.

[3] Сочинения, изд. 2-е, т. XXIV, стр. 371.

[4] Там же, стр. 368.

[5] Энгельс, Юридический социализм („Под знаменем марксизма“, 1923, № I, стр. 132); Энгельс, Анти-Дюринг. Соч. Маркса и Энгельса, т. XIV, стр. 183.

ческих трудах не нашло своего отражения то, что т. Сталин сформулировал в своей речи на съезде ударников-колхозников: „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся".

Целый ряд ошибок допущен историками и в оценке восстаний рабов II и I вв. до н. э. То обстоятельство, что эти движения отделены веками от перехода к феодализму, заставляло историков отрывать их от тех событий, которыми заканчивается античность и начинается феодальная формация. Иначе говоря: рабские восстания не вызвали, якобы, никаких изменений в обществе, классовая борьба между рабами и рабовладельцами не оставила почти никаких следов, за исключением колоссальной разрухи в Италии и на Сицилии. По представлению этих ученых, на состоянии римского общества скорее отражалась борьба между классовыми прослойками среди свободных; монархия является последствием чего угодно, но только не рабских движений, непосредственно предшествовавших созданию империи. Это мнение о малой эффективности рабских восстаний объясняется тем, что движения рабов рассматривались изолированно от классовой борьбы, разделявшей свободное население. Однако, при внимательном отношении к источникам, легко убедиться, что нет ни одного крупного движения рабов, которое не захватило бы других слоев общества или которым не воспользовались бы другие слои общества, и хотя классовой солидарности между свободными эксплуатируемыми и рабами не было и не могло быть, рабские движения все же вносили раскол в ряды свободных.

Ленин следующим образом характеризует рабские восстания в отличие от пролетарских движений при капитализме: „Рабы восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оставались пешками в руках господствующего класса". [1] Субъективно рабы никогда не задавались целью изменить существующий строй, изменить способ эксплуатации, но объективно восстания рабов подготовили смену формы эксплуатации. Иначе и не могло быть при том размахе, который принимали эти движения.

Если тщательно просмотреть историю этого времени, мы легко убедимся, что рабские восстания почти беспрерывно тянутся с конца третьего века до создания Римской империи. Нельзя, как это делается историками, выделять только крупнейшие из них, обходя молчанием менее эффективные.

Проследим внимательно все данные, которые нам сохранила наша скудная традиция.

Сведения о рабских восстаниях начинают сгущаться со

[1] Сочинения, изд. 2-е, т. XXIV, стр. 375.

времени второй пунической войны,[1] и длинный ряд их открывается 217 годом, когда в Риме был арестован шпион из Карфагена, работавший там уже два года, и одновременно с ним рабы, организовавшие заговор против Рима. Разведчика, отрубив ему руки, отпустили на родину, а 25 рабов казнили на кресте. Раскрыт был заговор благодаря доносу одного раба. В награду доносчика освободили от рабства и одарили крупной суммой денег. После окончания второй пунической войны, закончившейся в 202 году победой римлян, в Италию попало большое количество рабов из пленных. Они поступили в продажу. Довольно много их было куплено и жителями города Сетия, находившегося в Лациуме в 60 километрах от города Рима.[2] Рабы работали там на полях и встречались с другими рабами той же национальности, владельцы которых проживали в городе Сетии в качестве заложников от побежденного Карфагена. В 198 году до н. э. здесь был организован заговор. Заложники принадлежали к карфагенской знати; очевидно, они агитировали через своих рабов среди массы рабов военнопленных, бывших свободных граждан Карфагена. Был составлен и тщательно подготовлен план действия; велась агитация среди рабов расположенных по близости местностей, имевших большое экономическое значение, — Норба и Цирцеи. Было решено воспользоваться одним из ближайших дней, чтобы, когда жители города Сетии соберутся на спортивных играх, внезапно занять город и захватить Норбу и Цирцеи. Опять доносчики — на этот раз два раба и один свободный — раскрыли римским властям планы. Все доносчики получили денежную награду, а рабы, кроме этого, свободу. Организаторы восстания были схвачены, а другие рабы разбежались по области, где за ними была установлена слежка. Вскоре после этого было доведено до сведения римлян, что рабы решили захватить город Пренесту в 25 километрах от Рима. После подавления этого мятежа было казнено 500 человек. Впечатление от этих восстаний в Риме осталось громадное: было реорганизовано дело охраны Рима и содержания рабов и заложников. Но уже в 196 году, т. е. двумя годами позже, по всей Этрурии вспыхнуло восстание. Потребовались силы целого легиона, чтобы его подавить.[3] Последовала опять жесточайшая расправа с рабами: руководителей распяли, многих избили, других вернули владельцам. В 185 году и следующем римский претор Луций Постумий получил поручение подавить восстание рабов очень больших размеров на юге Италии.[4] Это были заговоры пастухов. Их держали обычно впроголодь, они были лишены самого необходимого и вынуж-

[1] Ливий, XXII, 33; Зонара, IX, I.
[2] Ливий, XXXII, 26; Зонара, IX, 16.
[3] Ливий, XXXIII, 36.
[4] Там же, XXXIX, 29.

дены были добывать себе и пропитание и одежду грабежом. Общественные пастбища и дороги были их местопребыванием. В течение одного 185 года был вынесен приговор над 700 рабами, многим удалось бежать, но большое количество было казнено. Любопытно, однако, что в 184 году, когда Постумий продолжал борьбу с рабами на юге Италии, восстание было осложнено еще тем, что оно либо совпадало, либо переплеталось с другим движением, движением среди свободных, нашедшим отражение в процессе о вакханалиях. Дело в том, что среди населения южной Италии был очень распространен своеобразный культ Вакха-Диониса. Для нас не представляет интереса, что, по свидетельствам древних, этот культ был связан со всякими преступными деяниями его участников, с половыми эксцессами и т. д. Гораздо важнее то, что он имел определенно политическую окраску. Во главе его стояли представители плебеев, и римлян, и союзных италийских городов. Это объединение носило официально — во время процесса — название coniuratio — заговор.[1] В 186 году было обнаружено 7000 участников. Нам очень трудно угадать, каково было политическое содержание этого объединения, но что оно было антигосударственного характера, следует уже из того, что несколько лет до этого в Египте царь Птолемей Филопатор издал строжайший приказ о регистрации всех почитателей Вакха-Диониса.[2] В 184 г. претор Постумий одновременно подавил восстание рабов и прикончил с необнаруженными в свое время участниками вакханалий.

Как видно из приведенного материала, восстания рабов крупных размеров почти беспрерывной нитью тянутся из года в год до конца 180-х годов. Позднее в нашей традиции следует перерыв в сорок с лишним лет, до того года,[3] когда разразилось грандиознейшее восстание рабов II в., известное под названием первой рабской войны в Сицилии. Все ли случаи восстания получили свое отражение в наших источниках? Очевидно, нет. Кое-что остается нам неизвестным по той простой причине, что наша историческая традиция здесь лакунарна: не сохранилось соответствующей части труда Ливия и других основных источников. Один из сравнительно поздних авторов — правда, крайне малоценный, — Юлий Обсеквент, выписавший из сокращенного издания Ливия все чудесные явления, которые падали на промежуток времени между 190 и 12 гг. до н. э., пишет: „В Италии много тысяч рабов, которые составляли заговор, схвачено и казнено“.[4]

[1] Ливий, XXXIX, 41.

[2] Папирус Берлинского музея, т. VI, 1211.

[3] К. Бюхер, Восстание рабов 143—129 гг. до р. Х. (русский перевод), Л., 1924 г., дает произвольную датировку. С. Жебелев, Из истории Афин, стр. 219 сл. Holm, Geschichte Siziliens im Altertum, т. III, стр. 519. Статья Sikelia в словаре Pauly-Wissowa.

[4] Юлий Обсеквент, 86.

Из этих слов можно, кажется, сделать вывод, что в это время восстаний было много больше, чем нам известно. Как бы там ни было, думается, что, несмотря на искажение нашей традиции и на лакунарность ее, все же между первым пучком восстаний и вторым лежит промежуток в несколько десятков лет, когда крупных рабских движений не было. Это затишье в основном совпадает с промежутком между второй и третьей пуническими войнами, со временем, когда окрепла государственная власть в Риме, когда не приходилось воевать на нескольких фронтах одновременно. Третья пуническая война, законченная в 146 году и значительно увеличившая количество рабов в Италии и Сицилии, выросшее в связи с захватом Коринфа в том же году, является дальнейшим толчком к пауперизации крестьян и замене свободного труда в сельском хозяйстве дешевыми рабами. Бюхер, вопреки нашей исторической традиции, датирует начало рабской войны 143 годом. Эта кровопролитная война в действительности длилась с 136 до 132 года. Я не имею возможности останавливаться на всех ее деталях: об этом можно прочесть у Бюхера и в трудах по истории Сицилии. Благодаря интересу Посидония, Диодора и других к этому движению, мы знаем его подробнее остальных восстаний античного мира. Если сама война, то есть организованная борьба римлян с рабами, и началась лишь в 136 году, то не приходится отрицать возможность, что отдельные повстанческие движения происходили среди мало освоенной рабской массы несколько раньше. Энергичные мероприятия со стороны Рима, очевидно, были обусловлены широким распространением восстаний по всему римскому государству, далеко за пределами Сицилии. Дело в том, что, как сообщают нам древние писатели, в связи с сицилийским восстанием, явившимся „очагом заразы", [1] около этого же времени вспыхивают восстания рабов и в Италии. Так известно, что в городе Минтурнах после подавления мятежа было казнено на кресте 450 рабов. В Синуессе (южная часть Лациума, на берегу моря) Квинтом Метеллом и Гнеем Сервилием Цепионом разбито 4000 рабов, а в самом Риме раскрыт заговор, в котором участвовало 150 невольников. [2] Но „зараза" пошла еще дальше. В серебряных рудниках Лаврия, в Аттике, было поднято восстание, объединившее 1000 человек. Правда, это первое восстание рабов в Аттике (как правильно доказал С. А. Жебелев) [3] было не очень продолжительно и было усмирено стратегом Гераклитом: жестокий

[1] О заразе говорит, между прочим, Оросий, V, 9, 4. „Зараза", „эпидемическая болезнь" — любимый термин для обозначения восстаний. Так император Клавдий называет опасность, которую приносят с собой иудеи из Сирии в 41 г. н. э.: он имеет в виду восстания, смуты. Папирус Британского музея, 192, 100 (опубликован в 1924 г.)

[2] С. А. Жебелев, ук. м. Бюхер, ук. с. и другие.

[3] С. А. Жебелев, ук. м.

террор со стороны надсмотрщиков в связи с экспедицией Гераклита довольно быстро подавил восстание. Быстрота и жестокость действий были вызваны большим количеством скопившегося здесь „горючего материала“, грозившего большим ростом движения. Дело в том, что труд невольников в рудниках — самая тяжелая форма эксплуатации в древности. Под землей работали многие тысячи пленных „варваров“ и преступников. Об условиях работы в рудниках этого времени наглядный материал дают хотя бы испанские рудники, довольно хорошо сохранившие нам всю тяжелую обстановку работы. Там найдены и шахты с неимоверно узкими подземными ходами, и несовершенные орудия с приспособлениями для выкачивания воды и трупы рабов.

К этому же времени относятся и восстания в Македонии и на Делосе, этом центральном рынке для торговли рабами, где общее количество продаваемых в день рабов доходило до 10.000. Для нас все эти скудные, разрозненные сведения интересны тем, что они, во-первых, свидетельствуют о большом распространении рабских восстаний в одно и то же время, и, во-вторых, что древние считали их причинно связанными, причем это мнение, как легко доказать, восходит к одному из лучших свидетелей, Посидонию, родившемуся около 135 года, близкому, стало быть, по времени к упомянутым событиям. Разумеется, от сицилийского восстания могли исходить лишь искры: горючий материал, т. е. соответствующие социально-экономические предпосылки должны были быть на месте. Мы, несомненно, правильно датируем эти движения временем разгара сицилийского восстания, когда рабы добились определенных крупных, хотя и временных успехов. С этим временем совпадают и реформы Тиберия Гракха, но об этом речь еще впереди. Этот успех показал всем рабам обширных римских провинций, что борьба с римской государственной властью возможна; этот успех вызвал в рабах надежду, что освобождение путем вооруженных восстаний дело вполне реальное. Но вернемся к сицилийскому восстанию, которое нам лучше известно в своих деталях. Восстания в Сицилии возникли в тех частях острова, где рабский труд применялся издавна. Когда Сицилия еще была во власти Карфагена, здесь были уже крупные хозяйства, применявшие большие количества рабов. Состав рабов был пестрым и по социальному происхождению, и этнически, и по профессии. Здесь были представители Сирии, Киликии и порабощенной после взятия Коринфа Греции. Рабы были преимущественно заняты в сельском хозяйстве в качестве пастухов или пахарей, однако немалое количество их находилось и в городах.

Способ эксплуатации, по свидетельству древних, был неимоверно тяжел. В городах, где обращение с рабами было менее жестоким, рабы не присоединялись к восстанию. Мест-

ные власти, не желая улучшить бытовые условия рабов, санкционировали грабежи, которыми рабы были вынуждены поддерживать свое существование. Немудрено, что здесь образовался очаг мятежей и возмущений. Я думаю, что тот факт, что Ганнибал во время второй пунической войны избегал оперировать в Сицилии и через Сицилию против Италии, факт недостаточно освоенный в исторической науке, приходится между прочим объяснять и тем, что Ганнибал избегал этого острова, где ловкий маневр местных греков или римских властей мог усложнить продвижение и пребывание войск, вызывая грандиозные антикарфагенские движения рабов. Значение крупных латифундий, больших скоплений рабов, при проведении военных операций в науке еще не освещалось просто потому, что за политическими событиями древности историки никогда не видят больших масс рабов, которые одним своим присутствием, одним своим стремлением освободиться от невыносимого гнета при любом обстоятельстве имели решающее значение для исхода тех или иных предприятий. Когда во время второй пунической войны, в 214 году, в Сиракузах шла борьба между знатью, симпатизировавшей Риму, и менее зажиточными („массой"), эмиссары Карфагена Гиппократ и Эпикид сумели воспользоваться наличием большого количества рабов: им была дана свобода, и через них пуническая партия пришла временно к власти.[1] В такой же мере Ганнибал мог ожидать — с тем бо́льшим правом, — что сельских рабов легко поднять против него.

Ко времени восстания рабов 30-х годов обогатившийся за счет разграбления провинций римский нобилитет концентрировал, как уже сказано, все большие количества рабов на своих громадных полях. Процесс совершенно тот же, что и в Италии, разница лишь в том, что концентрация рабов в Сицилии началась раньше, чем в Италии. В Карфагене отдельные богачи имели до 20 000 рабов, очень вероятно, что такое же количество встречалось в крупных владениях на Сицилии. Поэтому нас не удивляет, что к 30-м годам, когда этот процесс еще усиливался, рабы сумели собрать войско, сначала в 400, потом в 10 000, 20 000, а после удачных операций до 200 000 человек. Правда, вооружение было довольно плохое: топоры, серпы, острые окованные палки. Может быть, со временем оно улучшилось, особенно после завоевания крупных городов с арсеналом и разгрома римских войск. Сначала этническая рознь руководства восставшими (Клеон был из Киликии, Евн из Сирии) могла внушать опасения за единство движения, потом состоялось соглашение, приведшее к единому руководству Евна. Мне незачем останавливаться на вопросе о личности Евна: призма классовой ненависти, через которую

[1] Ливий, XXIII, 32.

видели его древние писатели, за которыми слепо тянутся современные историки, исказила его характеристику. В нем видели только шарлатана, который под конец своей деятельности „зазнался в своем счастьи и предался разгулу“. Это дешевое обвинение. Никуда не годится и утверждение, что только Ахей, сподвижник Евна, обладал организаторскими способностями и держал в своих руках все движение. Факт такого продолжительного и успешного существования организации рабов, факт завоевания ими всей Сицилии и целый ряд в высшей степени интересных, продуманных мероприятий — говорят в пользу его. Если вождь рабов одновременно был магом и волшебником, то это следует расценивать не с нашей точки зрения, это нужно понимать, исходя из той единственной идеологии, идеологии религиозной, которую знали массы рабов того времени. Когда восстание окрепло, Евн принял титул царя и имя Антиоха. Как представлял он себе дальнейшие судьбы восстания? Рассчитывал ли он на окончательный и прочный успех? Как представлял он себе организацию того коллектива, который он возглавлял? Существует мнение, что рабы, освобождаясь от эксплуататоров, в лучшем случае могли вернуться к старой общине. Было ли это так? Евн принимал царский титул и имя представителя сирийской эллинистической династии, не думая об уничтожении рабства, как системы: он мечтал о смягчении эксплуатации, противопоставляя римско-карфагенской форме восточную, эллинистическую, несколько модифицированную форму. Рабства он не отменял, об отмене всякой эксплуатации он и не помышлял. Поля обрабатывали для господствующего слоя, т. е. бывших рабов, мелкие землевладельцы, вероятно, с использованием несвободного труда. Бывших угнетателей рабы уничтожали, но не как класс, действия по отношению к рабовладельцам определялись их прежним отношением к рабам; так, например, Дамофила, особенно ненавистного рабовладельца, убили, а дочь его пощадили: мотив — мягкое отношение к рабам. Когда рабы заняли город Энну, они вырезали всех эннейцев, за исключением тех, кто умел изготовлять оружие так как в нем рабы очень нуждались. Пощаженные сами сделались рабами своих бывших рабов. Забота о вооружении и о сельском хозяйстве — это те мероприятия, которые засвидетельствованы нашими источниками. Мы знаем о созыве собрания, на котором между прочим решалась участь населения города Энны. Мы знаем, что рабство, как институт, продолжало существовать, знаем о существовании армии и личной охраны властителя. К сожалению это все организационные формы, которые засвидетельствованы. Несомненно, что необходим был еще целый ряд мероприятий и организаций для обеспечения длительного существования этого своеобразного государства. Любопытно одно мероприятие: для того,

чтобы воспитывать шедшие за ним массы, Евн устраивал театральные представления, на которых он показывал рабам инсценировки, сцены из бывшей их жизни под сапогом хозяина. Не может быть сомнения, что эти представления не должны были исключительно служить увеселению рабов (как пишут буржуазные ученые), но и воспитанию в рабах единой революционной воли. Если Евн щадил храмы и святилища Деметры, то в этом следует видеть очень разумное мероприятие. Деметра была центральным божеством в земледельческой Сицилии. Разрушение храмов могло привести к столкновению между рабами и местным греческим населением. мелкими землевладельцами, к которым Евн относился, как я уже сказал, с большим вниманием. Для этого, однако, были и другие причины: местное свободное население, эксплуатируемое, недовольное своим положением, переходило на сторону повстанцев, действовало с ними заодно. Правда, по свидетельству Посидония, сохранившемуся у Диодора, эти слои разрушали значительно больше, чем это делали рабы.

Не может быть сомнения, что рабские восстания в Сицилии дали решающий толчок Тиберию Гракху при проведении реформ. Об этом свидетельствуют слова Аппиана, [1] который пишет, как Тиберий Гракх ссылался на пример рабских восстаний в Сицилии и указывал на опасности, возникающие из-за того, что рабы в руках римлян — очень непрочная и опасная рабочая сила, все возрастающая на полях Италии. Кроме того, брат Тиберия, Гай Гракх, подробно описывает в сохранившемся у Плутарха[2] месте, как Тиберий Гракх проездом через Этрурию, направляясь к римским войскам, стоявшим в Испании у Нуманции, обратил внимание на пустующие земли Италии, на которых работали пришлые варвары-рабы в качестве пахарей и пастухов. Тогда впервые он задумал свои широкие реформы. Историки в недостаточной мере отметили, что взаимодействие двух моментов: состояние сельского хозяйства в Италии и наличие масс рабов-варваров, с одной стороны, и успехи классовой борьбы рабов в Сицилии, с другой (рабы тогда еще не были побеждены — осада Нуманции закончилась в 133 г., а рабская война в 132 г.), толкнули Тиберия на эти реформы. Но и в самой Сицилии после ликвидации восстания были проведены меры к обеспечению существования мелкого землевладения: leges Rupiliae, тоже результат классовой борьбы рабов.

Тот же 133 г. известен знаменитым восстанием Аристоника в Пергаме. Умерший в этом году царь Аттал оставил свое царство Риму по завещанию. Разумеется, этот акт Аттала связан с внутренней классовой борьбой, как можно заключить из

[1] Аппиан, Гражданские войны, 1, 9.
[2] Плутарх, Тиберий Гракх, 8

аналогичного завещания 155 г., по которому Рим должен был получить Кирену, где внутренние раздоры приводятся как причина составления завещания.[1] По поводу деталей восстания Аристоника отсылаю опять-таки к Бюхеру или к статье Вилькена у Pauly-Wissowa. В сущности, об этом движении мы тоже довольно мало знаем. Началось оно во всяком случае с восстания рабов, которое сумел возглавить Аристоник, претендент на пергамский престол. И это движение окрашено в религиозные краски. Аристоник хотел создать новое государство — граждан солнца. Аристоник дошел до некоторого теоретического уравнения свободных и рабов, которые в дальнейшем в одинаковой мере участвовали в восстании. Мы в точности не знаем, какое уравнение имел в виду Аристоник; интересно лишь то, что это культовое объединение так же, как вакханалии, о которых была речь, как религиозные идеи Евна, как, в конце концов, христианство — имели антиримскую тенденцию. Интересно, кроме того, что в этом восстании в большей, может быть, мере, чем в первую сицилийскую войну участвовали наряду с освободившимися рабами и свободные слои эксплуатируемых. Это было объединение всех недовольных, каждого по-своему, существующими порядками, вытекавшими из хозяйственной системы античности в преломлении эллинистической монархии — провинции Рима. Эта была борьба в одинаковой мере и против Рима и за освобождение от рабства.

После подавления этого восстания в 129 г. прошло лет 25 относительного покоя. Лишь в 104 году начались новые движения, которые почти уже без перерыва продолжались вплоть до основания империи, захватывая даже первое время ее существования. Опять время крайне тяжелое для Рима: войны за юг Галлии (с 125 по 121), с царем Нумидии Югуртой (с 111 по 106), затяжная борьба с германскими племенами кимврами и тевтонами (с 113 по 102) — основательно расшатали Римскую республику. С другой стороны, половинчатые попытки борьбы с разрастанием крупного землевладения, концентрацией рабов и обезземелением мелких землевладельцев, невозможность смягчения эксплуатации и улучшения бытовых условий рабов, связанных со всей системой античного хозяйства. На этот период падают восстания рабов в Кампании: их зарегистрировано несколько, небольших по количеству участников и непродолжительных. Первое восстание около Нуцерии охватило тридцать человек, второе близ Капуи объединило 200 человек, третье возглавлялось римским всадником Титом Веттием.[2] Диодор интересовался лишь романтической стороной этого движения. Дело в том, что Веттий влюбился в рабыню, купил

[1] Wilcken, Das Testament des Ptolemaios von Kyrene vom Jahre 155 vor. Chr., Sitzb. Preuss. Akad. d. Wiss., 1932, стр. 317 сл.

[2] Диодор, XXXVI, 13.

ее в кредит и, не будучи в состоянии, несмотря на неоднократные требования, заплатить обещанное, вооружил четыреста рабов, а сам объявил себя царем. Восстание разрослось. Веттий сорганизовал разбитое по сотням войско и поставил во главе его раба Аполлония. Римлянам, выславшим против повстанцев войско, удалось подкупить Аполлония и подавить восставших. Здесь не интересен романтический мотив. Весьма возможно, что к Веттию приложимо замечание Ленина о том, что рабы играли роль пешек в руках господствующих классов. Важно то, что рабы (едва ли здесь была инициатива Веттия) толкали вождя на то, чтобы назвать себя царем, т. е. разумеется, царем эллинистического типа. Опять, следовательно, освободительное движение связано с созданием царства. В это же время, в 104 г., возникают новые трудности, в которые Рим втягивается в связи с распространением своего владычества, с одной стороны, и рабскими движениями, с другой.[1] Когда в 104 году Марий подготовлял поход против кимвров, положение в Италии в связи с вымиранием крестьянства было таково, что пришлось обратиться к союзникам с требованием выделить вспомогательные войска. Царь Вифинии Никомед, к которому обратился Марий, отказался наотрез, указывая, что большинство вифинцев похищено римскими должностными лицами и работает в качестве рабов в римских провинциях, в частности в Сицилии. Это заявление вынудило римлян запретить порабощение свободных граждан союзнических государств. Включение в состав союзников, а потом в состав государства варваров той же этнической принадлежности, к которой принадлежали значительные массы рабов, в еще большей мере повлияло на положение последних во время Римской империи. Это обусловливало ряд законодательных мер по ограничению эксплуатации рабов, как, например, при Адриане. Историю рабства необходимо изучать с учетом этого момента. Но его я здесь развить не могу и напоминаю об этой проблеме лишь между прочим. В связи с ответом Никомеда пришлось срочно объявить об освобождении рабов-вифинцев. За несколько дней в Сицилии было освобождено 800 человек. Однако общее количество рабов-вифинцев в этой области было столь внушительным, что их освобождение тяжело отзывалось на благосостоянии крупных землевладельцев. Пришлось срочно приостановить дальнейшее освобождение. Разумеется, рабы, ждавшие освобождения, имевшие на него законное право, были крайне возмущены, и это возмущение переросло в восстание. Отдельные обстоятельства опускаю. Количественно рабы довольно скоро окрепли. Группа восставших дошла до 200 человек, но в связи с предательством присоединившегося к рабам и возглавившего восстание разбойника, которого подо-

[1] Holm, ук. с., т. III, стр. 111 сл.

слал римский претор, первый фазис восстания довольно скоро был ликвидирован. Значительно шире разрослось это движение в дальнейшем. Сначала вспыхнуло восстание 80 рабов римского всадника Клония, однако в скором времени удалось объединить 6000 человек под предводительством мага Сальвия. Опять, следовательно, повстанческое движение получает религиозную окраску. Сальвий собрал организованное и вооруженное войско из 20 000 пеших и 2 000 конных. Когда в западной части Сицилии, под руководством астролога Афиниона, поднялось еще несколько десятков тысяч человек и повстанческие группы слились вместе, рабы представляли серьезную угрозу: в 103 году против высланного для покорения рабов римского претора Люция Лициния Лукулла выступило войско в 40 000 человек. Сальвий, как и Афинион до объединения с Сальвием, а потом после его смерти, принял царский титул. Сальвий назвался Трифоном, связывая, таким образом, это движение с восстанием известного полководца Диодота-Трифона из сирийского города Апамеи, который в 145—144 г.г. победил Деметрия II, царя из дома Селевкидов, провозгласил себя царем в 143 году, но был побежден Антиохом VII и лишил себя жизни в 137 г. до нашей эры. Трудно сказать, почему Сальвий-Трифон связывал свое движение с восстанием Диодота. Еще труднее решить, почему, с одной стороны, предшественник Сальвия Евн принял имя из династии Селевкидов, а, с другой стороны, Сальвий назвался именем действовавшего против династии полководца. Как бы там ни было, и здесь вождь рабов принял царский титул.

Длительность восстания (оно было ликвидировано лишь в 99 году) заставило повстанцев придумать организационные формы государственного порядка. Кроме сильного войска, у рабов существовали сенат и народное собрание. Однако Афинион пускал в ряды своего войска только наиболее сильных и выносливых рабов, остальных же заставлял работать на полях в интересах повстанцев же. Большое значение имело и здесь революционизирующее влияние, которое оказывали рабы на пауперизированных свободных, участвовавших в борьбе. Моменты несогласия в рядах рабов отчетливо выступают, когда рабы осаждали город Морганцию. Они пригласили всех рабов покинуть этот город, обещая им за это свободу. Историки высказывают иногда удивление, почему рабы своим собратьям-рабам могли обещать в случае перехода на сторону осаждающих свободу. Так, Хольм[1] находит, что подобное освобождение „само собой, казалось бы, разумеется". Историки, обычно, забывают, что эти рабские восстания не имели своей целью освобождение всех рабов, уничтожение рабского труда как такового: рабы-повстанцы сохраняли рабский труд при

[1] Хольм, ук. с., 113.

несколько смягченной форме эксплуатации и, как правило, освобождали лишь участников восстания. Однако моргантийцы обещали своим рабам то же самое и удержали их таким образом у себя в городе. Сначала рабы рассчитывали на то, что моргантийцы сдержат данное обещание, и согласились остаться у них. Позже, когда обещание не было сдержано, рабы вышли из города и присоединились к осаждавшим.

И второе сицилийское восстание было подавлено римлянами. Небольшой отряд рабов (под предводительством Сатира) в 1000 человек сдался в последнюю очередь, под условием, что им будет оставлена жизнь. Их послали в Рим для того, чтобы они в качестве гладиаторов выступали в цирке. Уже здесь мы видим связь рабов с гладиаторами, которая в дальнейшей истории классовой борьбы в Риме неоднократно играла недостаточно до сих пор отмеченную роль.

Одновременно со второй сицилийской войной рабов происходило второе восстание в рудниках Аттики. [1] В отличие от первого аттического движения оно продолжалось довольно долго. Рабы перебили надсмотрщиков и заняли крепость Суний. Во время этого восстания они опустошали ближайшие области, но, к сожалению, мы не знаем ни количества восставших рабов, ни длительности восстания, ни формы подавления мятежа. Полагают, что Лаврийские рудники тогда находились в упадке и что в связи с этим упала ценность рабов и ухудшилось их положение.

К этому же времени, наконец, приходится отнести и то восстание, о котором, по мнению С. А. Жебелева, говорится в надписи в честь Диофанта и которое разыгралось на территории Боспорского царства. [2]

Больших восстаний после 99 года до выступления Спартака мы не знаем. Однако очень опрометчиво было бы ограничивать влияние рабских движений на ход римской истории одними лишь крупными восстаниями. Вся дальнейшая история Рима развивается под сильнейшими толчками рабских движений. Возьмем для примера союзническую войну. В 90-м году вождь италиков Папий, заняв города Стабии, Салерн и др., освобождает рабов и принимает их в ряды своего войска. [3] То же самое делает Видалиций или Юдалиций, как его обычно называют, с рабами в городах Япигии, в Канузии и в Венузии. В 87 г. Цинна [4] обращается к рабам с призывом присоединиться к нему и обещает им свободу. Так же действовал

---

[1] С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 219.

[2] С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. Известия Гаимк, вып. 70. Восстание Дримака (Бюхер, ук. с. стр., сл.) я оставлю в стороне, как мало ясное и не поддающееся точной датировке.

[3] Аппиан, Гражданские войны, I; 40; 47; 48.

[4] Аппиан, ук. с., I, 315 и 343.

Сулла,[1] так действовали все остальные. Историки до сих пор еще не сумели учесть значения рабов, как действующей силы в эпоху этих раздиравших всю Италию боев.

До сих пор еще не оценена роль рабов в движении Митридата на Востоке. Я не буду здесь говорить о связи Митридата с повстанцами во время союзнической войны и участии его в других движениях на территории Италии. Я лишь упомяну два неиспользованных в достаточной мере свидетельства, относящихся к тому времени, когда Митридат завоевывал один греческий город за другим в восточной части Римской республики. Одно мы читаем у Аппиана,[2] другое, восходящее к Посидонию и Николаю из Дамаска, у Афинея.[3] Первое свидетельство объясняет нам быстрый успех Митридата при завоеваниях греческих городов Малой Азии. Он объявлял после занятия городов уничтожение задолженности, включал метеков в состав граждан городов, а рабов освобождал. Другое свидетельство рассказывает о том, как Митридат, заняв остров Хиос, освободил рабов, а свободных сделал рабами и передал их бывшим рабам в собственность. Использовав стремление рабов к свободе, Митридат нанес Риму серьезный удар, который так сильно подорвал мощь республики.

Я не буду подробно останавливаться на восстании Спартака, так как оно послужит темой особого доклада. Я отмечу лишь важные для наших обобщений черты. Цель восстания не единая, она меняется в связи с этнической рознью. Спартак намечает одну цель: выход из Италии, Крикс со своими германцами стоит за борьбу. Спартак изданием ряда декретов регулирует поведение рабов во время борьбы: запрещается разбой и опустошение селений, запрещается ввоз и употребление золота и серебра. Восстание Спартака привлекает на его сторону свободное малоимущее население из деревень. Особенно следует отметить большую организационную работу повстанцев по изготовлению оружия. К сожалению, мы плохо знаем связь Спартака с пиратами. До сих пор вопрос о пиратах очень мало изучен, и советской историографии следовало бы серьезно им заняться. Источники рассказывают, что Спартак сговорился с пиратами, чтобы они его переправили в Сицилию вместе со всем войском, но что пираты его обманули. Цель, почему Спартак хотел переправиться в Сицилию, в страну классических восстаний, о которых помнил весь античный мир, довольно ясна. Неудача, связанная с этой переправой, мне кажется, объясняется историками слишком односторонне: не в одной измене дело. Переправа представляла такие стратегические трудности, что она навряд ли могла быть успешной.

[1] Цицерон, Сулла, 15, 68.
[2] Аппиан, Война Митридата, 48.
[3] Афиней, VI, 266 е.

Влияние восстания Спартака на состояние Италии Ленин правильно характеризует следующими словами: „В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию".[1] Лучше чем где-либо в этих словах отмечен громадный толчок, который — как мы постараемся доказать в дальнейшем — содействовал, в связи с другими потрясениями, переходу к монархической форме управления, к империи.

Не надо думать, что подавление восстания рабов в Сицилии потушило огонь окончательно: из речей Цицерона против Верреса мы узнаем, что там и сям вспыхивали мелкие движения. Только жестокая расправа, которая закончила предыдущие движения, на долгие годы парализовала рабов и не давала мелким движениям принимать былые грандиозные формы. Но восстания все же происходили: так в городе Триокала был обнаружен заговор среди рабов некоего Леонида; отмечены такие же заговоры среди рабов Аристодама из Аполлонии, Леонида из Имахары, Евменида из Галикий; всадник Матриний заплатил Верресу большую сумму денег, чтобы отделаться от предстоявших судебных разбирательств в связи с обнаруженной среди его рабов подготовкой бунта, то же самое сделал Аполлоний Гемин из Панорма и т. д. Вся история этого времени протекает на вулканической почве, и всякая борьба связана с вспышками этого вулкана и направляется ими. При особых обстоятельствах тому или иному деятелю удается ловко использовать эту стихийную силу, но наличие горючего материала и лабильное состояние сил подтачивало существование республики и составляло постоянную угрозу ее дальнейшей жизни. На этой же почве вырастают такие крупные движения, как заговор Катилины, вернее, без этой вулканической почвы он не был бы возможен. Ведь, что нас поражает в этом движении? Катилина находится в Риме. В руках Цицерона достаточное количество доказательств, чтобы его захватить, обезвредить, уничтожить. И все же Цицерон выпускает его из Рима, пускает его в лагерь к войскам, которые Катилина поведет против него же. В чем тут дело? А дело в том, что по всей Италии распространены заговоры рабов, которые не сегодня — завтра могут дать сильнейшую вспышку, слиться с движением плебса под руководством Манлия и Катилины, что обозначало бы катастрофу для Римской республики. Правда, Катилина не пользуется — по крайней мере вначале — сознательно услугами рабов, которые боль-

[1] В. И. Ленин, Соч., 2-е изд., т. XXIV, стр. 371 сл. Ср. известный отзыв Маркса о Спартаке в письме к Энгельсу от 27 II 1871 г. Энгельс, Происхождение христианства („Маркс и Энгельс об античности", изд. Гаимк, 1932 г., стр. 122).

шими массами примыкают к нему со всеми теми, кто в социально-экономических условиях конца Римской республики потерпели крушение. Катилину неоднократно упрекали в том, что он пренебрегал услугами рабов. Его сподвижники мечтали о создании единой силы из варваров, деклассированных и рабов и вели большую подготовительную агитационную работу через вольноотпущенных среди ремесленников и рабов. Никогда за все время существования республики не удалось в такой мере консолидировать антирабовладельческие элементы, как при Катилине. Сам Катилина потому сопротивлялся этой консолидации, что видел в ней большую опасность для существования Римской республики. Рабские восстания были подготовлены в Капуе, в Апулии, в Пиценуме и других местах. Были приняты самые энергичные меры к ликвидации этих заговоров, как мы узнаем из трактата Саллюстия о Катилине и из речей против него Цицерона. Особенно интересно, что были приняты меры для обезвреживания гладиаторов. Тут, кстати, несколько слов о них. Это была наиболее подготовленная часть рабов, хорошо вышколенная в употреблении оружия, самая смелая, так как гладиаторы ежедневно рисковали жизнью. Гладиаторами пользовались для агитации среди рабов, для организации восстаний. Поэтому нам вполне понятно, что при подавлении заговора Катилины гладиаторов распределили по различным городам, смотря по степени многолюдности этих городов. Заговор Катилины — чрезвычайно важная и методологически интересная тема для историка. В 1865 г. появилась статья известного английского экономиста Бизли, посвященная Катилине, где последний изображается как революционер. Статья эта, несмотря на отмеченные ошибки, заинтересовала Маркса;[1] нам следовало бы заняться этой темой.

Я не располагаю временем, чтобы подробно останавливаться на всех свидетельствах о решающем влиянии рабских восстаний на гражданскую войну. Следует еще упомянуть о Сексте Помпее, сыне того Помпея, которого в истории называют Великим. Правильную оценку — очень драстическую — дал ему Маркс. Эдуард Мейер сделал попытку поставить его на высокий пьедестал.[2] В результате гражданской войны Секст Помпей[3] оказался за бортом и обосновался в Сицилии. Здесь собирались вокруг него все деклассированные, обедневшие, обездоленные, недовольные элементы Италии, сюда стекалось огромное количество рабов. В 42 году бегство рабов из Италии в Сицилию было до того велико, что хозяйство Италии испы-

[1] См. письмо Маркса к Энгельсу от 19/VIII 1865 г. Имеется еще упоминание в письме Маркса к Энгельсу от 18/I 1856 г.

[2] Ed. Meyer, Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius, Stuttgart, 1922.

[3] Holm, ук. соч., т. III, стр. 196 сл.

гивало сильные потрясения. Весталки произносили в связи с этим бедствием особые молитвы.[1] Помпей, правда, опирался не только на рабов; его войско, кроме рабов и выбитых из колеи римлян, состояло из громадного количества провинциалов: туда входили греки, испанцы, африканцы и др. Оккупация Сицилии угрожала Риму голодом, так как Рим в то время жил исключительно сицилийским хлебом и тем хлебом, который импортировался из Африки и Сардинии. Однако провоз через море был закрыт флотом Помпея. Последствием этого были голод и эпидемии в Риме. Помпей был очень популярен в Италии. Симпатии плебса были на его стороне. Помехой в снабжении считали врагов Помпея, Октавиана и Антония, не желавших якобы восстановить Помпея в правах и помириться с ним. Под давлением народа были приняты шаги к примирению в 39 году, однако безрезультатно: после кратковременной передышки вражда возобновилась снова. Помпей заключил союз с морскими пиратами и вел себя агрессивно по отношению к Октавиану. Невозможно здесь подробно останавливаться на отдельных перипетиях борьбы, в результате которой Помпей был разбит. Самая жестокая расправа обрушилась на рабов: 30 000 человек, находившихся в войске Помпея, были возвращены бывшим владельцам или их наследникам. Когда таковых не оказывалось, рабов прибивали к кресту. Таким образом было распято 6000 человек по всем городам, откуда бежали рабы к Помпею. Следует особенно подчеркнуть, что Октавиан в знаменитой надписи, в которой он перечисляет свои подвиги,[2] называет эту войну войной с рабами, ни разу не упоминая имени Помпея. Это было одно из самых грандиозных восстаний рабов. Помпей, в конце концов, стоял лишь более или менее случайно во главе этого движения. Октавиан, впоследствии император Август, поборол это движение накануне организации Римской империи, как серьезнейшую попытку взорвать римское государство со стороны рабов при помощи „варваров", входивших в состав пиратов. Таково было положение дела накануне создания империи.

Что делали в Риме перед лицом такой опасности? Как реагировали господствующие слои общества на постоянное сотрясение почвы, на которой держалось здание Римской республики? Тут были всякие меры: стремление к ограничению землевладения (Гракхи), стремление не допускать концентрации рабов в большом количестве в одних руках (начиная с закона Лициния и Секстия), но все это, разумеется, лишь паллиативы. Паллиативами были, в конце концов, и неслыханно жестокие наказания повстанцев. Надо было подумать о создании новых

[1] Дион Кассий, 48, 19.
[2] Monumentum Ancyranum.

организационных форм государства, более способных держать в повиновении бушевавшую стихию. Попытки к этому были самые разнообразные: от диктатуры Суллы до триумвиратов. Кстати о триумвиратах: это временная, чрезвычайная организационная форма, объединявшая иногда представителей враждовавших друг с другом прослоек общества, враждовавших партий. Что их объединяло, консолидировало? Где была та сила, которая заставляла триумвиров от времени до времени прекращать вражду между собой? Это были рабы. Это были рабы, которые заставили Рим переключиться на новую государственную организацию, на монархию, империю, более обеспечивавшую от случайностей. Империя — это те оковы, которыми первое время сдерживался напор врагов, внутри которых готовился переход к новому общественному строю, оковы, временно задерживавшие процесс ликвидации рабовладения с тем, чтобы подготовить зачатки нового общества: колонов и крупных землевладельцев, предшественников крепостных и феодалов.

Беспрерывные, вековые классовые бои рабов с рабовладельцами, тянувшие в свой водоворот свободное население, происходившие при тяжелых внешне-политических сотрясениях, ослаблявших государственный аппарат в связи с внутренней борьбой, эти классовые бои, объединявшие все, что было антирабовладельческого на территории Римской республики, и протекавшие в теснейшем контакте с окружавшими Рим варварскими племенами, из которых происходили рабы, эти бои вызвали (наряду с другими причинами) концентрацию государственной власти, создание империи. Объективно, стало быть, они содействовали подготовке общества к феодализму. Ненадежность раба как рабочей силы и опасность концентрации рабов, необходимость замены их колонами для спасения римского хозяйства — это та линия, по которой подготовлялся феодализм. В начале Римской империи были предприняты меры к задержке процесса и к парализованию рабских движений. К таким мерам относится ограничение отпуска рабов на волю законом Элия и Сентия и другими законодательными актами. Закон этот запрещает не только включение преступных рабов после отпуска на свободу в состав граждан города Рима (им даже запрещалось пребывание в Риме): по этому закону отпускать на волю могли лишь те, кто достиг двадцатилетнего возраста, причем отпускаемые рабы должны были быть не моложе тридцати лет. Отпуск на волю должен был происходить в присутствии комиссии, с указанием причин, побуждающих отпускать на волю. Другой закон Фуфия (второй год до н. э.) определил ограничение отпуска рабов на волю по завещанию: из трех рабов можно было отпустить не больше двух, из десяти — половину. Эти законы несомненно вызваны тем, что в рабах чувствовался некоторый недостаток, тем бо-

лее, что при Августе их поступало меньше, так как эта эпоха почти не знала крупных войн. Это, стало быть, диктовалось стремлением сохранить рабовладельческую базу античного хозяйства, ту базу, которая таила в себе и гибель рабовладельческого способа производства. Первый век Римской империи — эпоха, когда усиливается подготовка к переходу к феодализму (создаются крупные поместья, появляются принудительные арендаторы — колоны), но наряду с этим происходит отчаянная борьба за сохранение рабской формы эксплуатации. Процессов нельзя было остановить, а борьбы рабов нельзя было подавить. Рабы не знали, куда они идут, у них не было партии, не было солидарности: поэтому они не могли сознательно изменить способ производства. Однако рабы иногда все же стремились к замене республиканской формы правления более прогрессивной формой эллинистической монархии, предвестницей феодализма. Разумеется, не все рабы могли ставить перед собой эту цель. У них была одна общая цель — избавиться от рабства, но каждый раб, каждая группа рабов понимали ее по-своему, смотря по происхождению, классовому, этническому, смотря по профессии и т. д. Самый простой способ освободиться от рабства, самый безболезненный — это получить волю в дар; но это было сравнительно редким явлением, учащавшимся, правда, к концу республики потому, что рабов держать стало невыгодно. Можно было откупиться на волю; но это упиралось в то затруднение, что было крайне трудно заработать нужные для этого средства. Можно было получить свободу путем участия в подавлении своих же собратьев-рабов: это практиковалось, как мы видели, нередко. Рабам обещали свободу, когда они выдавали своих братьев по классу. А так как солидарность у них была недостаточная, то такие обещания иногда имели успех. Рабов включали в войско, обещая им свободу. Это делалось в экстренных случаях (например, Митридатом, Цинной, Гнеем Помпеем и др.). И на это рабы шли охотно. Можно было избавиться от рабства, уходя из общества: рабы организовывали шайки разбойников, являвшихся страшной угрозой римскому государству, примыкали к морским пиратам, против которых Риму приходилось снаряжать целые экспедиции с крупным флотом и войсками. Раб мог убежать на родину: это практиковалось, но было делом крайне сложным и рискованным. Оставалось еще одно средство — средство отчаяния, единственное средство коллективного действия: восстание. Могло случиться, что руководитель восстания считал своею целью вывод повстанцев из Италии на родину. Но даже в том случае, когда, как у Спартака, эта цель была четко намечена, не удавалось ее достигнуть по той простой причине, что в крупном рабском коллективе этнический состав был слишком разнороден, и если германцу и было интересно по выходе из Италии попасть в Германию, то си-

рийцу, также как и фракийцу и африканцу там нечего было делать. В большом коллективе голоса разбивались ещё потому, что одно бегство далеко не удовлетворяло всех: одни — как группа с Криксом во главе во время восстания Спартака — были за борьбу, другие против нее. Вот почему те восстания, о которых я говорил выше, имели такие разнообразные цели, среди которых иногда встречались и новые государственные образования восточно-эллинистического типа, с которыми рабы были знакомы еще на родине, до порабощения. Путь к феодализму был прегражден рабовладельческим римским государством — республикой, боровшейся за сохранение старого способа эксплуатации. Расшатать, поколебать это государство, толкнуть общество на создание монархии (а римская монархия по своему типу в дальнейшем приближалась к эллинистическому государству) — было делом прогрессивным, и в этом заключалась роль рабских движений.

Вот в каком смысле рассмотренные нами движения являются начальным этапом той революции рабов, которая „ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации", как определил характер этих движений вождь мировой пролетарской революции, завершающей борьбу за освобождение угнетенного класса и уничтожение классов — тов. Сталин.

А. В. МИШУЛИН

Восстание Спартака в древнем Риме

(74—71 гг. до н. э.)

„Спартак... истинный представитель древнего пролетариата".

Маркс в письме к Энгельсу от 27 II 1861 г.

I. Источники, их характеристика и литература о Спартаке

Восстания рабов в древнем мире являются еще до сих пор мало исследованной областью истории социальных движений античного пролетариата. И в особенности это нужно сказать в отношении рабских восстаний в Риме. Там именно они более чем в каком-либо другом рабовладельческом обществе древности разрастались в грандиозные по масштабу и угрожавшие безопасности всего государства социальные движения. И, помимо этого, в рабовладельческом Риме восстания рабов, да и вся повседневная борьба рабов с рабовладельцами превращались в типичный фактор всей социальной жизни внутри этого государства. Тем бо̀льшее, таким образом, социальное значение приобретали эти восстания наряду с другими социальными движениями древности.

Предметом нашего внимания является всеиталийское восстание рабов под предводительством Спартака. В этом восстании линия все более возраставшего напряжения в борьбе раба против своего господина заканчивалась конечным пунктом. Это восстание по напряженности борьбы, по масштабу его распространения, по степени организованности и плановости в нем завершало собою все предшествующие восстания рабов в древнем мире. Великое восстание рабов под предводительством Спартака было последним и решительным, хотя и не разрешившим стоявших перед ним задач, таким именно восстанием, за которым линия все более возраставшего подъема в борьбе раба против своего угнетателя обрывалась и падала. Поэтому восстание Спартака приобретало особую и социальную значимость.

Внимание исследователя обращается здесь не только на то, что восстание Спартака было могущественной мобилизацией рабов и исключительной по размаху боевой организацией сил в попытке высвобождения рабов по всей Италии. Особое значение приобретало здесь также и то, что даже и

это восстание закончилось тем же драматическим финалом, как и предшествовавшие восстания рабов. А это неизбежно перед нами ставит более общий вопрос об особых условиях развития рабовладельческого общества Рима, в которых многократные попытки рабов пробить выход и найти путь к своему высвобождению оказались тщетными.

При исследовании спартаковского восстания мы неизбежно наталкиваемся на ряд трудностей. Эти трудности относятся прежде всего за счет источниковедческого материала. Чрезвычайная скудость источников, может быть, в известной степени объясняет и то обстоятельство, что история восстания Спартака не получила достаточного освещения и разработки в исторической литературе. Об этом мы еще укажем в своем месте.

Сочинения древних авторов, более или менее полно описавших историю этого восстания рабов, или не дошли до нас совершенно, или уцелели лишь по большой мере в фрагментарных отрывках. Несмотря на их ценность, как источников, они все-таки не дают ни картины в целом, ни, тем более, в ее важных деталях. Источники же, сохранившиеся до нас в более или менее целом виде, хотя и восстанавливают перед нами историю восстания Спартака, но дают нам невполне точный, подчас очень сбивчивый, а иногда просто и противоречивый материал.

Одним из римских авторов, который давал последовательное и систематическое изложение истории войн, был Саллюстий. Это собственно основной источник, к которому восходят сочинения позднейших римских авторов. Но наиболее крупное его сочинение после его истории заговора Катилины и Югуртинской войны, сочинение, в котором давалось последовательное изложение событий с 78 по 67 г. (до н. э.) и, следовательно, и восстания Спартака, оказалось, к сожалению, затерянным и до нас не дошло. Мы располагаем лишь небольшими фрагментами этого сочинения.[1] Но для истории восстания Спартака все же особенно ценными являются именно эти фрагменты.

Все эти фрагменты Саллюстия собраны в третьей и четвертой книгах собрания его сочинений, изданных с очень ценными комментариями Б. Мауренбрехером.[2] В третьей книге как раз мы и имеем эти фрагменты, указывающие на происхождение итальянского восстания рабов и первые два года

[1] Эти фрагменты собрались в результате долгой и упорной работы Бросса. Позднее собрание фрагментов было докончено и издавалось в разное время Критцем, Дичем и Мауренбрехером. Наиболее полным и с научной стороны более ценным является издание последнего, которым мы и будем в нашей работе пользоваться.

[2] C. Sallust. Crispi Historia Reliquiae edit. Bert. Maurenbrecher, Lps., MDCCCXCI.

борьбы их с Римом.[1] В четвертой книге даны фрагменты, указывающие на позднейшие события, на продолжение войны, начиная с неудачных выступлений консулов Геллия и Лентулла вплоть до поражения Спартака.[2] Если в третьей книге особенно ценными для нас являются два больших, так называемых ватиканских фрагмента Саллюстия,[3] бросающих немного света на внутреннее состояние штаба восставших, то фрагменты четвертой книги дают некоторый материал для истории борьбы Спартака в момент подготовки его для переправы в Сицилию.[4]

Большим же, к сожалению, недостатком фрагментов Саллюстия является почти полное отсутствие в них каких-либо точных указаний о начале восстания, не говоря уже о дальнейшей хронологии этого восстания.

Более определенные и цельные высказывания в этом отношении мы имеем у Тита Ливия, в сочинениях которого история рабских восстаний занимает достаточное место и внимание.

Непосредственно об италийском восстании рабов под предводительством Спартака Т. Ливий рассказывает в 95, 96 и 97 книгах, от которых нам достались, к сожалению, лишь одни так наз. epitomae. Пользуясь epitomae этих книг и при дополнительной к тому же мобилизации материала у других историков, мы можем установить, что в 95-й книге Т. Ливий рассказывает о первых двух годах войны, в 96-й — о третьем и в 97-й — об окончании войны в 71.[5] Но при всем этом небольшие строчки у Т. Ливия, даже вместе с фрагментами Саллюстия, являются еще чрезвычайно скудным материалом, чтобы восстановить как в целом, так и в отдельных деталях историю спартаковского восстания. Здесь нам приходят на помощь другие древние авторы, несомненно использовавшие Саллюстия и Ливия и сведения которых, ввиду их большей целостности, мы должны будем наряду с Саллюстием положить в основу исследования о восстании Спартака. Мы имеем в виду Плутарха и Аппиана. Меньшая ценность этих источников по сравнению с Саллюстием и Ливием компенсируется для нас тем, что у Плутарха и Аппиана даны более подробные, более законченные сведения и в отдельных случаях очень ценный и как раз именно отсутствующий в других источниках материал. Об италийском восстании рабов под предводительством Спартака Плутарх дает нам сведения в трех жизнеописаниях: в „Крассе“, „Помпее“ и „Катоне Млад-

[1] C. Sallust, Hist. Rel. III, Cap. VI „Tumultus Fugitivorrum“ frg. 90 — 106.
[2] Цит. соч., lib. IV, cap. II, Fugit. sed. exitus, frg. 20 — 41.
[3] Цит. соч., lib. III, cap. VI, frg. N 96, 98.
[4] Цит. соч., lib. IV, cap. II, frg. N .0, 24; 25 — 27.
[5] Titi Livi, Ab urbe condita libri, recig. Wilh. Weissenborn, p. V, lib. XXXIX — CXL, epit. 95, 96, 97.

шем".[1] Вполне вероятно, что при своей манере собирания материала в литературных целях Плутарх свободно пользовался различными источниками[2] и, в частности, он, несомненно, использовал недошедшее до нас сочинение Цецилия Калакта о „Войне рабов".[3] При всем этом, однако, сведения Плутарха страдают большими недостатками. В его описании „Войны со Спартаком"[4] нет четких сведений о начале войны, совершенно отсутствует ее хронология, а главное открытыми остаются вопросы социального состава армии Спартака, о географии распространения восстания и этапах борьбы Спартака с Римом. Только с помощью другого источника — „Гражданских войн" Аппиана[5] — мы можем в той или иной мере собрать сведения по этим вопросам. В первой книге „Гражданских войн", посвящая несколько строк спартаковскому восстанию, Аппиан дает нам более точные сведения по хронологии войны, по внутреннему состоянию борющихся лагерей, составу их армий и по развертыванию этой войны вообще. При всей последовательно проводимой общеримской точке зрения автора можно, однако, заключить, что он как, собственно, и Плутарх оказались все-таки довольно ограниченными людьми своего времени. Рим с его могуществом и эллинистическая культура с ее гипнотизирующим блеском превращалась у них в те, так сказать, священные регалии, которыми при случае в своих творениях одинаково бряцали как Аппиан, так и Плутарх. Они оказались настолько перегружены этими доспехами „свободного гражданина", что последние мешали им поглубже поставить вопрос о социальных причинах в происхождении восстания италийских рабов и о политической программе их вождей. Это превращается в органический, так сказать, дефект у двух названных авторов, в то время как именно эти вопросы приобретают громадный научный интерес. Кстати, здесь нельзя, в связи с этим, не отметить, что перед какими бы трудностями в отношении источников мы здесь ни оказались, но именно эти вопросы нам придется выдвинуть на первую линию научного интереса.

Из источников второго сорта, которые частично восполняют пробелы у вышеназванных авторов, надо указать Флора,[6]

[1] Plutarchus, Lps., Teubner; Есть русс. пер. в изд. Суворина и с прим. Алексеева, СПБ, 1893

[2] Об источниках Плутарха см. Peter, Die Quellen Plutarches см. также ст. Büchsenschmitz'a в Jahrbüch. für klass. Philol., 1871, Heft 4.

[3] Цецилий Калакт написал сочинение специально о восстании рабов. Но кроме заголовка этого сочинения „Περὶ τῶν δουλικῶν πόλεμων", ничего не осталось.

[4] „Война со Спартаком" — таково было ходячее и принятое тогда обозначение борьбы итальянских рабов за свое освобождение. См. Плут., Красс, 8, русс. пер. стр. 192.

[5] 1: Appiani Historia Romana I, edit. Mendelsson, Lps, MDCCCLXXXI.

[6] Livi Flori epitomae, recog. Car. Holm, Lps., MDCCCLXXIX.

Евтропа, [1] Орозия [2] и Фронтина. [3] И в особенности нам придется обратиться к сведениям по хронологии восстания у Евтропа и Орозия, поскольку каждый из них определенно, хотя и по различному, датирует начало восстания Спартака. Мы обязаны Евтропу за более точные и, как мы еще увидим, наиболее правильные данные о начале войны, вернее о начале самого восстания рабов. [4] У других авторов они или совершенно отсутствуют, или даны, как, напр., у Орозия, неправильные сведения. Эти данные в плане нашей работы должны, несмотря на их формальный характер, приобрести некоторое значение, поскольку эти данные по хронологии войны помогут изучить нам действительный масштаб и подлинное значение спартаковского восстания. Кроме еще географических указаний и цифр о составе войск обоих лагерей, эти источники ничего ценного не представляют.

Таковы в основном источники о Спартаке.

Нам теперь остается остановиться на вопросе о том, как весь этот источниковедческий материал разработан и насколько освещен в исторической литературе вопрос о спартаковском восстании в Риме. Нужно сказать, что спартаковскому восстанию в этом отношении определенно не повезло. Если только не считать отдельных высказываний о Спартаке в фундаментальных работах по истории Рима [5] и работы А. Д. Мейснера, вышедшей еще в 1793 г. под влиянием французской революции, в исторической литературе больше почти ничего не имеется. Даже в специальных работах по истории восстания рабов, правда, написанных скорее как программы для немецких гимназий, чем в научно-исследовательских целях (Seifert'a [6] и Schambach'a), [7] Спартак не мог занять достаточно места. Не приходится говорить уже об известной книге Бюхера, [8] в которой италийское восстание рабов под предводительством Спартака совершенно выскользнуло из поля внимания и исследования автора, доведшего историю восстаний только до половины II в. Поэтому единственной разве работой, хотя в научном отношении лишенной всякой ценности, является публицисти-

---

[1] Eutrop., Brev. hist. Rom., M. 1809.

[2] P. Oros, Hist. adv. paganos. lib. VII recog. C. Zangemeister, Lps., MDCCCXXXIX.

[3] Frontin (Strag), ed. Gundermann.

[4] На наш взгляд, как это будет видно дальше, нельзя путать начало восстания с началом борьбы против этого восстания. Даты были различные, ибо борьба против восстания началась спустя почти год после начала восстания.

[5] Полагаем, что в общих работах по Риму больше всего сумели уделить места Спартаку Моммзен, т. III, кн. 5, стр. 66—77 русск. пер., и Друман, Roms Geschichte, т. IV.

[6] Seifert, Die Sclavenkriege. Progr der Gymn. zu Altona, 1860.

[7] Schambach, Der ital. Sclavenzustand. Prag., Halberst., 1872.

[8] Die Aufstände der unfreien Arbeiter, F. a. M., 1874 (см. русский перевод, 1924 г., Ленинград).

ческая брошюра Hartwig'a,[1] написанная также как школьная программа и в политико-литературных целях переизданная в 1919 г. Stelnzer'ом[2] в целях борьбы с коммунизмом. Все это лишь школьные программы, а не специальные исследования. Естественно, что здесь не могли найти сколько-нибудь серьезного отражения такие вопросы, как происхождение восстания, ход его, программа и причины поражения Спартака в последних боях с Римом. Вся совокупность этих вопросов, выдвигающихся по своему научному интересу на первую линию, осталась неосвещенной и в капитальных заграничных энциклопедиях.[3] А известная по своей научной ценности Real Encyclopädie Pauly-Wissowa, недавно пополнявшаяся очередным переизданным томом со статьей о Спартаке, не вносит, собственно, ничего нового в исследование о восстании Спартака.[4]

Таким образом, в буржуазной историографии мы не можем остановиться ни на одной работе, которая бы была серьезно и целиком посвящена восстанию Спартака и которую бы можно было положить в основу для разбора и критики, как определенный комплекс взглядов на этот предмет. Приходится заметить, что с этой именно точки зрения не потеряли еще значения высказывания Моммзена и Друмана как о характере, так и о значении великого италийского восстания рабов. Эти историки выражают определенные взгляды. Следует, однако, сказать, что Моммзен, который способствовал выяснению не одного ряда вопросов римской истории, оказывался бессильным там, где нужно было поставить перед собой проблемы борьбы классов. Эту ограниченность, разоблачавшую внешнюю ученость исследователя, лучше всего можно было бы проследить на примере того, как Моммзен оценивает восстание Спартака.

Вся долгая и упорная борьба рабов против своих угнетателей в Риме, борьба, прорывавшаяся в ряде восстаний, закончившихся массовым восстанием италийских рабов под предводительством Спартака, не могла быть понята и изучена иначе, как попытки разбойничьих мятежей со стороны рабов. Такой „просто разбойничий мятеж“[5] выглядывает по Моммзену и в великом восстании Спартака. Политический вождь, организовавший борьбу за освобождение рабов, рисуется ему не более, не менее, как „великий разбойничий атаман“[6] — пример того,

[1] Hartwig. Spartacus und Gladiatorenkriege. Meiningen, 1884.

[2] Stelnzer und Hartwig, Spartacus и т. д. 1919, Лейпц.

[3] Если, например, взять „Британскую Энциклопедию“, то она о Спартаке не даст ничего, кроме краткого пересказа того, что есть у Плутарха: см. т. V, стр 64, Лондон. Ничего большего не даст и французская „Grande encyclopédie“ т. XXX, стр. 360.

[4] По наведенным справкам очередной том Real Encyclopädie, включающий в себя материалы о Спартаке и недавно вышедший из переиздания, совершенно не ставит новых вопросов, как совершенно не дополняет материала о Спартаке какими-либо новыми данными.

[5] См. Моммзен, Римская история, т. IV, кн. У, стр. 70—71, русский перевод.

[6] Там же, стр. 74.

как и великий гелертер становится бессильным понять простые социальные явления там, где его взгляд на эти вещи не простирается дальше филистерской перспективы.

Другую оценку спартаковского восстания дает другой и не менее в вопросах Рима авторитетный историк — Друман.[1] Последний в спартаковском восстании видит целую эпопею борьбы италийских рабов за свое освобождение. Спартак в глазах Друмана рисуется как политический вождь, чуждый какой-либо корысти и полный упорной воли в борьбе за освобождение многочисленных и отчаявшихся в своем положении масс рабов.[2] Но что было в достатке у Моммзена, того нехватало у Друмана. Правильно схваченная идея борьбы Спартака у Друмана не получила развития и научного обоснования, и потому его оценка спартаковского восстания свелась лишь к форме мало что и кому дающей моральной сентенции. Мы остановились на этих точках зрения двух старых историков потому, что более свежего или нового о Спартаке, к сожалению, ничего не имеем. У обоих этих историков, как мы видим, вопросы происхождения, подготовки и социального значения последнего грандиозного восстания рабов выпадали из поля их исследования. А с точки зрения именно этих вопросов восстание Спартака только и может раскрыть свой социальный смысл и подвести нас через его уяснение и к пониманию некоторых особенностей развития римского общества.

Именно с этой точки зрения Маркс придавал колоссальное значение факту восстания рабов под предводительством Спартака. Как известно, читая Аппиана, Маркс заметил, что „Спартак является лучшим героем во всей античной истории. Великий полководец, благородный характер, истинный представитель античного пролетариата“.[3]

Таким образом для марксистской историографии Спартак должен занять одно из видных мест в исследовании революции рабов в античном обществе.

II. Великое восстание Спартака

О значении Италийского восстания рабов под предводительством Спартака, о размахе этого движения и о той опасности для Рима, которую оно собой представляло, достаточно убедительно говорят источники. Все почти древние авторы, современники ли спартаковского восстания или более позднего времени, не проходят мимо Спартака. Если изучить те незначительные сведения, которые почти у каждого из основных авторов древности имеются о Спартаке, то нетрудно заметить,

[1] Drumann, Roms Geschichte, т. IV.

[2] Идеализация Спартака у Друмана дана без всякого (в противовес Моммзену) серьезного изучения восстания рабов. См. т. IV о Спартаке.

[3] К. Маркс, Письмо к Энгельсу 27 II 1861 г. Соч., т. XXIII.

что все авторы этих сведений указывают на необычайно грандиозный масштаб спартаковского движения. Основной автор, к которому восходят свидетельства и более поздних источников, Саллюстий посвящает этому движению две[1] книги и по своему значению ставит это движение наряду с такими военно-политическими событиями Рима, как Югуртинская, Серторианская войны или заговор Катилины.

Плутарх,[2] Аппиан[3] и Флор[4] называют борьбу с этим восстанием рабов, осмеянным Римом в начале, большой и опасной для римского государства „войной со Спартаком". Если в глазах Аппиана эта война рисовалась как ужасная (φοβερὸς αὐτοῖς ὁ πόλεμος),[5] то Евтропием[6] и Орозием[7] она по своему размаху и напряжению сравнивалась прямо с войной Ганнибала (Eut.: quam Annibal moverat. Oros: quam Hannibal circa portas). Наконец, все значение и масштаб италийского восстания рабов еще более ярко были подчеркнуты мемуаристом Ампелием,[8] который в своей „Liber memorialis" говорит, что это восстание превратилось в такую большую войну рабов, в результате которой оказалось опустошенной почти целиком вся Италия (populata prope tota Italia).

Об этом восстании, правда, в другой связи писали и другие историки и ораторы древности. В своих свидетельствах они или не могли пройти мимо этого, навсегда записанного в истории Рима события, или ссылкой на него старались при случае напомнить государству об угрозе общественной безопасности со стороны рабов. Так, по этому поводу есть сведения у Цицерона, Тацита, Плиния Старшего, Светония, Авла Геллия, бл. Августина и др.[9] А Цицерону мы обязаны даже за сообщение о том, как маленький отряд, уцелевший от поражения Спартака, продолжал еще долго беспокоить Рим, напоминая ему ужасы спартаковских войн.[10]

---

[1] Как было указано выше, эти книги Саллюстия, дошедшие до нас в фрагментах, лучше брать в комментариях Мауренбрехера. Fragmenta, кн. III, гл. IV, фрагм. 99—106, кн. IV гл. II, фрагм. 20—41.

[2] Plut, Crass., 8.

[3] App., H. R. I. 118, 5.

[4] Flor эту войну по роли в ней Спартака назвал „Bellum Spartacium" и ставил ее на первое место по сравнению с bellum Marianum и Sertorianum. См. II, VIII, IX, X.

[5] App., 118. 5.

[6] Eutrop., Brev. Hist. Rom., c. 110., M., 1809: «et per Italiam vagantes paene non levium bellum in ea, quam Annibal moverat paraverunt».

[7] Oros., Hist. adv. pagan., V, 24: «itaque exterrita civitate non minore propemodum metu, quam sub Hannibale circa portas fremente trepidaverat».

[8] Ampel., Liber memorialis, XLV: „Servili bello, cum Spartacus, Crixus et Oenomaus gladiatores populata prope tota Italia"...

[9] По сообщению Schambach'a, об этом восстании Цицерон говорит более чем в 12 местах, Плин. Старший в двух, Светоний в одном, Авл. Геллий—1, Схол. у Горация—1, Схол. у Лукиана—1, Августин—в двух местах. См. стр. 11. указ. соч. Schambach.

[10] Cicer. in Verr., V, § 39 t.

а. К вопросу о дате восстания

Все эти сведения, отмечая италийское восстание рабов и Спартака как его руководителя, запечатлевали это восстание в истории Рима как важное политическое событие второй половины семидесятых годов. При такой оценке древними авторами восстания Спартака возникает вопрос о дате восстания и его продолжительности, ибо этот вопрос остается еще невыясненным в исторической науке до сих пор.

Восстание гладиаторов в Капуе, бегство их на Везувий, мобилизация масс рабов и начало гражданской войны Спартака с Римом обычно датируется историками 73 г. до н. э. Только Schambach в своей небольшой, но старой брошюре о восстании рабов считает началом восстания Спартака 74 г. до н. э. Слабость аргументации его в пользу своей точки зрения не мобилизовала научного интереса, и его мнением просто пренебрегли в исторической литературе. В то же время этот вопрос представляет большой интерес потому, что источники не дают нам точных и исчерпывающих сведений при одновременном подчеркивании всей грандиозности восстания и внушительной опасности его для Рима. И тем более, что это не только вопрос о хронологии спартаковского восстания, но и очень важный момент, разрешение которого должно нам дать дополнительный материал к усвоению размаха движения, его организации и напряженности борьбы рабов за свое освобождение. Поэтому нам придется остановиться для выяснения этого вопроса.

Плутарх не дает никаких хронологических указаний. Аппиан, у которого описание борьбы Рима со Спартаком занимает, как и у Плутарха, достаточно места, также не дает точных дат, хотя и делает указание, что это восстание вспыхнуло во время Серторианской войны. Гладиаторы бежали из Капуи „в это самое время“ (τοῦ δ᾽αὐτοῦ χρόνον), говорит Аппиан, начиная главу о Спартаке.[1]

Указание на время Серторианской войны делает также Веллей (dum sertorianum bellum geritur).[2] Но все эти упоминания о времени Серторианской войны нам ничего, однако, не дают, как и указание Афинея, что восстание началось „во время войны с Митридатом“ (κατὰ τὰ Μιθριδατικά), так как войны эти велись довольно продолжительное время. Только два историка древности дают определенные указания на дату восстания Спартака. Это Евтропий и Орозий, к которым мы непосредственно и обратимся. Евтропий в главе о Спартаке говорит, что

---

[1] App., 116, 10: „τοῦ δ᾽αὐτοῦ χρόνον περὶ τὴν᾽Ιταλίαν μονομάχων ἐς θέας ἐν Καπύῃ τρεφομένων“...

[2] Vell. Pater. u. Athen, см. у Schambach'a, стр. 12.

война рабов началась в 75 г.[1] до н. э.(в 678 г. при эре в 753 года с основания Рима). Но так как у Евтропия не указываются имена консулов этого года, то это обстоятельство заставляет нас отнестись к этой дате с большой осторожностью. Дело в том, что так как конец войны Рима с рабами падает на консульство Лентула Суры и Авия Ореста, что в науке является твердо установленным и что не противоречит самому Евтропию,[2] то получается большая неувязка с летоисчислением, ибо это консульство по Евтропию падает на 72 г. до н. э. (681 г. рим. э.),[3] в то время как в науке это консульство относится на 71 г. Будем ли мы этот год высчитывать по Варронийской эре или по обыкновенной, мы, исходя из хронологии Евтропия, никак не получим 71 г. до н. э., твердо в науке установленного для консульства Суры и Ореста и конца спартаковского восстания. Совершенно очевидно, что Евтропий, пользуясь Варронийским летоисчислением, все-таки события брал на год раньше и консульство Суры и Ореста поэтому отнес не к 71 г. (682 г.), а к 72 г. (т. е. к 681 г.). Только поэтому у него и получился разрыв между этим консульством и гибелью Спартака, что всеми относится именно к этому консульству.

Естественно, что при таком положении и 75 г. — год начала восстания Спартака — приходится отодвинуть на 74 г. до н. э. (т. е. 679 г. рим. эры).

Тогда это вполне будет согласовываться и с основным положением самого Евтропия, что борьба Рима со Спартаком „закончилась на исходе третьего года“ (tertio anno bello huic finis impositus),[4] т. е. в 71, при начале восстания в 74 г. Этот корректив в исчислении Евтропия мы могли бы проверить ссылкой на Орозия, по которому на 73 г. падает консульство М. Г. Лукулла и К. Кассия,[5] что при соответствующем исчислении дает консульство Суры и Ореста именно на 71 г. (682 г., а не 687 г.), а на 74 г. — год начала восстания рабов — консульство Л. Л. Лукулла и М. А. Котты. Мы, таким образом, спокойно могли бы считать 74 г. (консульство Л. Лу-

---

[1] Eutrop. VI, VI: „Anno, urbis Romae DCLXXVIII... in Italia novum bellum subito compotom est: septuaginta enim quattuor gladiatores ducibus Spartaco, Crixo et Cenomao effracto Capue Ludo effugerunt“, стр. 109—110.

[2] Eutrop. в конце VI гл. говорит: „tertio anno bello huic finis impositus“. Если восстание Спартака, по Евтропию, началось в 678 г. и кончилось на исходе третьего года, то это и был 681 г., на который, по его мнению, падало консульство Лентулла и Суры.

[3] Об этом Евтропий совершенно ясно говорит в начале VII гл.: „Sexcentisimo octogesimo primi urbis conditae anno, P. Cornelio Lentulo et Ch. Aufidio Oreste cons“. См. также Моммзен, III, 85.

[4] См. это место в конце VI гл.

[5] Oros V, 24: „Anno ab urbe condita DCLXXVIII Lucullo et Cassio consulibus...“ Нужно при этом сказать, что Орозий придерживается эры в 752 года с основания Рима. См. напр. в книге VII, 3: „Igitur anno ab urbe condita DCCLII natus est Christus salutarem mundo adferens fidem“.

куллы и М. Котты) отправной датой спартаковского восстания, если бы не было еще другого указания у Орозия, что именно начало восстания надо отнести не к 74 г., а к 73 г., т. е. году консульства М. Лукулла и К. Кассия.[1] Это обстоятельство уже ставит перед нами некоторую задачу.

При установлении нами следующего порядка консульств по годам:

Варр. эра	Современ. эра	Имена консулов
679	74	Луций Лициний Лукулл + Марк Аврелий Котта
680	73	Марк Т. Лукулл + Кай Кассий Вар.
681	72	Люций Геллий + Кней Лентулл
682	71	Публий Лентул Сура + К. Ав. Орест
683	70	Кней Помпей + Марк Красс

и при безоговорочных посылках, что война в 73 г. уже велась, на чем уже безусловно сходятся все, а окончена была в 71 г., возникает следующий вопрос: чьи все-таки сведения — Евтропия или Орозия — являются более точными?

Вопреки установившейся точки зрения, что восстание Спартака началось в 73 г., мы попытаемся доказать, что исправленные сведения Евтропия больше соответствуют действительности и дату восстания надо начинать именно с 74 г., а не с 73 г., что, несомненно, скрадывает от нас масштаб вспыхнувшего восстания Спартака.

Прежде всего надо исходить, по нашему мнению, из того, что когда Орозий устанавливал 73 г., то он имел в виду уже разгар войны Рима с рабами. Это был, собственно, тот момент в развитии восстания рабов, когда на него нельзя было „просто смотреть", как говорит Орозий, но его надо было „всюду страшиться" (jam non spectandum paucis, send ubique metuendum).[2] Что же касается начальной стадии восстания (т. е. 74 года), то она просто не учитывалась Орозием, так, как война с бежавшими из Капуи гладиаторами на этой стадии считалась нестоящей и пустяковой. Что римляне вначале на это восстание не только „просто смотрели" (Орозий), но и относились к борьбе с восставшими с презрением, говорит, ведь, не только Орозий, но также и Аппиан (ὁ πόλεμος γελώμενος ἐν ἀρχῇ καὶ καταφρονούμενος ὡς μονομάχων).[3] Естественно, что при таком положении первый год, т. е. начальный момент восстания, у Орозия просто выпадал со счетов, как не заслуживавший внимания и не учитывавшийся хронистами.

В пользу положения, что восстание началось именно в

[1] Anno ab urbe condita DCLXXVIII Lucullo et Cassio consulibus gladiatores septuaginta et quattuor Capuae a ludo... diffigerunt.

[2] Oros., V, 24, 18—19.

[3] App., 1, 118, 10.

74 г., говорит также и то место из Аппиана, где он устанавливает, что Красс был послан на борьбу с восставшими по всей Италии рабами на третий год войны.[1] А так как Красс был послан против Спартака осенью 72 г., что совершенно определенно свидетельствует также и Плутарх[2] и что установлено также Моммзеном и Мауренбрехером,[3] то отсюда очевидно, что первый год войны, ее начало, должен относиться как раз к 74 г. Тогда и свидетельство Евтропия об окончании войны „на исходе третьего года“ будет вполне согласовываться с этим.

Так разрешается нами недостаточно еще до сих пор выясненный вопрос об отправной дате спартаковского восстания. Если отсутствие дополнительного материала не дает нам достаточных оснований фиксировать начальный год восстания по Орозию (73 г.), то имеющийся материал, несомненно, говорит более за дату по Евтропию при соответствующем в нее коррективе (74) г.

На этом вопросе мы остановились потому, что буржуазная наука его решает неправильно. Выставляя 73 год до н. э. как дату начала восстания Спартака, буржуазные историки обходят все противоречащие этой именно дате указания источников о 74 годе.

Как бы там ни было, но, очевидно, ученая ограниченность этих историков, вытекающая больше всего из их классовой предубежденности, извращала действительное представление о восстании Спартака даже в этом направлении.

Наше разрешение этого вопроса бросает теперь свет и на хронологию восстания италийских рабов под предводительством Спартака. Это же способствует уяснению более важного вопроса, именно об этапах борьбы Спартака с Римом, к чему мы непосредственно теперь и должны перейти.

В изложении этапов борьбы Спартака лучше будет периодизировать ее по годам с 74 г. и кончая 71 г. включительно. Тем более, что в лето каждого года вносился определенный перелом в развитии восстания рабов в связи с теми, главным образом, летними военными кампаниями, которые предпринимались Римом. Зимой же активной борьбы с обеих сторон вообще не было, а шла лишь подготовка к летним операциям.

---

[1] App. 118, 10—15: „τριέτης τε ἦν ἤδη καὶ φοβερὸς αὐτοῖς ὁ πόλεμος... μέχρι Λικίνιος Κράσσος“...

[2] Узнав об этом поражении, раздраженный сенат приказал консулам оставаться спокойными и выбрал главнокомандующим Красса. Плут., Красс. Отсюда ясно, что Красс был послан против Спартака в то время, когда Геллий и Лентул были еще консулами. Совершенно очевидно, что это было в 72 г. осенью.

[3] Maurenbrecher, C. Sallust., Hist. Rel., Appendix III, 231 с.

b. Развитие и ход восстания

1. 74 — Начало восстания. О начальной стадии восстания мы имеем чрезвычайно скудные материалы. Нам известно только то, что из гладиаторской школы Лентула Батиата в Капуе в результате заговора бежали 74 [1] гладиатора. Можно предполагать, что это бегство произошло после большой и тщательной подготовки. К такому предположению нас побуждает то обстоятельство, что этот заговор связывал собою значительно большее число сообщников, чем 74, и, может быть, больше 200 рабов, как это сообщает Плутарх. При этом же условии становится совершенно неизбежным допущение, что такому одновременному выступлению, да еще такой сравнительно большой массы рабов, должна была предшествовать не только полная в решительный момент сговоренность рабов, но и предварительная к этому тщательная подготовка их. Последняя была безусловно необходима, иначе трудно себе представить внезапность выступления, полную сговоренность рабов и решительность их действий.

Поэтому совершенно естественно, что при условиях тщательного присмотра за рабами и в особенности за гладиаторами в то время Спартак должен был втайне разрабатывать план выступления. Это должно относиться к периоду задолго до непосредственного восстания. И несомненно, что к этому выступлению подготавливалась большая масса рабов. Но так как план заговора был открыт, то убежать да еще при сопротивлении охраны гладиаторской школы, удалось только 74 гладиаторам. Они бежали на Везувий, укрепились там и выбрали из своей среды трех руководителей: фракийца Спартака, Крикса и Ономая — из кельто-германского племени. По сообщению Аппиана, главным вождем восставших был Спартак, а Крикс и Ономай были его подначальными [2].

Непосредственным же поводом для заговора рабов и бегства гладиаторов была, очевидно, та невыносимая обстановка рабов в школе Батиата с ее суровой дисциплиной и произволом по отношению к рабам, которая еще более подливала масла в огонь и усугубила без того тяжелое положение рабов в тот период. [3]

Кроме того, большую роль в качестве непосредственной причины восстания гладиаторов, а вслед за ним и вообще рабов, сыграли последствия голода 75 г. [4] Может быть, именно,

---

[1] Относительно количества бежавших к источникам имеется разноречие. Так, Плутарх сообщает о 78 гладиаторах. Орозий и Евтропий говорят о 74.

[2] App., 116, 12, 20: „Σπάρτακος Θρᾷξ ἀνήρ... ὑποστρατήγους ἔχων Οἰνόμαιόν τε καὶ Κρίξον μονομάχους“...

[3] О суровости и жестокости обращения Батиата с гладиаторами см. совершенно ясное указание Плутарха (Красс; стр. 192, русский перевод).

[4] О голоде 75 г. см. Cicero. Pro Planc. 26, 64.

к этому голоду относится идея этого заговора Спартака. Улучшений после голода никаких для Рима не последовало. Тем более, следовательно, не могло их быть в отношении рабов. Культура винограда и оливковых деревьев увеличивалась, в то время как культура хлеба все более уменьшалась. Что голод продолжался включительно до 73 г., свидетельствует закон консулов 73 г., по которому увеличивалась хлебная подать, Сицилия превращалась в „житницу Италии“, а внутри Италии прибегали даже к реквизициям. Даже плодородная Кампания, обильно снабжавшая Рим сельскохозяйственными благами, теперь стала сходить со сцены, как поставщица этих благ. Культура хлеба уменьшалась за счет оливок и скотоводства. Земельные магнаты пролетаризировали мелких аграриев и смешивали их с общей массой привозимых рабов. В обстановке усиленного роста рабского хозяйства, чем больше было рабов, тем еще тяжелее становилось их положение, а чем тяжелее было их положение, тем скорее они выделялись и всей массой противопоставлялись остальному населению.

Если к этому добавить жестокость и насилие господина, что в более непосредственной форме отражалось на рабах-гладиаторах, то не удивительно, что при таком положении после голода 75 г. взрыв восстания произошел именно в школе гладиаторов.

Можно предполагать, что капуанские гладиаторы бежали из школы и укрепились на Везувии летом 74 г. Силы Рима были отвлечены на Серторианскую войну и войну с Митридатом. Даже консулы этого года были вне Рима и руководили военными операциями в Малой Азии. Естественно, что правительство не придавало никакого значения бегству 74 гладиаторов. Да к тому же и сами гладиаторы были еще в небольшом числе, да и недостаточно вооружены, чтобы вести активную борьбу.

Поэтому вся осень и зима должны были стать у них периодом партизанского собирания сил, чтобы с весны 73 г. можно было начать действительную борьбу с Римом.

II. 73. — Наступление Спартака. Активное развертывание борьбы начинается действительно только с 73 года. Бежав на Везувий, вождь восстания Спартак, при помощи его ближайших помощников Крикса и Ономая, не только организовал маленький отряд, постоянно беспокоивший Кампанию набегами, но сумел навербовать себе несколько позднее большое войско из земледельческих рабов, гладиаторов и даже, как говорит Аппиан, „свободных с полей“ (ἐλευθέρους ἐκ τῶν ἀγρῶν). [1] По свидетельству Флора, у Спартака перед началом его наступательной борьбы собралось до 10 тысяч человек, которые теперь

[1] App., 116 20: „ἐς το Βέσβιον ὄρος ἀνέφυγεν ἔνθα πολλούς ἀποδιδράσκοντας οἰκέτας καὶ τινας ἐλευθέρους ἐκ τῶν ἀγρῶν“...

уже беспокоили всю Кампанскую область. Кратер Везувия, по замечанию Флора, как бы снова наполнялся лавой, готовой к извержению (Prima velutara viris mons Vesuvius placuit).[1] Доставши оружие еще раньше у отряда людей, везших военные снаряжение для нужд одной гладиаторской школы и пополнив свой отряд людским составом, Спартак решил перейти теперь в наступательную борьбу, мобилизуя вокруг себя еще бо̀льшие массы рабов. Рим, вначале считавший для себя ниже достоинства воевать с гладиаторами и с презрением к этой войне относившийся, вынужден был теперь также и с своей стороны приступить к активной борьбе со Спартаком. Чтобы изловить Спартака, был выслан сильный отряд претора Клодия. Через некоторое время Спартак оказался окруженным Клодием, и все выходы из засады на Везувии оказались для него запертыми. Только благодаря своим дарованиям полководца Спартак путем одного головоломного военного трюка сумел прорваться через враждебное кольцо, вывести все свое войско и, зайдя в тыл Клодию, разбить его на голову.[2]

Вся Кампанская провинция теперь была во власти Спартака. Тогда, осенью этого же года, Рим поспешно снаряжает экспедицию нового претора, Публия Вариния, который сильным отрядом должен был задержать продвижение Спартака, двинувшегося через Самниум в Апулию и к берегам Адриатического моря.[3]

Но Спартак поочередно разбивает двух квесторов Вариния и чуть было не захватывает в плен самого Вариния. Римские войска были деморализованы. Характерно, что один фрагмент Саллюстия говорит о совершенно упадочном настроении римских войск, выразивших нежелание сражаться еще до битвы со Спартаком. Римские войска дрогнули, говорит Саллюстий, и вспомнили о тех дорогих для них, которые остались дома.[4]

А Аппиан говорит даже о перебежчиках с римской стороны, которых Спартак не всегда брал в свое войско.[5] Все это, между прочим, достаточно показательно и для настроения того мелкого крестьянства италиков, из которого набирались римские легионы и которое едва ли предполагало получить гражданские права за то, чтобы потом их „отрабатывать“ в таких походах, как война против Спартака.

---

[1] Flor., II, VIII, III — 4.

[2] Плут., Красс. App., 116, 5. О решительности Спартака в этот момент см. Sallust III, frg 93,

[3] Этот маршрут подтверждается Oros., V, 24 — 2 — 3; Flor. II, VIII, III — 5.

[4] Sallust., III, frg. 95: „Ac tum maxime, uti solet in extremis rebus sibi quisque carissimum domi recordari cunctique omnium ordinum extrema sequi“.

[5] Это видно из Аппиана, 117, 20: „αὐτομόλων τε πολλῶν αὐτῷ προσιόντων οὐδένα προσίετο“.

Это состояние римской армии, с другой стороны, как раз способствовало увеличению армии рабов и создавало численный и моральный перевес войску Спартака. Массы рабов, свободные крестьяне и перебежчики продолжали вливаться в его войско. Армия вырастала в угрожающую для Рима силу. Теперь, говорит Плутарх, Спартак был „могущественен и страшен", и „не из одного стыда и позора восстания", продолжает Плутарх, раздраженный сенат высылает теперь против рабов обоих консулов 72 г.

*III. 72 г. **Выступление консулов.*** Весь период 72 г., как этап борьбы рабов, характерен тем, что, с одной стороны, восстание рабов охватило уже всю южную Италию, что вынуждает Рим ввиду опасности положения откомандировать на борьбу с рабами и самих консулов, а, с другой стороны, в само восстание вносится известный перелом в связи с разногласиями в штабе восставших.

Наступили разногласия между руководителями восстания — Спартаком и Криксом — о дальнейшем плане борьбы рабов и о плане их дальнейших походов. В то время как Спартак, руководимый своим планом высвобождения рабов, предлагал двинуться в Альпам в Галлию и, как говорит Плутарх, перевалив их, возвратить рабов к себе на родину, другой вождь — Крикс — настаивал на борьбе с Римом, на походе против него и на продолжении экспроприаций римских областей. Разногласия привели к тому, что Спартак двинулся на север в исполнение своего плана, а Крикс отделился с отрядом германцев от войск Спартака и остался на юге.[1] Вскоре Крикса это привело к тому, что он, наткнувшись на отряд консула Люция Геллия, терпит поражение, в то время как Спартак, минуя Рим, со всем своим основным войском двигался к Альпам.

Нам представляются вполне понятными эти разногласия, и на них придется подробней еще остановиться ниже. Естественно, что на этой стадии в развитии восстания, когда оно охватило собою не только южную, но даже и области северной Италии, когда после объединения 120 000 рабов[2] практические вопросы борьбы перерастали в общие вопросы о плане освобождения рабов по всей Италии, разногласия внутри штаба восставших не могли не обостриться, не принять принципиального характера и не внести перелома во все движение. Эти разногласия давали себя чувствовать и позднее. Если на данном этапе их от войск Спартака отделился Крикс со своей частью армии, то в следующий период — выступле-

[1] Плутарх, Красс, стр. 194—195 „... отряд германцев, в своей дерзости и гордости отделившихся от армии Спартака", консул Геллий разбил всех „до последнего человека".

[2] Апп., 117, 20.

ния Красса — на почве разногласий от Спартака отделились и другие отряды.[1]

Разногласия очень помогали Риму воспользоваться положением, чтобы начать бешеное наступление на Спартака. Крикс был разбит и погиб сам, оба выступавшие консула направились в Галлию, преследуя теперь самого Спартака, ведшего рабов к Альпам. Но вождь рабов и здесь оказался на достаточной высоте, как военный полководец. Он поочередно разбил, а потом и вместе, обоих консулов и, вступив в Галлию, разбил и войско ее наместника — проконсула Кассия — в битве при Мутине.[2]

Теперь уже вся Италия, от Галлии до Бруттийского полуострова, была объята восстанием. Никто не мог противостоять рабам, никто не решался взять на себя командование против Спартака. Сенат осенью 72 г.[3] с большим трудом нашел кандидатуру для командования против рабов.[4]

Сделать себе карьеру на борьбе против Спартака согласился богатый ловкач из патрицианского рода, будущий консул 70 г. Марк Красс.

IV. Выступление Красса против Спартака. С выступлением Красса начинается последний период всеиталийского движения рабов. Мобилизовав большие силы, призвав в войска даже тех, говорит Саллюстий,[5] „в старческом теле которых еще жив был воинский дух", и расправившись посредством так называемой децимации[6] с тем войском, которое не хотело сражаться с рабами, Красс выступил против Спартака, думая с ним покончить в одно сражение. Остановившись на границе Пицены, Красс ожидал Спартака, который, под давлением ли своих войск, или в изменение своего первоначального плана, решил от Альп снова двинуться на юг, навстречу римским войскам. Можно предполагать, что Спартак, учтя трудности перехода через Альпы и не получив поддержки со стороны крепкого крестьянства севера, изменил план вывода рабов и устремился на юг, думая переправиться в Сицилию и оттуда морским путем вывести рабов в страны их родины. В первой встрече с отрядом Красса Спартак на голову разбил этот отряд.[7] Армия рабов снова двинулась в Луканию и оттуда

---

[1] В период борьбы на Труттийском полуострове от Спартака отделились отряды Кая Канниции и Каста. Плут., Красс, стр. 197.

[2] Плут., 195; Sallust., 10[illegible]; также Enarratio, 106 у Maurenbrecher'a.

[3] В отношении даты мы уже ссылались на III Appendix. Также Плутарх, стр. 195.

[4] App., 118, 15: „[illegible]ροτεθείσης τε στρατηγῶν ἄλλων χειροτονίας ὄκνος, ἐπεῖχεν ἅπαντας, καὶ παρήγγελλεν οὐδεὶς μέχρι Λικίνιος Κράσσος".

[5] Sallust., IV, frg 21: „Omnis quibus senecto corpore animus militaris erat".

[6] Decimatio воскресил Красс для борьбы с дезертирством и нестойкостью его войск. Десятую часть каждой когорты, по сообщению Аппиана и Плутарха, Красс убивал по древнему обряду этой децимации, чтобы устрашить солдат для предупреждения дезертирства.

[7] Об этом отряде и его судьбе см. Плутарх, Красс, 195.

к морю, чтобы потом переправиться в Сицилию, где было, говорит Плутарх, [1] достаточно горючего материала, чтобы зажечь там новое восстание рабов. Все лето 71 г. прошло в неудачных для Красса стычках с отрядами рабов. Оттеснив Спартака на Бруттийский полуостров, Красс решил громадным рвом, стеной и оградой, проведенными через весь перешеек, изолировать рабов и не допустить их возвращения на север. Даже при всех этих новых мероприятиях Красс еще не был уверен, что сможет расправиться со Спартаком. Поэтому для перестраховки себя от случайностей в предпринятых против рабов наступательных операциях Красс вызвал на помощь себе Помпея. Вскоре и Лукулл, говорит Аппиан, по дороге в Рим из Малой Азии высадился в Брундизии, чтобы оказать помощь Крассу. Спартак оказался в затруднительном положении. При всем остроумии и смелости попыток Спартака переправиться в Сицилию, [2] после того как киликийские пираты, давшие обязательство перевезти рабов, этого не выполнили, осуществить этой переправы не удалось. [3]

Попытки переговоров с Крассом, имевшие целью выиграть время, также кончаются неудачей. Наконец, в самом лагере рабов часть войск на почве разногласий о плане походов отделилась от Спартака. [4] Тогда Спартак, будучи отрезан от остальной Италии и ощущая недостаток в провианте, решил прорваться через крассовские укрепления, намереваясь осуществить свой уже новый план похода в Брундизию. Выбрав удачный момент, Спартак прорывается через крассовские укрепления и разбивает его войска. Войска рабов сразу оказались в Лукании и двигались далее на север. Тогда Красс, получив известие о приближении Помпея и не желая, чтобы последний получил славу победителя Спартака, решил после некоторого преследования рабов дать им решительную битву. Это оказалось уже последней битвой для рабов, так как последние не могли больше выдержать натиска войск Красса. Их вождь, как свидетельствуют источники, пал геройской смертью, сражаясь в первых рядах. [5]

„Так погиб, — говорит Моммзен, — великий разбойничий атаман“. Шесть тысяч рабов, захваченных в плен, были, по сообщению Аппиана, повешены по всей дороге от Капуи до Рима. Восстание в основном было потушено, только небольшой

[1] Плутарх, стр. 196. См. об этом также Cicero, in Verr., V.

[2] Плутарх, стр. 196; App., 119, 5: „νικήσας δὲ καὶ τόνδε λαμπρῶς ἐδίωκε φεύγοντα ἐπὶ τὴν θάλασσαν ὡς διαπλευσόμενον ἐς Σικελίαν, καὶ καταλαβὼν ἀπετάφρευε καὶ ἀπετείχιζε καὶ ἀπεσταύρου“.

[3] Sallust., IV, frg. 30, 31. О неудаче переправы Плутарх, Красс, 196.

[4] Плутарх, стр. 197. Речь идет об отряде Гая Канниция и Каста.

[5] Описание геройской смерти Спартака у App., 120, 10, 15. Даже Flor, настроенный против Спартака, превозносил его геройскую смерть: „Spartacus ipse in primo agmine fortissime dimicans quasi imperator occisus est“. Flor., II, 7—9.

отряд, по сообщению Цицерона, еще держался в бруттийском городке Темеза.[1] Такова в общих чертах история самого восстания.

Из хронологии спартаковского восстания и характеристики основных этапов этой всеиталийской борьбы рабов за свое освобождение нам необходимо теперь выделить те более общие вопросы этого движения, которые образуют его differentiam specificam, что поднимает и выделяет восстание Спартака среди других рабских восстаний древности. Таких вопросов можно было бы наметить три. Это прежде всего организация гражданской войны в восстании рабов, которая впервые дала образчик борьбы до конца и уменья владеть восстанием и войной, как особого вида искусством в борьбе классов.

Второй вопрос — это о массовости восстания и о социальном составе восставших, что более четко (применительно, конечно, к условиям Рима) указывало на классовый характер восстания. И, наконец, последний вопрос, в свете которого только и можно понять два предшествующие, это очень важный вопрос о социально-политической программе восстания Спартака. Все эти вопросы приходится формулировать только в порядке их постановки и отнюдь не какого-либо окончательного разрешения. Скудные источники не дают нам для этого достаточных оснований. На службу скудным источникам, дающим историю борьбы рабов в клочках, должна прийти проверенная на документах гипотеза, чтобы так или иначе поставить эти формулированные вопросы.

По первому вопросу бросают много света отдельные эпизоды из военных столкновений Спартака, тактика борьбы его и организация самой армии рабов. Что война есть искусство и как им надо пользоваться в классовой борьбе, Спартак сумел показать на ряде случаев с совершенным мастерством. Возьмем для конкретного примера два следующих случая. Первый — это в сущности эпизод борьбы с Клодием в начальный период восстания, когда небольшая кучка бежавших гладиаторов засела на Везувии, собирая силы для дальнейшего развертывания борьбы. Клодий со всех сторон окружил Спартака численно превосходящим рабов отрядом и ожидал скорой покорности восставших. Положение гладиаторов было исключительно тяжелым, ибо перед ними стоял хорошо вооруженный трехтысячный легион и единственный выход с горы, через который только и представлялось возможным выйти из засады, был уже занят Клодием. Полный решимости не сдаваться врагу, как говорит фрагмент Саллюстия,[2] скорее по-

[1] Cicero, in Verr., V, § 39 f. Цицерон указывает здесь, что этот оставшийся от войск Спартака отряд некоторое время довольно крепко держался у Темезы и удачно отражал направленные против него римские легионы.

[2] Sallust., III, frg 93: „Sin vis obsistat, ferro quam fameaequins perituros".

гибнуть от железа, чем от голода, Спартак находит выход в головоломном, сопряженном с большим риском предприятии спуститься со скал ночью на лестницах, приготовленных из плетей виноградной лозы. Операция была выполнена, спустившиеся в тыл противника силы рабов были сконцентрированы в кулак и брошены в решающее место врага. В результате этого военного плана Спартак, по сообщению Фронтина, нагнал такого страха на Клодия, что несколько когорт последнего должны были отступить перед гладиаторами. Смелость и находчивость в желании итти до конца в борьбе за освобождение настолько выделяли этот эпизод, что о нем свидетельствуют одновременно и Плутарх, Фронтин и Флор. [1] Возможно, что фрагмент Саллюстия nexuit catenae modo (связал наподобие цепи), как полагает Schambach, также относится сюда.

Другой эпизод, на котором Спартак показал, что он никогда не играл с восстанием, а в каждый момент держался наступательной линии, по крайней мере для того, чтобы создать хотя небольшими успехами моральный перевес своих войск над врагом, имел место в последний год борьбы на Бруттийском полуострове. После того как киликийские пираты, обещавшие перевезти войско Спартака в Сицилию, обманули его, вождь рабов мобилизует волю восставших в твердом намерении все-таки совершить переправу. Это видно из двух фрагментов 4-й книги Саллюстия. [2]

Рабы самостоятельно, как описывает Саллюстий, приготовляли плоты, подвязывая под них для большей безопасности бочки. За неимением веревок эти бочки прикреплялись к плотам простыми ветвями. Только буря на море разбила этот план. И только тогда уже Спартак решил двинуться к крассовским укреплениям, чтобы дать окончательный бой и вырваться из вражеского кольца. Для этого нужно было тотчас же перестраивать все ранее намеченные планы борьбы. В вырытый Крассом ров, изолировавший Спартака от севера, рабы начинают бросать горящие факелы из дерева, причиняя незначительное, но постоянное беспокойство врагу. Это во всяком случае поддерживало известный моральный уровень его войск, находившихся при отсутствии провианта в крайне тяжелом положении. Наконец, забросав ров деревьями, сучьями, а по Фронтину [3] и телами с этой целью убитых пленных и трупами лошадей своей кавалерии, Спартак прорвал крассовские укрепления, вывел через ров свои войска и разбил на голову Красса. Это подало ему теперь возможность построить уже новый план похода, именно в Брундизию, чтобы оттуда перебраться к себе на родину.

---

[1] Plut., 193, Flor., II, VIII, III, 4; Frontin (Strat.), I, 5, 22.
[2] Sallust., IV, frg. 30, 31, 32.
[3] Front., Strat., I, 5, 20.

В этих эпизодах, интересных скорее для военного специалиста, чем историка, следует безусловно отметить только то важное с нашей точки зрения обстоятельство, что гражданская война проводилась рабами с поражающей организованностью, при исключительной мобилизации всех имеющихся налицо возможностей, подчиняя таким образом эту войну тем особым законам, которые она, как особый вид политической борьбы, имеет. Именно этот момент особенно отличал данное восстание от всех предшествовавших.

Мы не будем останавливаться на организационных моментах в проведении восстания. Укажем лишь на то, что вопросу армии Спартак придавал громадное значение. Тотчас же после разгрома Клодия в войсках рабов организовалась кавалерия, [1] отряды тяжеловооруженных и легкой пехоты. Ее укрепление по приказу Спартака проводилось специально перед столкновением с П. Варинием. [2] Вооружение армии так же стояло на должной высоте и, вероятно, немногим уступало римскому вооружению. В самой армии рабов выделывали щиты [3] и организовывали мастерские для ковки холодного оружия.[4] В ходе войны обращают на себя внимание также и некоторые моменты тактики Спартака по отношению к остальному мирному населению. Характерно, что и здесь Спартак показал себя удивительно гибким политическим вождем. Там, где его войско соприкасалось с населением, он рекомендовал не чинить насилия и не обижать его, [5] а в случаях сбора необходимых материалов для армии оплачивать все полностью. [6] В особенности же, как видно из Саллюстия, Спартак рекомендовал не трогать мелкого крестьянства. Все это в достаточной мере подтверждается также и источниками. Мы имеем, таким образом, достаточно материала и о том, что организация гражданской войны в восстании стояла у Спартака на должной высоте.

с. О социальном составе армии Спартака и программе восстания

Перед нами теперь другой вопрос — о массовом характере всеиталийского восстания рабов и социальном составе армии

[1] Sallust. III, frg. 102—101 в коммент. Enarratio Maurenbrecher'a. Также место из второго ватиканского фрагмента о нападении на стада богатых для подготовки кавалерии, 98. Что у Спа така был хорошо вооруженная конница, видно из App, 120, 5; об организации тяжеловооруженных и легкой пехоты см. Плутарх, Красс, 193—194.

[2] Sallust., III, 986.

[3] Там же, III 102.

[4] App., 117, 5, 10, также Flor., II, VIII: „Adfluentibus in diem copiis cum iam esset iustus exercitus, e veminibus pecudumque tegumentis incoditos sibi ilipsos, ex ferro ergastulorum recocto gladios ac tela fecerunt".

[5] Sall., III, 98 d App., 117, 5.

[6] App., 117, 5: „ἐκώλυε... κεκτῆσθαι... μόνον δε, σίδηρον καί χαλκὸν ἐωνοῦντο πολλοῦ, καὶ τοὺς ἐσφέροντας οὐκ ἠδίκουν".

Спартака. Несомненен тот факт, что тем и вошло спартаковское восстание в историю, что это было первое массовое и более организованное, чем предшествовавшие восстания, движение рабов. По сообщению Аппиана, в армии Спартака было 120 000 рабов,[1] Веллей[2] же указывает цифру в 300 000 человек. Эти цифры нельзя признать точными, но они очень показательны. Именно эти приблизительные цифры, говорящие о несомненно массовом выступлении рабов, интересны в связи с географией распространения восстания, более охватившего южную часть Италии и более на нее опиравшегося, чем на области северной Италии. На этом необходимо остановиться более подробно.

Еще на первых порах, вслед за бегством гладиаторов на Везувий, к ним, по сообщению Аппиана, сбегалось множество гладиаторов и рабов. В момент борьбы гладиаторов с Клодием и Варинием (в 73 г.) войска рабов уже выросли до 10 000 человек, говорит Флор. После же поражения этих преторов Аппиан отмечает, что армия Спартака увеличилась уже до 70 000 рабов. Что восстание приобретало в этот момент определенно массовый характер, следует не только из числа восставших, но и из географии распространения движения рабов. Вслед за Кампанией поднялась и Апулия, Лукания, и восстание перебрасывалось в Калабрию и Бруттию. Вся южная Италия противостояла Риму. Гражданские войны 90-х годов, только половинчато разрешившие выдвинутые аграрно-крестьянским движением вопросы, были воспроизведены теперь на другой основе. И не случайно, что именно южные провинции Рима опять выступили, снабжая кадрами восставших рабов. Нам представляется, что этими кадрами были далеко не только рабы, но и свободное мелкое крестьянство. И в условиях продолжавшегося аграрно-крестьянского кризиса и усиления рабовладельческого хозяйства, сменявшего хозяйства мелких аграриев, это было вполне закономерным явлением. Ростовщический капитал в союзе с крупным землевладением, еще глубже вторгнувшись в южные провинции Рима, продолжал разрушительную работу. Среднее крестьянство разорялось. Мелкий пахарь с его небольшим наделом выходил в тираж, превращаясь в доверенного его кредитора — земельного магната. Бремя воинской повинности, притеснения администрации и, главное, усиление налоговых поборов консульским законом 73 года, — все это в обстановке повторявшихся неурожаев раскалило атмосферу крестьянства южной Италии. Поэтому в 73 году, в год перехода восставших рабов

[1] App. 117, 20. Только одной пехоты было 120 000.
[2] Vell., Pat., см. Schambach, стр. 11. Веллей, называя цифру 300 000, говорит, очевидно, не о регулярной армии Спартака, а о всей массе поднявшихся рабов.

к активной борьбе, италик начал понимать, что завоевание им гражданских прав в союзнической войне еще не гарантировало его от разорения. Если раб восставал против господина ради чувства свободы, то крестьянин поднимался теперь против него ради своей ускользавшей собственности.

Характерно, что еще за несколько лет до восстания рабов бедное крестьянство и рабы объединились в разбойничьи шайки, настолько часто покушавшиеся на собственность рабовладельцев, что в борьбе с этим специально был издан консульский закон 77 года, по которому впервые развивалось понятие грабежа, в то время как старое римское право не выделяло грабежа из общего понятия кражи.[1] Понятно, что в момент восстания рабов, его роста выбор у этой части крестьянства был один. Оно поддерживало италийское движение рабов, что подтверждается рядом сведений из источников. Аппиан, например, совершенно определенно указывает, что, кроме землевладельческих рабов (οἰκέτες) к Спартаку сбегались и „свободные крестьяне с полей“ (ἐλεύθερος ἐκ τῶν ἀγρῶν...),[2] причем эта масса у него беспрерывно росла (ταχὺ πλῆθος ἦν ἀνδρῶν...).[3]

И в следующем 72 году эти свободные крестьяне продолжали присоединяться к восстанию рабов. И это показывает опять-таки Аппиан, где он говорит, что наряду с рабами, перебежчиками и слугами (θεράποντες) из свободных к Спартаку шли также и так называемые попутчики (συγκλύδες).[4]

Несомненно, что под попутчиками Аппиан здесь подразумевает тех „свободных с полей“, о которых он говорит ранее.

Наконец, Саллюстий говорит о колонах, которые встречали Спартака. О симпатиях свободных крестьян к восставшим рабам мы можем судить также и по тому, как римские войска сражались с армией Спартака. Из Саллюстия,[5] Плутарха,[6] и Аппиана[7] видно, что римское войско неохотно сражалось со Спартаком. Не только было развито у них дезертирство, но Аппиан говорит, что перебежчики с римской стороны в такой массе присоединились к восставшим, что Спартак просто отказался принимать их.[8] А что эти перебежчики — солдаты римских легионов — не могли быть никем другими, как свободными, т. е. крестьянами, это достаточно известно. Возможно, что эти солдаты вербовались в результате спешной мобилизации непосредственно на ходу и именно из недовольного Римом кре-

---

[1] Моммзен, Римская история, т. III, стр. 68.
[2] App., 117, 20.
[3] Там же.
[4] Там же, 117, 25.
[5] Sallust, II, 95.
[6] О Крассовской расправе над своими солдатами за их нестойкость, см. Плутарх, 195.
[7] App., 117, 20, 25; здесь в двух местах определенно говорится о перебежчиках из римских войск.
[8] App., 117, 20.

стьянства в южных провинциях, что опять-таки можно заключить из Аппиана.[1]

Эта крестьянская часть в войсках Спартака, образовавшаяся из перебежчиков „свободных с полей" и слуг из свободных, представляла, конечно, иные интересы в среде восставших рабов. Об этом мы еще укажем ниже.

Если на юге Спартак вокруг масс восставших рабов собрал также и крестьянские элементы, то мы не имеем данных говорить о таком же присоединении свободных на севере. Как реагировало крестьянство северных провинций на восстание рабов, источники не дают никаких сведений. Но для нас здесь достаточно сведений об отношении крестьянства южных провинций. Это даже более показательно с точки зрения социально-экономического кризиса, который после гракховского движения и союзнической войны только еще более поражал крестьянство. В массовом восстании рабов присоединившееся к ним мелкое крестьянство пытало теперь счастья, выступая под руководством рабов, как основного класса, противостоявшего рабовладельческому строю. Движение принимало, таким образом, более массовый, а потому и радикальный характер, что и выделяло это движение из предшествующих восстаний рабов.

Нам остается теперь поставить последний, еще почти совершенно не выясненный вопрос о программе спартаковского восстания. Приходится еще раз указать, что при скудости источников в этом вопросе в особенности трудно прийти к к какому-нибудь категорическому суждению. И вопрос поэтому приходится только поставить для дальнейшего изучения.

В первой главе об источниках и литературе пришлось отметить, что в римской историографии существуют два взгляда на программу спартаковского движения рабов. Эти два противоположных взгляда представлены Моммзеном и Друманом. Если Моммзен во всех военно-политических предприятиях Спартака видит только организацию разбойничьих шаек рабов, то Друман, напротив, видел в Спартаке руководителя борьбы рабов за свое освобождение по всей Италии. Ни одна из этих точек зрения, однако, не получила дальнейшего развития и научного обоснования. Первая просто противоречила действительности, да и игнорировала источники, вторая, не исчерпывая всей аргументации в пользу себя, не могла и наметить исходных пунктов спартаковской программы освобождения рабов. Источники же при всей скудности сведений по этому вопросу дают все же некоторый материал

[1] Это видно из указаний Аппиана, что в то время, как Спартак находился на юге, войско его очень быстро росло—и не только из рабов но и свободных слуг и перебежчиков. См. 116, 20; 116, 5; 11 , 20; 25. Плутарх же говорит о пастухах, которые на юге, „легкие па подъем", быстро наполняли армию Спартака, стр. 193.

для постановки вопроса о *наличии определенной программы у Спартака в возглавленном им всеиталийском восстании рабов.*

Наше внимание должно быть прежде всего обращено на то обстоятельство, что и Аппиан и Плутарх говорят, что заговор Спартака, связывавший собой несколько сот рабов, безусловно намечал план освобождения рабов. „Спартак, — говорит Аппиан,—убедил своих товарищей выступить и скорее подвергнуться опасности за свободу, чем для утехи публики на гладиаторских зрелищах“.[1] Борьба за свободу фиксировалась как цель выступления.

Обстоятельства Спартаковской жизни еще до того, как он стал гладиатором, подготавливали его к борьбе за эту свободу. Прежде всего твердая воля к борьбе за освобождение в плане Спартака становится нам понятной из того, что сам Спартак — свободный по происхождению фракиец, плененный римлянами и проданный в рабство, а потом и в гладиаторы,[2] не мог примириться со своим рабским положением. Что он не раз пытался освобождаться и убегать от своих владельцев прежде, чем попасть в гладиаторы, видно из того места Плутарха, где говорится, что Спартак сначала был привезен в Рим и в первый раз продавался именно там (ὅτε πρῶτον εἰς Ῥώμην ὤνιος ἤχθη).[3] А так как гладиаторство было тяжелым наказанием за большие преступления, то можно полагать, что именно систематические бегства Спартака от своих прежних владельцев и были поводом для осуждения его в гладиаторы. Вполне естественно, что только после индивидуальных и безуспешных попыток освобождения у него мог созреть план уже массового выступления рабов. Только в таком свете нам становится понятным план заговора Спартака, приведшего к сговору около 100 рабов, когда он попадает в гладиаторскую школу Батиата в Капуе.

Добившись выступления рабов и став во главе их, Спартак, конечно, не считал для себя уже решенным дело свободы. Завоевав себе личную свободу, Спартак стал организовывать массовое движение рабов. И как только в 73 г. восстание рабов охватило всю почти южную Италию, вопрос и о массовом движении за освобождение вступал в новую стадию Теперь, в сущности, вопрос стоял не столько в плоскости новой вербовки рабов в стан восставших и поднятия их против своих господ, сколько в плоскости закрепления уже завоеванной свободы восставших и обеспечения ее в дальнейшем.

Что вопрос практической борьбы с Римом перерастал в принципиальный вопрос о плане дальнейшего движения и о

---

[1] App., 116, 15.
[2] App., 116, 10; Plut, Crass, 192.
[3] Plut., 192.

ведении дальнейшей борьбы, показывают те разногласия вокруг этого и борьба внутри штаба восстания, на которые определенно указывают источники.

Первый ватиканский фрагмент Саллюстия говорит, что в 73 г., в переломный момент восстания и борьбы с Варинием, Спартак, удвоив свою армию, предложил план похода на север, отсоветовав нападение на Вариния.[1] Крикс же, возглавлявший германо-галльскую часть войск, стоял за то, чтобы двинуться навстречу врагу и вступить с ним в бой.[2] Разногласия не были ликвидированы даже после того, как Спартак и Крикс решили единодушно выступить против Вариния. Вариний был разбит, но разногласия приняли еще более острый характер. В то время как Спартак, по сообщению Плутарха, двинулся весной следующего года на север, Крикс отделился от Спартака и стал заниматься грабежом южной Италии.[3] Таковы были разногласия первого этапа. Что это были за разногласия?

Моммзен говорит, что эти разногласия имели под собою почву национальную. В то время как Спартак, дескать, объединял эллинов, Крикс — галлов и германцев, и те и другие, видите ли, находились во взаимной вражде. Такое объяснение нам совершенно ничего не дает для уяснения позиций обоих вождей, хотя оно и может опираться в известной степени на сообщения Плутарха. Оно просто становится неверным и по следующим основаниям. Прежде всего неверно, что в войсках Спартака были только эллины. Совершенно определенно можно, согласно тому же сообщению Плутарха, установить, что в войсках Спартака были не только эллины, но и галлы, причем последних было, очевидно, не меньше, чем эллинов. Это следует из того, что когда Спартак двинулся к Альпам, то, перевалив их, он предполагал армию рабов вернуть, как заявляет Плутарх, одну часть — во Фракию (фракийцев), другую — в Галлию (кельтов или галлов).[4] С другой стороны, если только исходить из моммзеновской точки зрения, кажется непонятным, почему галло-германские племена во главе с Криксом остались на юге и не пошли за Спартаком, в то время как у них должно бы быть больше тяготения именно к северу и областям их родины, куда как раз и направился Спартак. Галло-германцы, оказывается, не пошли в Галлию, в то время как эллины почему-то устремились именно туда. Такое объяснение Моммзена не только не объясняет нам действительных разногласий между обоими вождями рабов, но и ставит нам еще больший вопрос вообще о наличии какой-либо национальной розни в рядах рабов.

---

[1] Sallust., III, 96 d, также 98 d.
[2] Об отделении Крикса. Плутарх, стр. 194, App., 117, 10.
[3] Plut., 194.
[4] Там же.

Между тем, совершенно ясно, что споры между вождями восстания велись как раз вокруг вопроса о плане дальнейшего движения рабов. Принципиальный момент в установке обоих вождей был несомненен. Нам остается это подтвердить источниками. Все основные авторы древности — Саллюстий, Аппиан и Плутарх — указывают определенно на то, что Спартак вполне сознательно уклонялся от походов на Рим.[1] Это уклонение объяснялось тем, что Спартак наметил генеральный поход рабов на север с планом возвращения рабов на их родину во Фракию и Галлию.

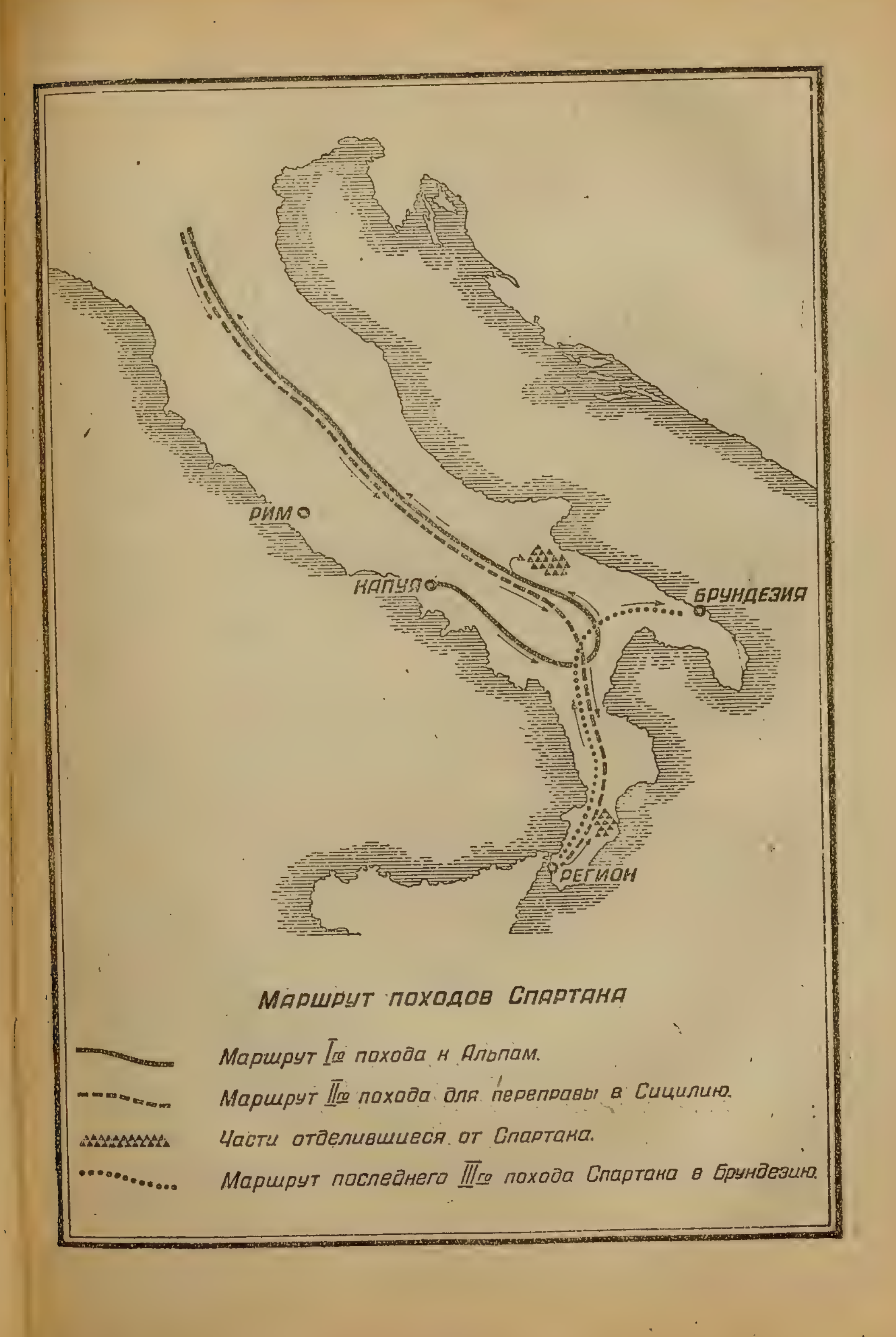
Об этом плане не только сообщает Плутарх, но этот план определенно проскальзывал и в дальнейших походах Спартака на юг. Трудности ли перехода через Альпы, стратегические или какие-либо другие мотивы заставили Спартака, в изменение первоначального плана вывода рабов через Альпы, двинуться теперь на юг, — источники не дают нам никаких сведений о причинах изменения маршрута этих походов. Но характерно, что, направляясь на юг, Спартак опять-таки намеревается вывести рабов из пределов Италии. Подтверждением этого является его план переправы в Сицилию, о чем говорят все почти источники. За это говорит и план последнего похода Спартака в Брундизию. Таким образом, программным моментом в спартаковском движении рабов был именно план выведения их за пределы Италии в страны их родины. Данный момент нельзя признать случайным, ибо он повторяется в плане всех трех намеченных походов Спартака.

Совершенно другой характер носило движение рабов под руководством Крикса. Последний просто не задавался планом высвобождения рабов и закрепления их свободы. Во всяком случае, источники ни о каком таком плане не говорят. Поэтому отряд Крикса не поддержал Спартака в его движении на север. Оставшись на юге, Крикс со своим отрядом продолжал грабежи, частые нападения на мирное население.[2] И даже тогда, когда остатки этого отряда воссоединились со Спартаком на пути последнего с севера на юг, эти остатки не хотели до конца поддерживать план Спартака выйти из пределов Италии. Из Плутарха известно, что в решительные минуты эти настроенные против Спартака части, под руководством Гая Канниция и Каста, снова отделились от Спартака.[3]

Перед нами вопрос, чем можно было бы объяснить такое настроение и подобный отход от войск Спартака отряда Крикса?

В данном случае приходится сделать следующее предположение. Нам думается, что решающую роль в разногласиях

[1] App. 117, 25; Sall., III, 96 d; Plut., 194.
[2] Plut., 194.
[3] Там же, 197.

РИМ
КАПУЯ
БРУНДЕЗИЯ
РЕГИОН
Маршрут походов Спартака
Маршрут I-го похода к Альпам.
Маршрут II-го похода для переправы в Сицилию.
Части отделившиеся от Спартака.
Маршрут последнего III-го похода Спартака в Брундезию.

между Спартаком и Криксом сыграло различие *социального состава* войск. Спартак объединял, очевидно, основную массу рабов. Это прежде всего была масса, желавшая высвободиться из-под власти господина. Стремление выйти из пределов Италии в страны своей родины у них было поэтому вполне естественным. Это было образующим ферментом всей программы Спартака в плане трех его походов. Состав же отрядов Крикса должен был быть совершенно иным, если только его отряды хотели остаться на юге Италии и, не думая о своей родине, которая в тех условиях действительно скорее, чем что-либо другое, могла явиться источником их свободы, занимались только грабежами. Едва ли этот состав отрядов Крикса был в основном из рабов. Вероятнее представить, что в этот состав входили не рабы, а как раз те самые „свободные с полей“ крестьяне, попутчики и перебежчики, о которых говорит Аппиан. Именно только они могли быть не заинтересованными идти за Спартаком. *Это была крестьянская масса юга Италии, которая, как мы уже выше указывали, пролетаризировалась, шла за рабами в восстание не ради свободы, а из-за своей постепенно ускользавшей земельной собственности.* Только в грабежах, через нападения и систематические набеги думали они вернуть точно таким же почти образом похищенную у них собственность. Это, конечно, была небольшая часть войск. По сообщению Орозия,[1] у Крикса было не более 10 тысяч такого разношерстного войска, толкавшего самого Крикса на другой путь борьбы, чем путь Спартака.

Несомненно, что именно это обстоятельство и создавало и не могло не создать разногласий между Спартаком и Криксом. Такова, как нам представляется, социальная подоплека тех разногласий в штабе восстания, которые приводили даже к отходу от Спартака ряда его отрядов, представленных сильными военачальниками (Крикс, Каста и Гай Канниций).

Что же касается программы Спартака, то он не только осуществлял ее, но активно боролся за нее против Крикса; совершенно очевидно, что Спартак отлично от Крикса представлял себе эту программу. Так, во втором ватиканском фрагменте Саллюстий вкладывает в уста Спартака речь против грабежей, обид населения и других бесчинств,[2] которые проводил Крикс. Что свобода рабов не понималась Спартаком как свобода для грабежа, видно из этого же фрагмента Саллюстия, когда Спартак, будучи принужден приступить к реквизициям скота, предлагает проводить это осторожно. Он советует нападать только на те поля, которые богаты скотом,[3] имея в виду, очевидно, предупредить реквизиции малоиму-

[1] Oros., V. 24.
[2] Sallust., III, 98 d.
[3] Там же, 98 b.

щего крестьянства. Аппиан же говорит, что когда Спартаку нужно было железо и медь для ковки оружия, он приказывал покупать его у купцов за полновесную монету и не чинить насилия над приносившими.[1] Это должно совершенно отвести положение Моммзена, что „великий разбойничий атаман" не шел далее грабительских набегов. Более тщательный анализ источников показывает, что план „великого разбойника" все же оказывается куда серьезнее суждения великого ученого.

Нам, к сожалению, осталось неизвестным, как Спартак организовывал жизнь внутри огромной своей армии. В частности, какая хозяйственная организация существовала там. Только одно место Аппиана позволяет думать, что дальше потребительского коммунизма рабы не шли и не могли итти. Все захваченные блага, говорит Аппиан, рабы делили между собой поровну, чем привлекали к себе массу рабов и другого народа (крестьяне, перебежчики). Обращает на себя внимание и то, что золото и серебро запрещалось употреблять в их стане.[2] Больше никаких сведений по этому вопросу в источниках нет. Да этот вопрос в программе спартаковского движения не мог иметь большого значения, поскольку программа не опиралась и не могла опираться на реорганизацию хозяйственной жизни. Программа имела, очевидно, в своем плане только такое всеобщее восстание рабов, в результате которого освобождение рабов мыслилось не иначе, как через выведение их в страны их родины.

Так ставится нами последний вопрос о программе спартаковского восстания. Все эти вопросы достаточно показывают все социальное значение восстания Спартака. Это была революция рабов, которая подготовляла собою отмену „рабовладельческой формы эксплуатации трудящихся" (Сталин).

В этой революции ее вождь — Спартак — является „подлинным представителем античного пролетариата" (Маркс).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Источники.

1. G. Sallustii Crispi Historiarum Reliquiae. Ed. Maurenbrecher. Lps. MDCCCIII. Fragmenta, lib. III, cap. VI, fr. — 0 — 10, lib. IV cap. II, fr. 20—51.

Особенное внимание обращается на два Ватиканских фрагмента третьей книги за №№ 96 и 98, также Appendix Мауренбрехера за № III.

2. Titi Livii Ab urbe condita. Lps. MDCCCLXXXII, p. V, 95 - 97.
3. Appiani Historia Romana, ed. Mendelsson, Lps., MDCCCLXXXI, lib. I, 116. 116 — 120.
4. Plutarch, Crass, 8 — 11; Pompei, 21; Cato M., 8.
5. Paulii Orosii Hist. adv. paganos, lib. VII, V, 24. Lps., MDCCCLXXXIX.

[1] App. 117, 5.

[2] Там же. Аналогичное указание на запрещение употреблять серебро и золото в войсках Спартака имеется также у Plin., Hist. Nat. XXXIII.

6. Juli Flori Epit. de Tit. Liv., VIII, III, 20 „Bellum Spartacium". Lps., MDCCCLXXXIX.
7. Eutropii Brev. hist. Rom., Москва, 1899, VI, стр. 109—110.
8. Frontini, Strat, ed. Gundermann.
9. Vellejus Patercutus. ed. Halm.
10. Lucii Ampelii Lib. memorialis, XLI, XLV.
11. Cicero de imp. Ch. Pomp., II, § 30; in Verr., V 39.

Литература.

1. Seifert. Die Sclavenkriege. Progr. d. Gymn. zu Altona, 1860.
2. Hartwig und Stekzner, Spartacus und Gladiatorenkrieg. Lpz. 1919.
3. Müller, Spartacus und Sclavenaufstand in Geschichte und Dicht. Progr., Halzbrg., 1905.
4. E. Ciccoti, Der Untergang der Sclaverei im Altertum, Berlin. 1910.
5. Schambach Ot., Der Italische Sclavenaufstand, 74—71 V, Chr. Prgr., Halberstadt, 1872.
6. Schneider, Gladiatores. Pauly-Wissowa, Realenzykl., Supplementband III, Stuttgart, 1918.
7. Münzer, Der erste Gegner des Spartacus. Philologus, Bd. 55, 1897, S. 387,
8. Rathke, Romanorum bellis servilibus capite celecta. Diss., 1904.
9. К. Бюхер, Восстание рабов 143—129 гг. до н. э. Ленинград, 1924.

Прения

Н. Н. ЗАЛЕССКИЙ

Учение о своеобразии античной собственности, как собственности коллективной, общинной и государственной собственности, которое развил сегодня Сергей Иванович, имеет чрезвычайно важное значение. Я полагаю, что целый ряд проблем, которые до сих пор остаются нерешенными, получат наконец правильное разъяснение. Одним из таких вопросов является вопрос о характере римских профессиональных корпораций или коллегий. Вопрос этот имеет в буржуазной науке длинную историю, и это история топтания на одном месте. Обратитесь ли вы к монографии Моммзена De collegiis или к тоже классическому труду Вальтцинга, который вышел свыше 30 лет назад, или к „Социально-экономической истории Римской империи" Ростовцева, вы найдете все ту же неясность и те же противоречия. Каково экономическое значение римских корпораций: являются ли профессиональные корпорации первых двух веков империи добровольными и частными или принудительными, состоящими под контролем правительства объединениями? Вот задачи, которые ставит себе буржуазная наука и на которые не может дать ответа. Говоря о частновладельческих предприятиях, хозяева которых были корпоративно объединены, необходимо учитывать своеобразие античной собственности. Если мы будем иметь в виду под собственностью римских корпорантов — ремесленников, купцов, судовладельцев и пр. — частную собственность в современном смысле, то мы впадем в модернизацию и никогда не поймем своеобразия отношений, которыми связаны члены корпорации как между собой, так и с государством, нужды которого они обслуживают. Для обозначения этой формы собственности я предлагаю термин корпоративная собственность, причем необходимо оговорить, что под корпоративной собственностью я имею в виду не собственность корпорации в тесном смысле, т. е. дом для собраний, кассу, суммы которой шли на культ, устройство трапез, вознаграждение магистратов и т. п., а совокуп-

ность предприятий самих корпорантов. Что же такое корпоративная собственность? Известно, что, в отличие от феодальных цехов, римские, вообще античные корпорации не имели отношения к организации самого производства, но, с другой стороны, сами собственники не являлись вполне самостоятельными. На основании этого даю такое определение: корпоративная собственность есть совокупность отдельных индивидуальных владений, обладатели которых составляют коллектив, причем это коллектив только собственников, самые же предприятия не слиты в одно хозяйственное целое. Сочетание этих двух признаков, коллективности и индивидуалистичности, побуждает предположить, что корпоративная собственность есть разновидность античной общинно-государственной собственности.

Развитие этой формы собственности необходимо поставить в связь с общим ходом развития античного общества в целом.

Прежде всего обращаем внимание на то обстоятельство, что подъем корпоративного движения как раз характерен для периодов нарастания кризиса античного города-государства. Так, корпоративное профессиональное движение нехарактерно для классической Греции, но в период эллинизма, период кризиса и разложения полиса, наступает расцвет корпораций. То же самое и в Риме: падение республики знаменует разложение римского города-государства, и начиная с конца республики и правления Августа мы наблюдаем подъем корпоративного движения. Сказанное побуждает предположить, что в корпоративной собственности мы имеем модификацию античной общинной и государственной собственности в стадии ее разложения. В пользу этого выскажу еще следующие соображения. В период разложения античного города-государства класс собственников-рабовладельцев менее всего можно рассматривать как единое целое, потому и античная собственность является в нескольких аспектах: поскольку в коллективе собственников возникает ряд вторичных объединений для защиты особых имущественных интересов той или иной группировки, постольку возникают и своеобразные формы владения, наличие которых, однако, вовсе не означает уничтожения общинной и государственной собственности, как таковой. Корпорации как бы замещают функционально разваливающуюся городскую общину. Корпорации составляют неотделимую часть городских общин, самого ли Рима, или муниципальных городов, в которых они играют немаловажную роль. Согласно Юлиеву закону, за ними признано право юридического лица „наподобие городской общины“; мысль о подобии коллегий городской общине настойчиво проводится в юридических памятниках. Уставы корпораций — подобие lex municipalis. По своей структуре — наличию магистратур, корпоративной знати и плебса — они опять дают полную аналогию

с городской общиной. Корпорации эти — организация одной из фракций общего коллектива эксплуататоров, составляющих городскую общину, их назначение — защита имущественных интересов данной группы не только от рабов, но и от других группировок господствующего класса. Корпорации — в основном имущественные организации средних слоев городского населения (факт давно установленный). Выдвижение этого слоя и его частных объединений чрезвычайно характерно для периода принципата, когда формы античной общинно-государственной собственности временно были стабилизованы в силу расширения социальной базы. После периода конца республики с его господством ростовщического капитала античная общинная государственная собственность временно консолидируется в форме собственности корпоративной. Императорское правительство, защищая интересы широких масс городского населения, законодательным путем стремится ограничить деятельность ростовщичества, что в частности выражается в постепенной отмене откупной системы. Так, например, в области казенных перевозок, где при республике господствовали общества публиканов, вводится новая система: правительство непосредственно договаривается с членами корпораций судовладельцев. Итак, рост корпораций был вызван потребностью к объединению средних слоев городского населения для защиты своих имущественных интересов. Однако социальная структура корпораций отличается большой дифференцированностью. Корпоративная собственность не спасает от истощающего действия ростовщического капитала, который и внутри корпораций, как и в городских общинах, оказывается гегемоном. Это подтверждает правильность нашей гипотезы, что корпоративная собственность есть разновидность античной общинно-государственной собственности в стадии ее разложения. Если проследить дальнейший ход исторического развития коллегий, то может возникнуть вопрос, не опровергает ли это развитие намеченную С. И. тенденцию изменения от собственности коллективной к собственности индивидуальной? Действительно, все усиливающийся государственный контроль над корпорациями, их обязательный и всеобъемлющий характер как будто свидетельствуют о росте коллективистических форм собственности в поздней Римской империи. Противоречие это мнимое. Наоборот, система все усиливающейся опеки государства, превращающейся в гнет, объясняется стремлением стабилизировать административным давлением отживающие формы корпоративной собственности, т. е. античной общинно-государственной собственности.

Вообще в отношении корпораций поздней империи приходится встречать мнения, что система повинностей munus представляет нечто новое по сравнению с системой свободных договоров корпорантов с государством при принципате. Однако

новизна эта весьма относительна: античная собственность всегда была собственностью ограниченной; применение к античности понятий свободы частной инициативы, фритредерства и т. п. — понятия, которые охотно применяет Ростовцев, есть модернизация. Повинности периода домината являются видоизменением тех повинностей, от которых никогда не были свободны граждане городских общин. Нов только необычайно жесткий характер повинностей, который объясняется необходимостью искусственно поддерживать разваливающиеся формы собственности.

Из сказанного вытекает, что римские корпорации не являются предшественниками феодальных цехов, хотя нельзя отрицать в них отдельных признаков феодализации. Позднеримские корпорации дают больше связей с прошлым, чем с будущим. Они связаны с античным городом в стадии его разложения, муниципальным римским городом, и судьба у них общая. Поэтому правильность их оценки — чрезвычайно важный вопрос при решении вопроса о последнем кризисе античности. Город, римский муниципальный город, как совокупность ремесленных, торговых слоев населения, несравненно меньше подвергся процессам феодализации, чем деревня. Поэтому противоположность между застывшим в своей упадочной косности городом и идущей к новому способу производства деревней есть противоречие между крупной феодализирующейся земельной собственностью и собственностью средних городских слоев населения, т. е. античной собственностью в стадии ее разложения, в частности корпоративной собственностью.

Победа первой вырисовывается отчетливо из законодательных памятников. Происходит массовое бегство представителей городских слоев населения, в том числе и членов корпораций, в деревню. Они стремятся проникнуть в колонат, отдаться под покровительство какого-либо земельного магната. Репрессии императорского правительства бессильны. Таким образом, вопрос о гибели римской профессиональной корпорации неразрывно связан с проблемой гибели античного города, который захлестывает стихия феодализирующейся и вместе с тем и варваризирующейся деревни.

В. П. ЛИСИН

Выступление т. Сталина на съезде колхозников-ударников толкнуло сотрудников нашего сектора пересмотреть свои взгляды на гибель античного общества и на переход античного общества в феодальное. Для нас нет никаких сомнений, что переход от одной антагонистической формации к другой совершался путем революции. Т. Сталин, говоря, что рабовладельческое общество было уничтожено революцией рабов, а феодальное общество — революцией крепостных, развил по-

ложение Ленина, высказанное им в статье „К истории вопроса о диктатуре“,[1] где Ленин, полемизируя „с господами Бланком и Кизеветтером“, пишет: „Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба на подвиги Аврамовых прорывается наружу *в действиях*, а не словах, и *в действиях миллионных народных масс*, а не отдельных лиц“. Имеется достаточно ясное указание классиков марксизма, что основным содержанием социальной революции является вопрос о диктатуре того или другого класса. Для революции рабов стоит вопрос об уничтожении диктатуры рабовладельцев — в этой революции гибнут оба борющиеся класса, и на их развалинах вырастает диктатура феодалов. В буржуазной революции стоит вопрос об уничтожении диктатуры феодалов и создании диктатуры капиталистов и „вопрос о пролетарской диктатуре есть прежде всего вопрос об основном содержании пролетарской революции“ (Сталин). Ленин в начале той же статьи „К истории вопроса о диктатуре“ пишет: „История всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре“. Все определения социальной революции классиками марксизма выдвигают на первое место массовую борьбу угнетенного класса против эксплуататоров, основным содержанием которой является вопрос о диктатуре, вопрос о переходе государственной власти из рук одного класса в руки другого. Революция — это есть высшая точка противоречий данного антагонистического общества, которая выражается в острейшей классовой борьбе, результатом которой является переход от одного способа производства к другому. Ленин в вышеприведенной статье „К истории вопроса о диктатуре“ бичует тех, которые, *„признавая“ революцию и в то же время отказываясь признать диктатуру определенного класса (или определенных классов)*, тогдашние русские либералы и меньшевики, теперешние немецкие и итальянские либералы, туратианцы, каутскианцы, как раз и обнаруживают этим свой *реформизм*, свою полную негодность в качестве революционеров“. Вопрос о социальной революции в настоящее время, перед новым туром империалистических войн и революций, приобретает особо большое значение. Социал-фашистские теоретики типа Каутского, Гильфердинга и др. стараются представить переход к новому общественному порядку путем мирного превращения капитализма в социализм, путем революции без классовой борьбы, без диктатуры пролетариата, а понятие социальной революции стараются низвести к мирному общественному перевороту, к мелким поправочкам, к парламентским

[1] Сочинения, т. XXV, изд. 1932 г., стр. 442.

реформам. В этом отношении признание социальной революции при переходе от общества, не знавшего классов, к рабовладельческому способу производства, есть фактическое развитие того оппортунистического утверждения, по которому содержанием социальной революции не всегда должна быть борьба классов и борьба за власть.

Если мы будем стоять в оценке революции на точке зрения марксизма, то признание социальной революции при переходе от доклассового общества к классовому влечет за собой признание противоречий родового общества антагонистическими, что является неверным.

Если тт. Ковалев и Тюменев рассматривают первобытный коммунизм как бесклассовое общество и рассматривают образование классового общества как революцию, то тем самым они понятие революции низводят до общественного переворота, т. е. до понимания социальной революции оппортунистами и социал-фашистами.

Всякая революция есть общественный переворот, но не всякий общественный переворот есть революция. Энгельс в „Происхождении семьи" говорит об общественном перевороте, приведшем к образованию классового общества, и политических революциях Солона, приведших к окончательному уничтожению пережитков родового строя и к установлению афинского государства. А. И. Тюменев и С. И. Ковалев считают начало рабовладельческой формации (т. е. классового общества) с реформы Солона, а историю общества приблизительно с конца VIII—VII века представляют как период революции, переходный период к классовому обществу. При такой постановке вопроса, естественно, они имеют возможность „доказать" революцию, потому что революция внутри античного общества входит в их общую схему. Следовало бы ожидать, что специальный доклад о революции VII—VI веков даст если не окончательные, то хотя бы примерные этапы этой революции, т. е. наметит ход развития этой революции. А. И. приводит все события, совершившиеся на протяжении полутораста лет. От сгущения фактов получается туманная картина революции, революции, в которой трудно понять: кто против кого борется. § 10 тезисов А. И. Тюменева отражает ярчайшим образом эту путаницу в вопросах революции. Там сказано: „Развитие денежного хозяйства, ведущее к задолженности масс, *довершает разрушение старых родовых связей*". Совсем по Энгельсу. Это и есть общественный переворот. Дальше идет следующее утверждение: „И доводит все противоречия, возникшие внутри родового общества, до крайней степени". То есть, родовой строй вновь оживает. „Родовые учреждения перестают удовлетворять своему прежнему назначению и обращаются в оковы дальнейшего развития. Социальная революция становится неизбежной".

А. И. Тюменев, как видно это из тезисов и доклада, старался придерживаться изложения этого вопроса у Энгельса в „Происхождении семьи". Но смерти и воскресения рода у Энгельса мы не видим. Это противоречие между положением Энгельса и утверждением Тюменева объясняется тем, что А. И. Тюменев представляет противоречия родового общества антагонистическими, в то время как Энгельс говорит об антагонизме классового общества, а родовой строй рассматривает как пережиток первобытно-коммунистического общества, бытующий в условиях античного общества. Естественно, будучи формой развития первобытного коммунизма в условиях античного общества, родовой строй становился реакционной, тормозящей силой. Дальнейшее развитие античного способа производства при окончательном формировании класса рабовладельцев приводит к окончательной ликвидации родового строя. Вопрос о том, быть или не быть родовому строю и связанной с ним родовой аристократии — евпатридам, решается классовой борьбой, в которой имущественная аристократия захватывает власть в свои руки, что наглядно показывает реформа Солона.

В конституции Солона был введен новый элемент — частная собственность: „Права и обязанности граждан государства измерялись в зависимости от их земельной собственности".

Тт. Тюменев и Ковалев основываются на одном положении Энгельса, которое, будучи вырвано из всей концепции Энгельса, приводит А. И. к неправильному положению. Вот это место (стр. 171): „Афины представляют собою самую чистую, наиболее классическую форму; здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества". Для происхождения афинского государства это вполне исчерпывающая характеристика. Для познания революции только одна эта цитата ничего не дает. Даже наоборот. То понимание родового общества этого периода (т. е. VII—VI вв.), которого держатся А. И. Тюменев и С. И. Ковалев, дает больше оснований для отрицания революции, чем обоснования ее, так как развивающиеся классовые противоречия внутри рода становятся классовыми противоречиями, в полном смысле этого слова, только в классовом обществе, именно такими противоречиями, которые своей высшей формой порождают революцию. Для тт. Ковалева и Тюменева это „родовое устройство" с развивающимися классовыми противоречиями имеет те же основные противоречия, которые имелись в родовом обществе времени, когда внутри него не было „места для господства и угнетения", не было „никакого различия между правами и обязанностями". Для тт. Ковалева и Тюменева основные противоречия первобытного коммунизма приводят через революцию формирующихся классов к классовому обществу.

А. И. Тюменев, ссылающийся в изложении на Энгельса и в то же время стоящий на одной позиции с С. И. Ковалевым, пришел к тому, что умертвил родовой строй, а потом воскресил его опять, чтобы показать существование революции при переходе от доклассового общества к классовому. Изложение фактической истории VII—VI веков в докладе А. И. не соответствует выводам, которые он дал в тезисах. Источники, относящиеся к этому периоду, говорят о классовом обществе. А. И. в докладе говорил нам о развивающихся классовых противоречиях этого периода, противоречиях, которые приводят к революции Солона, к образованию афинского государства. Объективное изложение истории этого периода, как уже классового общества, вначале совпадает с концепцией этого периода Энгельса. На 115 стр. Энгельс пишет: „Поскольку родовой строй не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи, оставалось только возникающее государство. И оно действительно доставило ее в конституции Солона".

Далее Энгельс говорит, что „в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников".

„Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. *Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены.* И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы". Кажется, ясно: государство возникает из классовых противоречий. Солон помогает „эксплуатируемому народу". После Солона, пишет Энгельс, „вместо того, чтобы по-старому жестоким образом эксплуатировать собственных сограждан, стали эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей не-афинян".

Таким образом, историю общества, примерно с VII века до н. э., на территории Греции мы можем рассматривать как историю классового общества, которое с реформы Солона определяется окончательно как рабовладельческое общество. Общественный переворот, совершившийся, примерно, в период второй половины VIII века, поставил на место неантагонистических противоречий первобытного коммунизма классовые противоречия, противоречия между евпатридами и мелкими земельными собственниками, между новой имущественной аристократией, выросшей вне родов, и евпатридами, между свободными и рабами. Антагонистический характер этих противоречий определяется прежде всего развитием рабского труда, эксплуатацией крупными земельными собственниками мелких землевладельцев. Эксплуатация мелких собственников выражалась в долговой кабале, высшей формой которой было рабство. С ростом этих противоречий вырастало государство. Энгельс на 114 стр. пишет: „Молодому

государству потребовалась прежде всего собственная сила. У Афин она могла быть сперва лишь морской силой для ведения отдельных небольших войн и для охраны торговых судов“. „Неизвестно, за сколько времени до Солона были учреждены наукрарии... Каждая наукрария должна была соорудить, вооружить и снабдить экипажем одно военное судно и, кроме того, выставляла еще двух всадников“. Реформа Солона окончательно установила государство. В нашей схеме так называемая политическая революция Солона совершается внутри классового общества. Основной движущей силой этой революции были мелкие земельные собственники, которые до Солона представляли из себя потенциальных рабов. Так как при тогдашнем уровне развития производительных сил самый большой прибавочный продукт мог быть получен от раба, то эксплуатация закабаляла непосредственного производителя, превращала его в раба. Во главе этой революционной массы стояли представители торгового капитала, представители рабских мастерских и т. д. Революционное движение эпохи Солона можно считать революцией потому, что это было массовое движение угнетенных против эксплуататоров. Это революционное движение окончательно уничтожило пережитки родового общества. Развивающееся деление общества на классы, на рабов и свободных внутри бывших родовых организаций было направлено на превращение в рабов завоеванных иноплеменников.

Р. В. ШМИДТ

Рабовладельческий сектор, выдвигая на пленуме проблему социальной революции в античном обществе, тем самым окончательно переводит исследование от изучения отдельных вещей, как вещей в себе, от изучения фактов ради фактов к исследованию истории рабовладельческого общества во всех его проявлениях, к изучению первой формы классового общества на основе классовой борьбы, ведущей, движущей силы развития общества. Наш пленум имеет значение также в том отношении, что он заставляет задуматься над целым рядом вопросов, заставляет поставить ряд проблем, требующих углубленной проработки на конкретном материале. Проблема социальной революции, будь то пролетарская революция или буржуазная, или революция в античном обществе, тесно связана с вопросом об укладах; этот вопрос не был затронут в докладах, и я его коснусь.

Тов. Сталин, перечисляя характерные черты пролетарской революции в отличие от буржуазной, первым пунктом выдвигает следующее: „Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская

революция начинается при отсутствии или почти отсутствии готовых форм социалистического уклада". Обращаясь к революционному перевороту, происшедшему в период формирования античного рабовладельческого способа производства, который завершил это формирование утверждением нового способа производства и окончательным захватом власти классом рабовладельцев, необходимо поставить вопрос, какие элементы различных общественно-экономических укладов имелись налицо в недрах разлагающегося родового общества. Несомненно в нем вызревали уже частички, элементы новой экономической формации и прежде всего элементы рабовладельческой формации в форме патриархального рабства, существование которого прекрасно иллюстрирует гомеровский эпос. Именно интенсивное развитие рабства еще на стадии разложения родового общества явилось необходимым условием формирования рабовладельческой формации. Но наряду с этим важно также уточнить наличные элементы других общественно - экономических укладов и их роль; несомненно, были элементы первобытнокоммунистического способа производства, на которые указал и А. И. Тюменев. Но мне кажется, что А. И. недостаточно заострил вопрос, больше перечисляя разнообразные пережитки родового строя, чем выделяя наиболее существенные моменты; так, он не осветил вопроса о существовании в последней фазе разложений родового общества, различных форм производства, их взаимоотношение и их роли в развитии общества. Были, мне кажется, также элементы „феодального способа производства", не получившие широкого развития, оставшиеся в зачаточном состоянии, так как тогда еще не было подходящих условий для развития более прогрессивного способа производства, чем рабовладельческий. Разложение родового общества, вызванное развитием частной собственности, как показывает конкретный исторический материал, в одних случаях может привести к рабовладельческому способу производства, в других к феодальному. Маркс в письме к В. Засулич (3-й черновик) писал: „Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т. е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичное образование, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве".

Почему в Греции результатом разложения родового общества было возникновение и развитие рабовладельческого способа производства, как первой простейшей формы эксплуатации, подробно развивал А. И. Тюменев, поэтому я не буду на этом останавливаться. Я хочу коснуться вопроса о существовании в недрах уже сложившегося рабовладельческого бщества особого уклада, в форме мелкого производства зависи-

мых крестьян, причем эта группа играла также свою роль и в классовой борьбе в античном обществе. В связи с своеобразной формой развития рабовладельческого общества специфическую форму принимают и уклады. Разумеется, вопрос об укладах следует поставить и для Греции и для Рима, в зависимости от конкретных условий их развития. Я ограничусь только Грецией. В то время как в некоторых общественных образованиях, особенно находящихся в прибрежных областях, вовлеченных в широкий торговый обмен, развитие рабовладельческого общества шло быстрыми темпами, другие области оставались еще долгое время экономически отсталыми, например, долго сохранялся родовой строй в Этолии, как говорил А. И. Тюменев, в Эпире, в Локриде до IV в. не было рабства.

Таким образом, мне кажется, что вопрос об укладах в античном обществе следует ставить в двух направлениях: 1) в направлении исследования общественных образований с определенно выраженным рабовладельческим способом производства, исследования в них остатков элементов предшествующего способа производства и зародышей будущего, 2) в направлении исследования общественно-экономического строя тех общественных образований на территории Греции, в которых не получил еще господства рабовладельческий способ производства и где либо сохранился родовой строй, либо в зачаточной форме сформировалась специфическая форма эксплуатации, отличная от формы эксплуатации рабской силы. Обращаясь ко 2-му пункту, можно отметить, что в ряде областей Греции, по крайней мере доэллинистического периода, мы встречаем своеобразное экономическое положение класса производителей, отличное от рабского состояния. Об этом писал Энгельс в письме к Марксу в 1882 г.: „Я рад, что по вопросу об истории крепостничества мы, выражаясь коммерческим стилем, действуем согласно, несомненно крепостное отношение не является специфической средневековой формой. Мы встречаем его всюду, где завоеватели заставляют старых жителей обрабатывать землю, так было, например, в Фессалии в очень раннее время“. Обратил внимание Энгельс и на Спарту, говоря, что „Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашних рабов, крепостные илоты жили обособленно в имениях“. Экономическое положение этих непосредственных производителей, типа крепостных, тем отличалось от рабства, что они вели самостоятельное хозяйство и снабжали своих господ сельскохозяйственными продуктами в форме отработочной ренты, а иногда ренты продуктами. Илоты, например, должны были сдавать в год 82 медимна зерна и другие продукты, как масло и вино. В правовом отношении они иногда почти приравнивались к рабам, и поэтому античные авторы, не вдаваясь в эконо-

мическую сущность, иногда называли их рабами (δοῦλοι), хотя более вдумчивые авторы, занимающиеся экономическими вопросами, как, например, Аристотель, определенно выделяют пенестов „крепостных“ в Фессалии и спартанских илотов в особую группу, отличную от рабов, как занимающих промежуточное положение. В сущности говоря, и рабы в некоторых конкретных случаях теряли свою специфику: они могли, например, иногда иметь даже собственность (что как будто не вяжется с классическим понятием раба), но эти отклонения не должны нас смущать, если достаточно выдвинуты основные ведущие моменты. Что же касается класса-антагониста, так это была, как в Спарте, так с некоторыми модификациями и в Фессалии, военная землевладельческая аристократия, тот класс, который в более прогрессивных общественных образованиях был отодвинут на задний план новым торгово-промышленным классом рабовладельцев. В связи со сказанным встает вопрос об уточнении понятия класса в античном обществе. „Эпоха буржуазии отличается тем, — говорится в Коммунистическом манифесте, — что она упростила классовые противоречия, все общество раскололось на два больших прямо противоположных класса — буржуазию и пролетариат. В предшествующие эпохи истории мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, ряд разнообразных ступеней общественных положений. В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев и рабов... и в каждом из этих классов имеются еще особые ступени“.

В „Аграрной программе русской социал-демократии“ Ленин писал: „Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического лица в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями“.

Устанавливая в античном обществе два основные класса-антагониста, рабовладельцев и рабов, мы должны уточнить вопрос о сословно-классовых подразделениях; особенно это важно для переходных периодов. В этом отношении любопытно замечание Энгельса: „Греция еще в героические времена вступает в историю уже разделенная на классы, самим своим существованием свидетельствующие о долгой предварительной истории, оставшейся неизвестной, но и в ней значительнейшая часть земли обрабатывалась самостоятельными крестьянами, более крупные владения благородных родов и начальников племен составляли исключение и затем скоро исчезли“. Здесь мы подходим к вопросу о существовании классов до образования государства. Ведь, только на определенной ступени экономического развития, которая неизбежно

связана была с расколом общества на классы, государство в силу этого раскола становится необходимостью и, следовательно, появляется. „Государство, — говорит Ленин, — возникало в столкновениях классов". Вопрос о классах до образования государства необходимо еще углубленно проработать, и, мне кажется, он не был в надлежащей степени выдвинут в докладах. Также в отношении, например, крестьянства еще не достаточно уточнен вопрос о группировках античного крестьянства в различные периоды крестьянства, которое не представляло единого цельного класса: в большинстве случаев сельскохозяйственное производство обслуживалось рабским трудом, но были и зависимые типы крепостных, как в Фессалии, в Спарте и отчасти на Крите, были мелкие самостоятельные крестьяне, главным образом имеющие тенденцию превратиться в кабальных долговых — рабов, или в люмпен-пролетариат и отчасти в мелких рабовладельцев. В связи с этим 6-й тезис доклада С. И. Ковалева о группах, враждебных родовому строю, мне кажется, требует бо́льшего уточнения. Мы имеем здесь более сложные отношения. Нельзя говорить, что „все рабовладельцы со всеми фракциями, крестьяне, ремесленники, батраки, даже рабы враждебны родовому строю". Крестьяне, пожалуй, не прочь были бы вернуться к общинной собственности, они враждебны не столько родовому строю, сколько аристократической знати — кулакам и мироедам, — как их называет Энгельс в одном письме, — которые разрушили род и которые сами, конечно, были враждебны общинной собственности. Необходимо более расчленить понятие родового строя, особенно в его последней фазе разложения.

В отношении революционных движений, восстаний и мятежей, происходивших в античном обществе, интересный материал, помимо рабских движений, представляют еще крестьянские восстания, в частности восстания зависимых пенестов и илотов, которые не были освещены в докладах. Они происходили еще в цветущую пору, в период мощи рабовладельческого общества в V в. до н. э., быть может, даже раньше. Аристотель говорит, что илоты и пенесты только и ждали момента, чтобы возмутиться против господ. Во время третьей мессенской войны, которая велась со стороны Спарты с целью захвата земель и порабощения населения, в самой Спарте, после землетрясения и в связи с начавшимся голодом, восстали илоты, заняли город Итому и укрепились в нем на 10 лет, представляя для Спарты большую опасность. Плутарх говорит, что „государство в то время было на краю гибели". В V в. известен еще ряд других восстаний илотов, например, восстания, которые были использованы спартанским правителем Павсанием в его борьбе против радикальной аристократической группы. В IV в. известен неудавшийся вооруженный за-

говор Кинадона, который сконцентрировал вокруг себя илотов, периеков и других неполноправных. Классовая ненависть угнетенных илотов к своим господам доходила до того, что они, как говорит Ксенофонт, „с радостью пожрали бы их даже живыми". И в Фессалии, как говорит Аристотель, „пенесты неоднократно поднимали бунты". Эти бунты и восстания крепостных, повидимому, доставляли много хлопот господствующему классу. Аристотель говорит, что „самый надзор за ними [пенестами и илотами] представляет трудную задачу... Если им дать волю, они начинают наглеть и требовать для себя равноправия с их господами, если же держать их в угнетении, они начинают злоумышлять против господ и ненавидеть их". Мы знаем также о тех жестоких мерах, которые принимали спартанцы по отношению к илотам, вспомним, например, криптии, — своеобразную охоту на илотов, безнаказанное избиение их спартанскими юношами, вспомним убийство около 2000 илотов, которых заманили обещанием свободы во время Пелопоннесской войны, как об этом рассказывают Фукидид и Плутарх. Таким образом, не только восстания рабов представляли угрозу античному обществу, но и восстания зависимых крестьян, но, поскольку эта форма эксплуатации имела место только в экономически отсталых областях и не получила дальнейшего развития, эти восстания не переросли в революционные движения и ведущая роль оставалась за революционным движением рабов. Весьма важным вопросом является вопрос, продолжали ли существовать пенесты и илоты, как зависимые производители, также и в эллинистический и римский периоды. Этот вопрос не был еще даже поставлен историками. В эллинистический период происходит массовое освобождение илотов, также и в Фессалии в большом количестве освобождались на волю, но точно неизвестно кто, рабы или пенесты, так как в надписях по большей части не встречаются эти экономические обозначения. Быть может — правда, это еще гипотеза — эта форма эксплуатации была изжита и ее заменила эксплуатация рабов, под воздействием окружающего рабовладельческого способа производства.

Остановлюсь еще кратко на вопросе об основном противоречии. Я не согласна с С. И. Ковалевым, что Маркс в „Немецкой идеологии", в качестве конкретной формы основного противоречия античного общества, выдвигает противоречие между „совместною частною собственностью активных граждан, вынужденных по отношению к рабам держаться этой натуральной формы ассоциации", и частной собственностью, которую С. И. формулирует как индивидуальную собственность. В уже цитированном мною письме к В. Засулич Маркс указывает на переход от первичного образования общества к вторичному как на переход от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной соб-

ственности, причем он определенно говорит, что вторичное образование, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве. Следовательно, рабовладельческое общество рассматривалось им как общество, основанное на частной собственности, но своеобразной, присущей именно только этому обществу, т. е. на частной собственности рабовладельцев. Нельзя, конечно, отрицать существование и античной государственной собственности, например, ager publicus или, например, в Греции государственную собственность на рудники; несомненно, она имела место и могло иметь место и противоречие между государственной собственностью и частной. Но это противоречие не было выражением основного противоречия между рабовладельцами и рабами. Мне кажется, античная собственность — это есть частная собственность рабовладельцев, в условиях государства принимающая форму совместной коллективной собственности. Ведь, государство, как говорит Маркс, „является формой, в которой индивиды некоторого господствующего класса выявляют свои коллективные интересы". Специфическая государственная собственность в форме ager publicus и др. есть разновидность той же частной рабовладельческой собственности; ведь, и Маркс в „Немецкой идеологии" говорит: „Это — коллективная *частная* собственность активных граждан, вынужденных по отношению к рабам держаться этой натуральной формы ассоциации". Об этом говорят и надстроечные явления: „Римское право, — как говорит Энгельс, — является наиболее совершенной, насколько мы знаем, формой права, покоящегося на частной собственности".

Основное противоречие в античном обществе, как в классовом обществе, есть противоречие между рабовладельческой системой и рабским трудом; оно есть выражение противоречия между производительными силами и производственными отношениями, так как раб является основным средством производства. В отношении собственности здесь мы имеем рабовладельческую собственность и отсутствие собственности. Первоначально, как правильно говорил С. И., рабство способствует росту производства, но в дальнейшем оно становится оковами для его развития, оно перестает себя окупать, оно становится тормозом для дальнейшего развития производительных сил, тем более, что и воспроизводство рабской силы становится все более и более затруднительным. В результате этого основного противоречия возникают рабские восстания и революционные движения. Наряду с этим основным противоречием между рабовладельческой системой и рабским трудом в античном обществе выступает противоречие между различными группами господствующего класса, приводящее к борьбе „в пределах привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, — как говорит Маркс, —

в то время как огромная производительная масса населения, рабы, представляла только пассивный пьедестал для борцов“. Это была борьба за лучший кусок на основании и с перспективами той же рабовладельческой системы производства. В отношении к собственности это было своего рода количественное противоречие, борьба за богатство; сюда же, мне кажется, можно отнести и противоречие между рабовладельческой собственностью, частной и государственной и „индивидуальной“ собственностью (не рабовладельческой) мелких самостоятельных производителей.

Существенным противоречием в античном обществе было также противоречие между рабовладельческим государством и колонизуемой периферией, а также между Римом и провинциями, без которых не могло существовать античное общество и из которых часто путем жестокого насилия выколачивались различные предметы потребления, предметы роскоши и средства производства в лице рабов. Все это было необходимо для жизни непроизводительных классов античного общества, и это противоречие в конце концов выдвинуло новую силу в лице германцев, сыгравших также свою роль в гибели античного общества.

С. И. КАПОШИНА

В тезисах С. И. Ковалева мы читаем следующее положение: „Факт революционного взрыва старого общества, покоящегося на родовых объединениях, путем столкновения новообразовавшихся общественных классов (в Греции VII — VI вв. до н. э., в Риме V — IV вв. до н. э.) стоит вне сомнения“.

Как известно, результатом взрыва родового общества является появление государства. Бесспорно, что формирование классов и тем более формирование государства происходило в обстановке непрерывной борьбы новообразовавшихся общественных классов. Ибо едва только общество начинает раскалываться в классовом отношении, начинается и классовая борьба в человеческом обществе. Однако насколько правильно видеть эту борьбу новообразовавшихся общественных классов, результатом которой является взрыв родового общества и становление государства, в частности в применении к Риму, именно в классовой борьбе V — IV вв. до н. э., в так называемой борьбе патрициев и плебеев? Может ли борьба патрициев и плебеев V — IV вв. считаться той революцией, которая, по мнению С. И., превратила родовой строй в классовое общество и государство? Происходила ли борьба патрициев и плебеев V — IV вв. еще в пределах родового общества, подготовляя появление государства и разрушая родовой строй, или мы имеем дело с классовой борьбой внутри классового общества в период завершения процесса становления античного способа производства? Является ли, наконец, борьба

патрициев с плебеями в V—IV вв. до н. э. социальной революцией? Эти вопросы вкратце я бы хотела сейчас поставить.

Энгельс, описывая три главных формы происхождения государства и упоминая об Афинах, как о классической форме происхождения государства непосредственно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества, о Риме пишет следующее: „В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию среди многочисленного, вне его стоящего, бесправного, несущего обязанности плебса; победа плебса разрушает родовой строй и на его развалинах учреждает государство, в котором скоро совершенно исчезает и родовая аристократия и плебс“. Первый вопрос, который встает в связи с этим положением Энгельса, следующий. Когда же в Риме произошло это учреждение государства и разрушение родовой организации, как результат победы плебса над родовым обществом? Энгельс дает на это ясный ответ. „Так, — пишет Энгельс, — был разрушен в Риме еще до отмены так называемой царской власти древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него учреждено новое государственное устройство, в основу которого было положено территориальное деление и имущественные различия“. Следовательно, по мнению Энгельса, в Риме разрушение родового строя и учреждение государства произошло еще до отмены власти царей, т. е. до события, условно относимого к 510 г. В частности Энгельс связал это учреждение государства с реформой Сервия Туллия. Употребляя имена и даты, я отношусь к ним условно. Ибо нет ничего достоверного об этом периоде. Но все же в преданиях об этой эпохе и по позднейшим пережиткам можно уловить некоторые правильные нити. Реформа Сервия Туллия, с точки зрения Энгельса, и была той победой плебса над родовым обществом, которая разрушила родовой строй. Речь идет, между прочим, о VI, а не о V и IV вв. Но как мы должны представлять себе эту борьбу плебса с родовым обществом, борьбу плебса с populus'ом? Можно ли ее считать борьбой, порожденной исключительно ростом классовых противоречий внутри самого римского родового общества? Мне кажется, что нельзя недооценивать отмеченную Энгельсом специфику конкретно-исторического процесса падения родового строя в Риме, нельзя не видеть за многими общими чертами различия в ходе исторического процесса в Афинах, с одной стороны, в Риме, с другой. Является ли борьба плебса и родового общества в VI в. до н. э. борьбой угнетенного класса с угнетающим? Что представлял из себя плебс в VI в. до н. э.?

Ясно прежде всего, что плебс был тогда вне римской родовой организации. „Плебеи, — как говорит, напр., Морган, — не были допущены к должностям, к участию в Comitia curiata

и к религиозным празднествам родов". Морган, вооруженный такими знаниями о родовом строе, каких не было и не могло быть у современных ему историков Рима, впервые сумел правильно поставить вопрос о происхождении патрициев и плебеев. Недаром выводы Моргана в этом вопросе были приняты Энгельсом. По Моргану, к плебсу относились те лица, примкнувшие к римской общине, которые не состояли членами римских родов. Плебеи первоначально были не членами другого класса, а членами других племен (или, быть может, другого племени), входивших в состав римской общины. „Плебеем был тот, кто не был членом рода, организованного вместе с другими родами в курию и племя", — это положение Моргана — Энгельса подтверждается всем известным нам фактическим материалом. В Риме, как известно, каждый род был отграничен от другого рода территориально. Вероятно (на это есть ряд указаний), и плебейская община располагалась в особом округе, по мнению Нибура, например, на Авентинском холме. И не является ли уход плебеев на священную гору в более позднее время — плебеев уже во многом других, чем в VI в., — лишь отголоском былой территориальной разграниченности плебса и populus'а? Римский род, как доказывали Морган и Энгельс, был экзогамен, а римское племя эндогамно. И существовавший до закона Канулая запрет браков между патрициями и плебеями, — конечно, уже не теми плебеями, которых мы знаем в VI веке, — не является ли в свою очередь отголоском существовавшего ранее запрета браков между populus'ом и плебсом в силу эндогамности римского племени, ибо плебс к римскому племени не принадлежал. И на совершенно ином материале к точке зрения Моргана и Энгельса на плебеев пришел Н. Я. Марр. Приведя известное место из Нетушила: „частный быт плебеев обнаруживает такие резкие отличительные черты, которые заставляют видеть в плебеях особый этнографический элемент, существенно отличный от патрициев и клиентов", Н. Я. Марр показывает то же самое на основе анализа языка. Плебей есть „доисторическое племенное название", таково положение Н. Я. Марра. „Более того, — пишет Н. Я. Марр, — этнический элемент, представленный плебеями, совершенно иного порядка по своей социальной организации [чем populus romanus]. У них когнатическое право, и в их среде господствует матриархат". Все эти соображения говорят за точку зрения Моргана, Энгельса и Марра о плебеях, как первоначально о членах римской общины, которые не входили в состав римского рода и римского племени и были поэтому бесправны. Однако социальная бесправность плебеев не соответствовала еще экономической угнетенности. Именно об этом времени Энгельс пишет: „Земля была, повидимому, почти равномерно распределена между populus'ом и плебсом, тогда как торговое и

промышленное богатство, впрочем, еще не сильно развившееся, принадлежало преимущественно плебсу". А одновременно плебс был устранен из общественной жизни, как стоящий вне племени, вне римского рода.

Экономические интересы толкали плебс на борьбу с родовым строем. Плебс тогда, в VI в., выступал, как носитель нового способа производства, как борец за новое государственное устройство против родового строя. Бесспорно, это могло происходить лишь потому, что сам populus romanus уже находился на последней стадии разложения первобытно-коммунистического общества. Надо учитывать и революционную роль плебеев, как представителей бесправных, но экономически достаточно сильных чужих племен, живущих в римской общине, в деле разрушения родовой организации. Необходимо признать в этом специфику „римской формы" происхождения государства. „Из-за густого мрака, окутывавшего всю легендарную первоначальную историю Рима, — писал Энгельс, — мрака, еще значительно усиленного рационалистически-прагматическими толкованиями и сообщениями римских писателей-юристов, невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни о причинах революции, которая положила конец древнему родовому строю; несомненно лишь одно, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и populus'ом". Разрушение родовой организации, по Энгельсу, есть результат борьбы с организованным в рода populus'ом вне родов стоящего плебса. Я говорила, что, по мнению Энгельса, эта борьба привела „еще до отмены царской власти" к разрушению родового строя, выразившись в реформе Сервия Туллия, которая создала новое народное собрание, в котором, как пишет Энгельс, участвовали или из которого исключались без различия populus и плебеи. Это разрушение родового строя, которое предание рисует как реформу Сервия Туллия, было бесспорно результатом длительной борьбы и внутри самого populus'а и между populus'ом и плебсом. Указания на это можно видеть, пожалуй, у Плутарха, когда он пишет о попытке Нумы Помпилия реорганизовать римское общество. Плутарх, как известно, пишет о попытке Нумы смешать роды, разделив народ по занятиям примерно на 8 классов. Для нас эта легендарность свидетельства может говорить только об одном: борьба против родового строя, борьба за создание основанного на территориальном делении и имущественном различии государственного устройства, борьба, во главе которой стоял вне родов находящийся плебс, в руках которого было прежде всего торговое и промышленное богатство, началась задолго до Сервия Туллия. Результат этой борьбы известен: им была, как говорит Энгельс, „та реформа Сервия Туллия, которая низвела курии и составляющие их рода к роли частных и религиозных объединений и передала все политические права новым

собраниям центурий и территориальных триб, которая разрушила родовую организацию и учредила государственное устройство". Римское государство, как и всякое государство, возникло как результат революционного взрыва, как продукт непримиримости противоречий классовых групп, появляющихся при разложении родового строя. Но процесс образования римского государства был осложнен наличием бесправного, вне родов стоящего плебса, экономические интересы которого толкали его на борьбу с родовым строем. Реформа Сервия Туллия, учреждение государственного устройства, была решающей победой плебса в деле разрушения родового общества. В этом конкретная историческая специфика римского варианта происхождения государства. Но эта борьба плебса с populus'ом против родового строя далеко не тождественна той борьбе патрициев с плебеями, которая разыгралась уже в пределах римского государства в V—IV вв. до н. э. Если в борьбе плебса и populus'а VI в. коренится одна из движущих сил происхождения государства, то борьба патрициев с плебеями V—IV вв. до н. э., уже после реформы Сервия Туллия, протекала в государственном обществе. Когда я говорю о плебсе VI в., я говорю о стоящей вне родов части римского общества, а не о тех плебеях V и IV вв., о которых говорится в „Коммунистическом манифесте" как об экономически угнетенном классе. С. И. считает, что борьба плебса и populus'а, о которой пишет Энгельс, как о причине разрушения родового строя, есть борьба патрициев с плебеями V—IV вв. Мне кажется, что это не совсем верно. Во-первых, потому, что Энгельс отчетливо говорит об учреждении римского государства в VI в. (не понимая, конечно, это как моментальный акт), т. е. до той борьбы патрициев с плебеям, которую С. И. считает причиной взрыва родового строя и появления государства, а, во-вторых, потому, что плебс V и IV вв. не тот, что плебс VI в., который стоял вне рода, но, как отмечает Энгельс, экономически был достаточно силен. Плебс V—IV вв. частично находился в родах и экономически все больше и больше угнетался в процессе становления античного способа производства. Это видоизменение самого плебса вопрос очень сложный. Но без разрешения его не понять разницы в борьбе populus'а и плебса VI в., с одной стороны, и плебеев и патрициев V—IV вв., с другой. После разрушения родового строя и учреждения государства плебс в старом смысле слова перестал быть бесправной, вне родов стоящей прослойкой, он приобрел политические права; с другой стороны, и populus перестал быть замкнутым родовым обществом, он перестроился в территориальную организацию, он включил в себя множество людей иных племен. В старом смысле этого слова и populus и плебс после возникновения государства перестали существовать. Но возник новый плебс, старое название

было перенесено на совершенно новую социальную группу, которая стала противостоять уже не всему populus'у, а только патрициям. Если основным признаком старого плебса было нахождение его вне родов, то основным признаком нового плебса, частично, конечно, включившего старый, была экономическая и политическая угнетенность. В пользу именно такого видоизменения сущности понятия „плебей" можно привести целый ряд аргументов. Я упомяну некоторые из них. 1) Уже в „Римском государственном праве" Виллемс отметил следующий факт: начиная с Сервия Туллия, плебейство развивается за счет клиентеллы, а со времени республики за счет патрицианства и клиентеллы. Действительно, со времени Сервия Туллия рабы при отпуске на волю уже не вступают в число клиентов, а присоединяются к плебеям. Если раньше клиенты, как люди, зависимые прежде всего, конечно, экономически от отдельных римских патрициев, резко отделялись от плебеев, как от политически бесправных, но экономически независимых, то со времен Сервия Туллия понятия плебса, с одной стороны, и более бедной, экономически придавленной части поселения, с другой, начинают совпадать. Если раньше плебей означал человека другого племени, то теперь это означает бедняка, именно поэтому плебейство теперь начинает совпадать с клиентеллой. (Вопрос о сущности клиентеллы требует, конечно, особого специального исследования). 2) В пределах одного и того же рода появляются патрицианские и плебейские ветви, как говорит Морган, с более позднего времени. Патрицианские и плебейские ветви отмечены, напр., в родах Клавдиев, Валериев, Корнелиев и других. А это с полной очевидностью означает, что существенный признак плебса изменился, он из племенного превратился в экономический. 3) Известно, что до Публия Валерона избрание народных трибунов происходило в еще сохраняющихся куриатных, т. е. родовых, комициях, и только после 471 года оно было перенесено в трибутные комиции. Это говорит за то, что в начале V в. плебеи уже участвовали в родовых собраниях римского народа. Это говорит, что принадлежность к римскому племени перестала быть существенным признаком плебса. Это видоизменение сущности плебса установили Морган и Марр. „При новой системе, — пишет Морган о положении вещей после Сервия Туллия, — плебеи были римскими гражданами, но они были простым народом, вопрос о принадлежности или непринадлежности к роду потерял при этом значение". Точно так же и Н. Я. Марр пишет о патрициях и плебеях: „Впоследствии по забвению различных племенных источников своего происхождения, различной племенной природы оказавшиеся в чисто классовых взаимоотношениях патриции и плебеи". И подобно тому, как изменился в V и IV вв. плебс VI в., измени-

лась в V—IV вв. и борьба плебса с другими общественными групами. Если в VI в., как это отмечает Энгельс, борьба шла между populus'ом и плебсом, т. е. между родовым обществом и вне его стоящей частью населения, то в V—IV вв. борьба шла между патрициями и плебеями, как между классами, вне зависимости от их родовой принадлежности. И если борьба VI в. действительно разрушила родовой строй и создала государство, то борьба V—IV вв. происходила в рамках классового общества, государственного, и была вызвана основным противоречием античного способа производства. Непосредственной причиной движения плебеев было сопротивление мелких крестьян и ремесленников угрозе превращения их в рабов. Основной повод — это борьба с долговой кабалой. Борьба плебеев с патрициями, этой племенной знатью, перерастающей в рабовладельцев, включалась в общее движение угнетенных классов античного общества. Крайне важно, мне кажется, сообщение Ливия о фактическом блоке восставших в 460 г. рабов с плебеями. Он рассказывает, как консулы боялись дать оружие плебеям, как плебейские трибуны препятствовали расправе патрициев с восставшими рабами. Мы имеем дело не с классовой борьбой, направленной против родового общества, а с борьбой классов внутри укрепляющегося рабовладельческого способа производства. Если вспомнить все политические завоевания, которые вырвали плебеи у патрициев, их нельзя будет оценить как борьбу против родовых институтов. Учреждения родового строя потеряли к IV в. всякое существенное значение. И единственный раз, когда Ливий рассказывает о плебейском законе, направленном против остатков родового строя (перенос выборов трибунов из куриатных комиций в трибутные), он прибавляет, что закон прошел тихо. Борьба же велась прежде всего за уравнение прав трибутных комиций с центуриатными, с установлениями, созданными, по преданию, Сервием Тулием при разрушении родового строя. Борьбу патрициев с плебеями V и IV вв., в противоположность борьбе плебса и populus'а ранее, нельзя рассматривать как взрыв родового общества путем столкновения новообразующихся классов, как сказано в тезисах С. И.: она является классовой борьбой рабовладельцев-патрициев с обращаемыми в рабство и блокирующимися с рабами плебеями. Мне кажется, что сила классового сопротивления плебеев была настолько велика, что они сумели вырвать ряд уступок — доступ ко всем государственным должностям, снижение долговой кабалы. Плебеи частично отстояли себя от превращения в рабов, и не этим ли следует объяснить, что, ощущая необходимость в рабах и не имея достаточно покорного источника внутри, римские рабовладельцы должны были искать пополнения рабов извне, расширяя свою военную экспансию. Итак:

1) Борьба плебса и populus'a, разрушая родовой строй, была борьбой вне рода стоящей части населения, политически бесправной, но экономически независимой, с родовым обществом.

2) После разрушения родовой организации изменяется содержание понятия плебс. Его существенным признаком становится не родовой, а экономический, не принадлежность к роду, а бедность и экономическая угнетенность.

3) Борьба плебеев с патрициями V и IV вв. есть борьба с рабовладельцами обращаемых в рабство и сопротивляющихся этому мелких крестьян и ремесленников. Это не есть социальная революция, разрушившая родовой строй, это вообще не есть социальная революция, ибо она не передала власти в руки другого класса, это революционная классовая борьба против укрепляющегося рабовладельческого способа производства.

С. А. ЖЕБЕЛЕВ

Мое выступление не имеет ни в какой мере полемического характера, и я не предполагаю оспаривать правильность тех тезисов, которые высказаны в докладах, сделанных на пленуме.

Целью моего выступления является представить краткую справку по одному частному вопросу, именно по вопросу об общинно-государственной собственности в древней Греции. Я считаю нужным сказать об этом несколько слов, потому что вопрос об общинно-государственной собственности в древней Греции подвергается в некоторых случаях сомнению. Между тем, этот вопрос никакого сомнения не возбуждает. Свобода и автономия, как естественные предпосылки для осуществления идеи греческого полиса, были мыслимы лишь в том случае, если полис был независим от воздействия на него всякой иной силы, вне его лежащей, если он, в особенности, обладал экономической автаркией. Ясно, что в реальности такая автаркия никогда не могла быть достигнута. Но то, что она имела значение не только в сфере греческого теоретического мышления, но что к ней стремился полис и в своей реальной практике, это ясно следует из имеющихся в нашем распоряжении конкретных данных, как литературных, так и документальных, хотя эти данные и скудны, а главное, — отрывочны.

Большинство греческих полисов в основе своей были аграрными государствами, поскольку сама идея полиса в первоначальном ее виде основывалась на объединении города с той сельской областью, которая к нему примыкала и его окружала. Поэтому ясно, что мы в праве говорить, как на это указывали Маркс и Энгельс в своем „Фейербахе", об „античной общинной и государственной собственности".

Греческие обществоведы нередко подчеркивают важное

значение для хозяйства полисов обладания ими земельной собственностью. В проекте Гипподама Милетского определенно говорится о делении территории полиса на три части: посвященную богам, общинную, частную. Аристотель в своем проекте делит территорию полиса на две части, одна из которых должна быть общею, другая принадлежать частным лицам. При этом Аристотель в понятие κοινή включает, конечно, и землю, посвященную богам. Храмы, если только они не принадлежали частным культовым обществам, постоянно рассматривались греками, как государственное достояние, и никогда греческие места культа не владели чем-либо таким, что у нас прежде входило в понятие земель церковных. Ибо церкви, как таковой, античный языческий мир не знал, как не знал он и духовенства, как особого сословия: греческие служители культа были только служителями культа, т. е. в конце концов такими же государственными магистратами, какими были архонты, казначеи, стратеги и пр., вплоть до государственных рабов.

Говоря о государственной земельной собственности в Греции, должно считаться, однако, с тем, что лишь немногие полисы обладали более или менее значительной территорией, на которой могли бы существовать большие государственные земельные угодия.

В самом деле, если исключить спартанское государство, охватывавшее, считая Лаконику и Мессению, около 8400 кв. км., если исключить афинское государство, имевшее в Аттике 2650 кв. км, то вряд ли был в материковой и островной Греции такой полис, территория которого занимала бы пространство более чем 1000 кв. км. Коринф имел 880, Самос 600, Сикион 360, Эгина 80, Делос вместе с Ренеей 22 кв. км. Из колоний лишь отдельные малоазийские колонии и, в особенности, некоторые сицилийские и южноиталийские имели большую площадь. Сюда же нужно отнести наше Боспорское царство — этот в полном смысле уникум колониальных образований древности.

Итак, в общем незначительные территориальные размеры греческих полисов исключали возможность образования в них более или менее значительных государственных земельных угодий. В этом отношении, конечно, и речи быть не может о существовании в Греции чего-либо, напоминающего римский агер публикус. Ведь, последний характеризуется в римском праве, как ager ab hostibus captus, так как земля эта становилась государственной по праву военной добычи, хотя и тут Рим обыкновенно отбирал в государственное пользование лишь $^1/_3$ завоеванной территории. Греческие полисы часто воевали между собой, но характер и смысл этих войн были совершенно иными, о чем я тут распространяться, однако, не могу. Таким образом, общественно-государственной земли в смы-

сле римского агер публикус в Греции не было и быть не могло, так как в ней не было такого государственного образования, которое могло бы быть сравниваемо по своему значению с Римом.

Тем не менее и для греческих полисов мы располагаем определенными данными, позволяющими утверждать существование в них общинно-государственной земельной собственности. Образование ее ведет начало еще из эпохи перехода греческих племен от кочевого к оседлому быту. Обыкновенно уже в процессе оседания племен происходило и деление территории, занятой тем или иным племенем, на особые наделы. Особые наделы были выделены для богов, для царя и, в некоторых случаях, для отдельных выдающихся лиц. При ликвидации наследственной царской власти прежние царские земельные угодья обыкновенно были передаваемы в собственность царской фамилии, и за исключением этого более или менее значительными земельными участками обладали возникшие в процессе образования сначала аристократического, затем демократического полиса родовые объединения, не говоря об общегосударственных святынях.

Земельные угодья, принадлежавшие всем этим подразделениям гражданской общины, мы в праве считать общинно-государственной собственностью, поскольку все эти подразделения составляли интегральную часть самого полиса. Вся остальная земля уже в гомеровское время составляла частную собственность, которая, несомненно, превалировала над собственностью государственной, но не исключала ее. Полис не был заинтересован в расширении своей земельной собственности, так как последняя в виду ее небольшого размера не могла служить для него особо доходной статьей его бюджета. К тому же лишь немногие области Греции могли похвастать обилием плодородной территории, которая могла бы приносить государству при ее эксплуатации барыши. Поэтому даже конфискованные по судебному приговору или в силу государственного декрета земли не удерживались государством в своих руках, а продавались. И даже радикальная демократия никогда не требовала обобществления земли, а требовала лишь нового ее передела. Государственная собственность (я имею в виду земельную собственность) сдавалась на откуп в частные руки. В этом отношении для Афин имеется показание Андокида в его речи о мистериях, где говорится, что один из обвинителей Андокида, взяв на откуп государственную землю, собрал от ее обработки 90 мин, но деньги не сдал государству, а скрылся с ними. Точно так же о сдаче на откуп государственной земли в Евбейской Халкиде говорит Демосфен в речи против Лептина, Плутарх в биографии Алкивиада. То же говорит Фукидид в отношении Фив.

В греческих надписях мы находим постоянное упомина-

ние о χώρα δημοσία или χωρίον δημόσιον, и это из самых разнообразных мест и из различных времен. Вот несколько наудачу выбранных примеров: Зелея, Милет, Нарфакий, Мелитея, Пирея, Нисир, Халкедон, Фисба и пр. и пр. Уже от первой половины V века дошел пограничный столб из Пирея, где упоминается о государственной земельной собственности. Прибавлю еще свидетельство из псевдо-аристотелевой „Экономики" относительно Византии. Иногда полис владел на непринадлежавшей ему земле своими домами οἰκίαι, которые таким образом должны быть рассматриваемы также как одна из частей общинно-государственной собственности.

Многочисленные полисы материковой Греции, в особенности в Фессалии, в Фокиде, в Пелопоннесе, на Крите и др. островах, равно как и колонии, имели в своем распоряжении значительные выгоны, составлявшие государственную собственность. Каждый гражданин имел право пасти на этих выгонах принадлежавший ему скот, уплачивая за это государству особые пастбищные деньги. Для иноземцев существовала особая привилегия — право пользования общественным выгоном. Обо всем этом сохранились многочисленные упоминания в надписях из разных мест.

Рудники в тех полисах, где они имелись, составляли особую статью общинно-государственной собственности. Самый известный пример — Лаврийские рудники в Аттике. Их эксплуатировало отчасти само государство, отчасти сдавало эксплуатацию на откуп. Кроме того, мы знаем об эксплуатации золотых россыпей на острове Сифносе, на Фасосе и на материке против него в Скаптесиле.

Не должно забывать также, что некоторые государства располагали и своими рабами. В Афинах они являлись мелкими агентами некоторых государственных магистратов. Полицейские обязанности несли так наз. скифы, которые также вербовались из числа рабов, принадлежавших государству. Наконец, и спартанские илоты, строго говоря, были государственными крепостными. Правда, они сидели на участках, принадлежавших спартиатам, но считались исключительно государственной собственностью, и государство спартанское имело над ними далеко идущую власть (криптия!).

Выше было указано на то, что имущества, принадлежавшие храмам, должны были быть рассматриваемы как государственная собственность. Эти храмы или, правильнее сказать, святыни, со всеми относившимися к ним учреждениями, сооружениями в виде сокровищниц и т. д. обладали большими доходами, получавшимися с больших земельных храмовых угодий, от приношений, штрафных денег, сумм, оставленных по завещанию и т. д. Святыни накапливали большие средства и являлись своего рода государственными банками. Правда, между храмовым и государственным имуществом

всегда проводилось строгое различие, однако уже с раннего времени государство взяло в свои руки управление и контроль за всеми храмовыми сокровищами, и „казначеи священных денег“ были государственными должностными лицами. Храмы не могли никогда вести своей сепаратной финансовой политики. Они ссужали денежные суммы своему или чужому государству, и это рассматривалось как государственный заем, который облагался процентами и по возможности возвращался. Но очень часто, особенно в военное время, случалось, что полис пользовался храмовыми средствами под видом полученной ссуды и не заботился о ее возвращении. В этом отношении характерно приводимое у Фукидида свидетельство о том, что Перикл в начале Пелопоннесской войны, перечисляя финансовые ресурсы Афин, указывал на то, что на Акрополе в его храмах хранилось чеканной монеты 6000 талантов, нечеканенного золота и серебра не менее чем на 500 талантов, и даже на то, что в крайнем случае Афины могут воспользоваться золотым облачением со статуй Афины Девы. Короче говоря, все храмовое имущество Афин рассматривалось как государственная собственность.

В эллинистическую эпоху, повидимому, существовали уже государственные банки, не стоявшие в связи со святынями. В одной милетской надписи упоминается об этом; то же самое и в других местах.

Как известно, греческие полисы сравнительно редко прибегали к установлению государственной монополии на те или иные предметы производства. Тем не менее мы знаем, что в Византии государство монополизировало рыбную ловлю. То же самое было в Каллатисе; на Делосе была монополизирована ловля пурпурных улиток и т. д.

Таковы те некоторые конкретные данные, которые определенно указывают, что понятие общинно-государственной собственности было далеко не чуждо греческим полисам. Это относится и к эллинистической эпохе в применении к тем городам, которые сохраняли строй полиса в обширных эллинистических государствах монархического типа. Что же касается эллинистических монархий, то наличие в них „царской земли“ достаточно хорошо известно. Говорить об этом не входит в программу моего короткого выступления, целью которого было лишний раз подчеркнуть, что не только в теории, но и на практике понятие об общинно-государственной собственности вряд ли может быть оспариваемо.

В. В. СТРУВЕ

Мне хотелось бы сказать несколько слов относительно привлечения А. Г. Пригожиным и С. И. Ковалевым к вопросу, волнующему всех нас, об определении ведущего противоречия рабовладельческой формации одного из первых

трудов Маркса и Энгельса, „Немецкой идеологии“. С. И. Ковалев уже давно указывал на то, что „Немецкая идеология“ представляет собой один из важнейших источников для марксистской методологии, являясь насквозь „марксистской“, и, может быть, т. Ковалев был действительно первым, который данную работу Маркса и Энгельса и привлекал с этой точки зрения. Для меня, как историка древнего Востока, привлечение этого труда является чрезвычайно важным, потому что здесь особенно рельефно выявляется и подчеркивается, как одна из характерных форм древности, именно античная коллективная собственность, резко отличающаяся от феодальной и от капиталистической буржуазной собственности.

Как раз эти наблюдения Маркса и Энгельса относительно коллективного владения гражданами античного полиса рабами я нахожу и в древневосточных государствах: и на Востоке мы имеем тот факт, что граждане древневосточного государства обладают властью над своими рабами только коллективно.

Но об этом я буду говорить 4 июня, а сейчас хотел бы только указать на причину коллективного владения рабами в античном полисе, указанную Платоном. Рабы представляли очень опасное орудие, и по отношению к ним воздействие было главным образом внеэкономическое; идеологическое же воздействие, напр., религия, почти не применялось по отношению к рабу. Платон в 9-й книге (578 Д) своего „Государства“ указывал на то, что рабовладелец, обладающий „очень большим числом“ рабов, до 50 и даже более, чувствует себя в безопасности в городе, так как ему против рабов помогает „весь город“. Если же он жил бы со своими рабами в пустыне, „где ни один свободный не мог бы прийти ему на помощь“, он должен был бы жить в вечном страхе перед своими рабами.

Действительно, именно в таком античном рабовладельческом городе рабовладелец мог рассчитывать на помощь не только со стороны других рабовладельцев, но и всех свободных людей этого полиса. Но из этого не следует, что каждый свободный был коллективным владельцем всех рабов полиса.

Я перехожу теперь к тому пункту, который является для меня, как для историка древнего Востока, наиболее интересным. Этот пункт отмечен в тезисах, которые выставил О. О. Крюгер в своем чрезвычайно интересном докладе, пополнившем материал новыми источниками и фактами, которые до сих пор или были неизвестны, или забыты. Его тезис говорит о том, что Римскую республику нельзя рассматривать в отрыве от окружающих ее варварских племен и обществ. О. О. Крюгер приводит известный эпизод о восстании рабов после второй пунической войны, в которое были вовлечены пунические рабы, пытавшиеся войти в контакт с другими рабами. Он указывает также на некоторые попытки связаться с соседними варварами со стороны спартаковцев.

Этот момент связи рабов античного мира с окружающими варварскими племенами является очень важным моментом и для понимания рабских движений, которые мы имеем на древнем Востоке. Энгельс определяет территорию, которую занимает рабовладельческое общество греко-римского мира, как узкую культурную полосу вдоль Средиземного моря, которая вытягивалась до внутреннего побережья Испании, Франции и Англии. Поэтому эти общества и могли смять германцы, славяне и арабы с востока. Еще больше это относится к классовому обществу древнего Востока, ибо классовые общества древнего Востока являлись только оазисами, находящимися между громадными территориями, занимаемыми доклассовыми обществами.

Рабы могли рассчитывать на поддержку своих свободных собратьев.

Мы имеем указания на то, как легко варварские племена, окружавшие эти классовые оазисы древнего Востока, переходили в область Египта и Вавилона и становились даже опасным для крупных городов.

В первом тысячелетии до н. э. были десятилетия, когда, например, не могли быть проведены процессии между Вавилоном и Борсиппой, потому что кочевники занимали пути между этими двумя городами, несмотря на то, что эти города были очень близки друг к другу.

Мы узнаем из памятников эллинистической эпохи о пребывании в Мемфисской области кочевников. Все это может быть иллюстрировано бесконечным количеством примеров, и вот данная возможность поддержки рабов, которые находились в пределах Вавилонии и Египта, со стороны их свободных братьев была моментом очень опасным для древневосточных рабовладельческих обществ.

Один из таких моментов засвидетельствован в большом папирусе Харрис, который был составлен царем Рамсесом IV для перечисления благодеяний, совершенных Рамсесом III, его отцом, для Египта. В заключительной части этого обширного текста мы читаем: „Слушайте, чтобы я мог рассказать вам о моем благодеянии, которое я совершил, пока я был царем народа. Страна Египет была выкинута вовне, и каждый человек (т. е. египтянин) был напротив нее (т. е. как изгнанный). Они не имели главы в течение многих лет до наступления других времен. Страна Египта была в руках великих и правителей городов. Убивали своего соседа большого и малого. Другие времена наступали после этого с голодными годами. Некий сириец, бывший среди нас (т. е. египтян), сделал себя великим. Он сделал всю страну подданной перед собой одним. Он соединил своих товарищей и грабил имущество их (т. е. египтян). Они сделали богов подобно людям, и жертвы не приносились в храмы“. Это место очень часто упоминалось в

литературе, посвященной связи Израиля и Египта, причем полагали, что здесь имеется указание на пресловутый эпизод Иосифа, так как тут упоминается сириец, который пребывал в Египте, и голодные годы, о которых говорится также в Библии. Оставив этот вопрос в стороне, мы должны признать, что из процитированных строк Харрис вытекает то, что некий сириец, который был в Египте, сделался главою над Египтом и со своими товарищами грабил имущество египтян. Он опирался на большое количество иноземцев-рабов, а также и на варваров, которые пользуются смутами и приходят в Египет. Здесь они сделали богов подобными людям, и жертв им не приносили.

В последующем повествовании Харрис рассказывает о победе Сетнахта, отца Рамсеса III, над „бунтовщиками" и о восстановлении порядка.

Таким образом, люди сирийца названы бунтовщиками, которые восставали против египетского государства.

До сих пор не было обращено внимание на то, что в самом папирусе Харрис мы имеем указание на то, что это восстание „товарищей" сирийца было связано с каким-то передвижением варваров со стороны западных оазисов в самое сердце Египта в номы Тинисский и Ермополитанский. Это было возможно только потому, что они пользовались помощью своих собратьев, которые находились в неволе в Египте.

На странице, где описываются все те постройки, которые были сделаны Рамсесом III для храма Онуриса в Тинисском номе мы находим упоминание о сооружении ворот, чтобы не допускать азиатов и ливийцев, которые перешли древние границы. Такие же указания мы находим и при описании построек в Ермопольском храме. И здесь были устроены крепкие двери из кедра, которые должны были отразить азиатов и ливийцев, перешедших древнюю границу, пользуясь восстанием рабов.

Мне хотелось бы сказать несколько слов относительно того момента, которого коснулся О. О. Крюгер, именно идеологии— религии рабов. В папирусе Харриса указывается на то, что восставшие рабы сделали богов подобными людям и не жертвовали им.

Это напоминает нам одну из египетских сказок, которая повествует о начале войны за освобождение против гиксосов. Там говорится о том, что гиксосский царь не преклонялся ни перед одним богом Египта, а служил лишь своему богу Сету, богу азиатов. Такое гонение на богов Египта со стороны восставших рабов и вторгнувшихся варваров вполне понятно.

Они должны были преследовать богов того общества, которое их угнетало. Любопытно, что очень рано бог Сет в Египте стал богом тех людей, которые восставали против господствующего порядка.

Борьба Сета является вариантом рассказа восстания людей против богов, и злые дела являются параллельно к злым делам бога Сета. Сет, являвшийся богом восстания, смуты, был чрезвычайно близок к сирийскому богу бури Ададу, но бог Адад, как известно, являлся и древним богом того города, который назывался сирийским Илиополем. Это обстоятельство является для нас очень интересным, потому что культ илиопольского бога является именно тем культом, который должен был объединить рабов Малой Азии, восставших против своих господ. Вероятно, главная масса рабов в Малой Азии были сирийцы, ибо Сирия поставляла наиболее ценных рабов, как на это указывали римские писатели. Культы Сирии были шаманические. Вспомним экстатический, шаманический культ у древних пророков Израиля.

Немало моментов экстазамы находим и в пророках VIII—VII вв.

Древнейшее свидетельство об экстатическом культе сирийцев, который сыграл свою определенную роль в восстании рабов в Сицилии и в Малой Азии, мы находим в известном папирусе Венамуна, хранящемся в Музее изящных искусств в Москве. Там описывается, как один египтянин около 1100 года до н. э., за 70 лет до образования царства Саула, попадает в Библ. По дороге он имел столкновение с мощными Сакару, и осторожный финикиец не хотел принять его и требовал его удаления. Египтянин же боялся выехать, чтобы не стать жертвой своих врагов. „Случилось, что князь Библа приносил жертву своим богам и бог схватил его раба, и этот последний стал бесноваться, и он сказал ему (т. е. князю): пусть будет приведен этот посол, ибо Амон это тот, кто его послал, и тот, кто его привел.“ Это произвело такое впечатление на князя, что он разрешил Венамуну остаться.

Мы видим, таким образом, что экстаз, который играл определенную роль в рабских движениях в Малой Азии и Сицилии, уже в древнее время засвидетельствован в Сирии.

Было бы чрезвычайно интересно проследить вообще идеологию рабских восстаний, которые потрясли основу рабовладельческого римского общества.

Б. Л. БОГАЕВСКИЙ

Нельзя не отметить крупного и чреватого плодотворными последствиями сдвига в работе рабовладельческого сектора, представленной в заслушанных нами докладах, в разработке которых принимали участие сотрудники сектора.

Однако, прежде чем высказаться по существу двух докладов, которые меня особенно интересуют, С. И. Ковалева и А. И. Тюменева, необходимо сделать несколько замечаний о некоторых чертах, проявляющихся в характере использования источников.

Во-первых, необходимо отметить недостаточность а, главное, неполноту использования источников.

Отсутствуют археологические источники, а между тем о наличии этих источников весьма красноречиво напоминает та выставка, которая устроена в соседнем зале. Во-вторых, сказывается отсутствие лингвистических источников. Но, ведь, в вопросе о родовом обществе нельзя просто обойти молчанием данные общего учения об языке, не упоминая, почему нет привлечения работ яфетической школы о пеласгах и этрусках. об Ольвии, Альбе-Лонге, о параллели между терминами „брат" и „кровь", о терминах „власти," о попытках приложения палеонтологического анализа к металлическому производству в Греции.

Не могу не отметить и отсутствия привлечения этнографического материала, без которого при разработке этой проблемы не обойтись.

В связи со сказанным не могу не отметить докладов Ковалева и Тюменева. Я почувствовал искусственную изоляцию Греции и Италии, и у меня это впечатление сложилось также потому, что я не слышал анализа ряда мест из работ Энгельса, которые, на мой взгляд, представляют значительную важность.

Почему-то не было проанализировано в вопросе о возникновении афинского государства, не было учтено то, что говорит Энгельс о начальной стадии развития и возникновения государства в связи с „реформами, связанными с именем Тезея". Затем не подвергнуто анализу положение Энгельса о перевороте, который совершается в самом родовом обществе.

Я не слыхал в связи с этим развитого анализа положения Энгельса о том, что „государство в Греции возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества".

Следовало бы в связи с этим проанализировать место из „Анти-Дюринга", где Энгельс говорит, что „Греция еще в героические времена вступает в историю уже разделенной на классы, самим своим существованием свидетельствующие о долгой предварительной истории, оставшейся неизвестной, но и в ней значительная часть земли обрабатывалась самостоятельными крестьянами; более крупные владения благородных родов и начальников племен составляли исключение и затем скоро исчезли". Как же эти крупные владения исчезли? Почему?

Между тем, теперь эта „предварительная история" становится известной, она охватывает тот крито-микенский период, который во времена Энгельса был неизвестен, но наличие которого Энгельс научно предчувствовал.

Затем не учтено замечание Энгельса в работе „О происхождении семьи" о том, что после Тезея „история Афин вплоть до Солона известна весьма неполно". На все эти стороны, свя-

занные с началом афинского государства, казалось бы, нужно было обратить особое внимание, использовав в частности археологические источники, потому что необходимо дать отчет о том, что происходило в эти периоды, связанные с возникновением афинского государства.

Мне кажется, что если этого не сделать, то получается своего рода „укороченная" история Греции.

Мы слышали по тезисам, что история Греции начинается с VII—VI вв. Что же было раньше? Что было в VIII—IX—X вв.? Я беру именно эти века, так как в XI в. мы будем находить еще памятники материального производства микенско-критского периода.

Действительно, как объяснить массовое применение железного оружия в этих веках? Почему изменилась форма построек и погребений? Как объяснить совершенно особенную керамику так наз. „геометрического стиля" этого времени, и в частности дипилонские сосуды, которые совсем не являются микенскими. Если же они не греческие, то куда они относятся? Вообще, куда относятся все археологические материалы от X в. до VII в., т. е. послемикенские и т. д? Затем еще пример укороченной истории. Я подсчитал по докладу С. И. распределение столетий, и вот что получается: VII—VI вв. — разложение родового общества и революционный взрыв. С IV века начало процессов распада античного общества с I по IV начало упадка античного общества и его падение. Таким образом, 200 лет разложения и 800 лет распада. Остается стабильным один V век. И, наконец, последнее. В докладах С. И. и А. И. я остро почувствовал несомненную разобщенность между рабовладельческим и архаическим секторами в работе по изучению истории родового общества. Мне показалось, что в отдаленных территориях второго этажа античного сектора родовое общество какое-то другое, чем в третьем этаже. В античном секторе родовое общество это какой-то монолит. Между тем в архаическом секторе по родовому обществу работают две специальные бригады: одна старается установить, что такое родовое общество, а другая занята историей его разложения. А в рабовладельческом секторе одно родовое общество, которое в VII веке взрывается. Где же правильное понимание родового общества? Может быть, это знает только третий этаж, тогда второй этаж попадает в какое-то особое положение потому, что его родовое общество без бытия имеет свойство только разлагаться и распадаться.

Я считаю, что нужно, чтобы у нас было больше общего в работе по изучению родового общества.

Теперь я хотел бы высказаться по существу о том, что меня особенно интересует, т. е. о неясном периоде возникновения афинского государства.

Мне кажется, что сейчас вопрос может быть уже разрешен.

хотя бы предварительно, также предварительным было многое из того, что было доложено в первых двух докладах С. И. и А. И.

Стратиграфически, на основании раскопок, мы можем теперь говорить как о факте о том, что Тиринф с его киклопическими стенами, постройками и фресками, который обычно относили к XVII веку, теперь, оказывается, на основании данных стратиграфии, принадлежит к XIII веку. Иначе говоря: мы застаем расцвет Тиринфа в XIII веке, а когда, как принято говорить, появляются дорийцы в Греции (которые, по-моему, ниоткуда и не приходили), к этому времени Тиринф падает. Я уверен (как об этом говорю в своей печатающейся в Сборнике Академии Наук в память Маркса работе „Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и Микенах"), что там произошел переворот, который открывает собой не что иное, как период становления античного государства.

Уже в X веке мы ничего подлинно микенского в Греции не находим, кроме пережитков. Существенно все изменяется и „Микенон Дерсис", и падение Тиринфа это, примерно, X век.

По-моему, именно около этого времени и происходило все то, о чем говорит Энгельс в „Анти-Дюринге". Теперь это может быть учтено на основании археологических источников и критики литературно-филологических материалов с учетом данных языка и этнографии. Но из моих слов нельзя выводить такого положения, что кончилось первобытнокоммунистическое общество и завершился первобытнокоммунистический способ производства и сразу же установился античный способ производства.

Этого никак сказать нельзя. Маркс говорит, что мы должны учитывать „хаос переходных форм", через который осуществляется разрешение противоречий в способе производства. Мне думается, что этот период времени Микен и Тиринфа на высшем этапе разложения родового общества, падения первобытного коммунистического способа производства, одновременно является начальным периодом античного афинского государства. Затем тянется длительный период дальнейшего становления и укрепления государства, и наконец мы попадаем в VII—VI вв., когда в процессе уже образовавшегося государства и в процессе укрепляющихся антагонистических отношений мы будем иметь длительную серию тех революций, о которых говорит Энгельс в связи с Солоном и Клисфеном.

Вот так я себе рисовал этот неясный начальный период, из которого и за которым идет классовое общество античной Греции. Я думаю, что уже сегодня вряд ли можно сказать, что все мои предположения в этом случае являются необоснованными.

Мне думается, что это можно было бы сделать в том случае, если бы было доказано обратное при показе того, что

представляют из себя археологические материалы разбираемых периодов и пережитки в истории в узком смысле слова, в литературе, в религии и в праве „этрусско-пеласгического“ периода.

Я хотел отметить еще один вопрос в связи с докладом А. П. Тюменева. А. П. пытался показать следы матриархата в античной Греции. Для этого надо взять крито-микенский период, где мы имеем больше чем нужно материала как раз с момента, когда происходит отмена матриархата и возрастает экономическое значение мужчины и возникают предпосылки к образованию мужского божества. Что представляет из себя греческий Олимп с его супружескими богами, как не пережиток крито-микенского периода, где было только господство женского существа и где только начинало нарождаться будущее мужское божество. Как будто бы этот вопрос в общем достаточно исследован.

В заключение я хочу коснуться одного вопроса, который я не имею возможности разобрать подробно. Это вопрос об определении в докладе С. И. формы ведущего противоречия. Сегодня я не могу выступить по содержанию этого противоречия, но мне бы хотелось остаться нейтральным в этом отношении. Было бы чрезвычайно существенно проверить положения, выдвигаемые С. И. на анализе процесса противоречий в самом античном способе производства.

На заседании сектора мне хотелось бы получить слово для того, чтобы изложить этот вопрос.

В заключение не могу не сказать, что нельзя не радоваться тому, что сейчас рабовладельческий сектор выдвинул те вопросы, от разрешения которых будет зависеть чрезвычайно многое в деле правильного понимания античного общества.

М. М. ЦВИБАК

Мне представляется, что вся сумма докладов, заслушанных нами вчера и сегодня, является значительным этапом в истории нашего изучения античного общества, и, пожалуй, не только античного общества, но всей нашей работы по изучению исторического процесса, взятого в целом.

Мне представляется, что если можно критиковать отдельные положения докладчиков, а я, в частности, думаю остановиться только на критике основного, ведущего доклада С. И. Ковалева, то вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что основная линия работы пленума, основное направление, взятое им, является совершенно правильным и отражающим тот этап нашего исторического изучения, который является достойным великих задач, стоящих перед нами во всех областях нашего социалистического строительства.

Я хочу отметить, что сейчас для нас особенно ясной ста-

новится та величайшая связь между предыдущими ступенями исторического процесса и тем этапом нашего исторического развития, в условиях которого мы сейчас живем.

Не случайно, что на съезде колхозников-ударников тов. Сталин, стоящий во главе всей борьбы пролетариата за социализм, увязал текущие практические политические задачи социалистического строительства с проблемой исторического процесса, взятого в целом. Тов. Сталин в своей исторической речи подчеркнул наличие трех основных этапов развития человеческого общества, предшествовавших тому этапу, на котором мы находимся сейчас.

И вот, мне кажется, товарищи, что, с одной стороны, те величайшие уроки, которые нам дает наша современная действительность, которые нам дает пролетарская борьба под руководством коммунистической партии и ее вождя т. Сталина, а, с другой стороны, то теоретическое наследство, которое нам оставили Маркс, Энгельс и Ленин, в частности то, что мы находим в основных для понимания истории общественного развития сочинениях Маркса и Энгельса, в „Немецкой идеологии" и в ленинской лекции „О государстве", выдвигают одну крупнейшую проблему. Мне представляется не случайным тот факт, что значительное внимание как докладчика С. И. Ковалева, так и ряда выступавших товарищей было посвящено вопросу об античной государственной и общинной собственности.

Античная собственность в том виде, как она трактуется в „Немецкой идеологии" Марксом и Энгельсом, где она выступает как вторая форма собственности, идущая на смену племенной, общинно-родовой собственности, является формой собственности, отличной ото всех других видов собственности на землю, с которыми мы сталкиваемся при изучении дальнейших ступеней исторического процесса. Мне представляется, что по вопросу об античной собственности нам надо говорить не только потому, что высказываются сомнения в ее существовании, но и потому, что этот вопрос представляется в значительной мере трудным вопросом, так как понимание его заслонено громадной туманной завесой, которую успела распространить буржуазная наука на многие вопросы истории античного мира и феодализма.

Когда Маркс и Энгельс писали „Немецкую идеологию", то они видели конкретного врага в виде гегельянской науки, стоявшей на идеалистическом телеологическом понимании всемирноисторического процесса и т. д.

Когда Маркс писал „Капитал", он уже столкнулся с тем течением в истории античности, которое заполонило современную буржуазную историческую литературу и первым представителем которого был Моммзен. Маркс в „Капитале" подчеркивает, что Моммзен „открыл" капитализм в античном мире.

Открыватели капитализма в античном мире уже разоблачены марксистской критикой. Вся их теория модернизации направлена против революционного марксизма. Будучи разбиты, они все-таки продолжают оказывать свое влияние если не распространением своих теорий в целом, — потому что вряд ли кто-нибудь сейчас поверит Максу Веберу, выступавшему с теорией „рабовладельческого капитализма", — то отдельными элементами своих теорий, которые все-таки продолжают пролезать на страницы выходящей у нас литературы. Например, можно указать на книжку Баженова „Классовая борьба в античном мире", вышедшую в 1931 г. Там все возникновение античного общества объясняется не чем иным, как развитием торговли. Книга Баженова выявляет полное неуменье вскрыть специфические условия развития античной общественно-экономической формации, неуменье понять ее специфику и основное содержание так, как учат нас понимать общественные формации Маркс, Энгельс, Ленин, так, как это показал нам на съезде колхозников т. Сталин.

Книга Баженова трактует не о капитализме в античном мире, а об его фрагменте, в виде скромной категории обмена и торговли. Но это все та же категория, без которой не могут обойтись модернистские теоретики. Модернисты, как буржуа, представляют себе существование только двух основных формаций. Буржуа не видит никаких других формаций, кроме феодальной, которая была разрушена при его рождении, и капиталистической, которую он считает верхом создания. Нельзя отделять вопроса о капитализме в античном мире от вопроса о феодализме.

Модернистские теоретики видят в античном обществе наличие так называемого „средневековья" — феодализма. Одни выдвигают его в виде законченных феодальных отношений — „феодальной эпохи", другие в замаскированном виде одного только „феодального уклада".

Мне кажется, Маркс дает нам то основное направление в понимании античного мира, которое подчеркивает специфичность античной государственной и общинной собственности и подчеркивает, что эта античная государственная и общинная собственность ни в коей мере не может трактоваться просто как пережиток родового строя, а является категорией, объясняющей всю специфику античного рабовладельческого строя.

Никто не станет отрицать наличия пережитков родового строя в античную эпоху. Но дело в том, что Маркс говорит об античной собственности не как о пережитке родового строя, а как о типичной для античного общества форме существования собственности, как собственности общинной и государственной. Иногда возражение против этой категории идет по такой линии: можно признать, мол, существование античной

государственной и общинной собственности, но она существовала только на самом первом этапе античного общества, а в дальнейшем исчезла. Маркс и Энгельс определенно предполагают возможность такого возражения, выдвигая свою концепцию. Они подчеркивают, что сама общинно-государственная собственность находится в определенной системе связи с частной земельной собственностью, которая существует в определенных формах и которая подчинена общинной и государственной античной собственности.

Мы имеем совершенно определенную постановку вопроса у Маркса и Энгельса, которая в обоих переводах „Немецкой идеологии“ дана неудовлетворительно: в ней на основе одного русского текста без привлечения немецкого мы не можем разобраться.

Маркс подчеркивает, что наряду с „общинной собственностью развивается уже движимая, а впоследствии недвижимая частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма“.[1] Итак, частная собственность в античных условиях есть собственность, не соответствующая норме. Маркс разъясняет, почему и в чем заключается ее ненормальное состояние. Частная собственность подчинена государственной и общинной.

Маркс подчеркивает, что до тех пор, пока это подчинение продолжает существовать, пока эта частная собственность не разрывает общинной собственности, существует рабовладельческое общество. В этом месте заключается тот недостаточно точный перевод, который попал и в IV том собрания сочинений и в I том „Архива“. В I томе „Архива“ переведено это место таким образом: „все, основывающееся на этом расчленении общества, вместе с ним и мощь народа, исчезает в той самой мере, в какой развивается недвижимая частная собственность“.[2]

В IV т. собрания сочинений это место дано несколько иначе. Если же мы прочитаем немецкий текст, мы увидим следующее: „in demselben Grade, in dem namentlich das immobile Privateigentum sich entwickelt“.[3]

Слово „namentlich“ относится к слову „entwickelt“, т. е. Маркс подчеркивает, что тогда исчезает античное общество, основанное на рабовладении, когда преимущественно развивается недвижимая частная собственность. Только тогда мы сумеем понять сущность античной собственности, когда мы будем учитывать обе формы собственности, и античную и феодальную, которая идет ей на смену, потому что новой формой собственности, как собственности антагонистической, является феодальная собственность.

---

[1] Собр. соч., т. IV, стр. 12.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 255.

[3] Karl Marx, Der historische Materialismus, Band II. Leipzig. Kröner-taschenausgabe, стр. 78.

Вот почему неверной, смазывающей точку зрения Маркса, является та установка, которая утверждает, что мы имеем в „Немецкой идеологии“ ссылку только на пережиток родовой собственности. В пережитках родовой собственности мы не имеем специфики рабовладения, поэтому родовая собственность, не есть собственность, основанная на высасывании у непосредственного производителя прибавочного продукта. А античная собственность есть собственность антагонистическая.

Преодолевая рабовладение, как основную форму экспроприации прибавочного продукта, ликвидируя рабовладение, как типичную форму разделения общества на классы, общество переходит на новую ступень, основанную на господстве индивидуальной частной собственности. В отличие от этой коллективной, но тоже антагонистической собственности, т. е. собственности, дающей возможность высасывать прибавочный продукт, феодальная собственность носит индивидуальный характер. Тут мы получаем увязку категории, лежащей в основе аграрного строя, с категорией рабовладения, как способа производства. При таком анализе мы подчеркиваем аграрный характер античного мира, вскрываем всю специфику рабовладения и форм собственности, которые являются основой, позволяющей нам выяснить специфику и всей классовой борьбы и возникновения и разрушения государств античного мира. Это сближает различные формы рабовладельческой формации. Античное рабство основано на коллективной собственности, это дает плодотворное направление к выяснению специфики формации древнего Востока, где тоже была государственная и общинная собственность на землю. При этом мы отводим торговле и обмену соответствующее место, а не модернизируем исторический процесс, не сводим все явления античного мира к существованию всемирного царя — торгового оборота, который столь понятен для буржуазии и совсем непонятен для советского издательства, печатающего книгу Баженова.

Мне кажется, что формулировка основного противоречия античного общества, которую мы находим в „Диалектике природы“ Энгельса, и те категории античной общинно-государственной собственности, которые мы находим в „Немецкой идеологии“, являются ключом к пониманию античного мира. Эти самые категории позволяют нам вскрыть и то, чего касался т. Крюгер, говоря о рабстве, как о ступени, без которой не было бы и нашего социалистического общества.

Я всячески поддерживаю аграрную направленность, взятую С. И. в анализе античного мира. Я считаю необходимым обратить внимание на то, что, вскрывая специфику борьбы между двумя формами частной собственности в античном го-

сударстве, следует подчеркнуть момент перехода аграрной истории Рима на новую ступень. Это та ступень, когда крупная частная собственность делается базой для превращения латифундии в скотоводческий район. Энгельс приводит слова Плиния, что latifundia Italiam perdidere (латифундии погубили Италию). Энгельс тем самым подчеркивает наличие растрачивания производительных сил в условиях рабовладельческой формации. Маркс писал о рабовладельческих штатах Америки, что там тоже чрезвычайно быстро растрачивались производительные силы и тогда рабство переносилось из того района, где противоречия его сделались безысходными, в новый район. Отсюда перед американскими рабовладельцами вставала необходимость увеличения количества рабовладельческих штатов.

Это же самое существовало в эпоху античного рабовладельческого общества. Отсюда возникновение греческих колоний для более раннего периода и Римской империи для более позднего.

Необходимость восстановления рабства заставляет переносить его на новую территорию. В этом отражается основная черта рабовладельческого строя, выражающая его противоречие. Вот что Энгельс пишет в „Диалектике природы“ о противоречиях рабовладельческого общества: „Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока наконец (Рим) не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства. Либо же рабство отменяется насильственно или добровольно, и в таком случае прежний способ производства гибнет...“ [1]

И вот этот выход находится в крушении рабовладельческого общества. Крушение рабовладельческого общества связано со специфической эпохой, эпохой революции рабов, и является тем выходом, который позволяет на развалинах рабовладельческого общества положить основу возникновения

[1] Собр. соч., т. XIV, стр. 450—451.

нового общества. Основа нового общества имеет корни в тех самых отношениях, которые подготовлены рабовладельческим обществом, в борьбе между крупной рабовладельческой собственностью и мелкой собственностью. В рабовладельческую эпоху самая коллективная собственность общины рабовладельцев, которой управляют крупные рабовладельцы, препятствует тому, чтобы мелкая собственность как-либо могла бы объединиться. Вот почему невозможно в античном обществе крупное хозяйство не рабовладельческого типа. Крупное хозяйство не рабовладельческого типа возникает как феодальная система подчинения отдельных хозяйств непосредственных производителей в условиях феодализма.

Я вспоминаю сообщение Варрона о том, как один из неудачливых хозяев — римский всадник Габерий — попытался завести стадо из тысячи коз, думая, что он получит с каждой козы столько же денариев дохода, как если бы у него было 10 коз, но из этого у него ничего не вышло, „он ошибся так жестоко, что вскоре потерял всю тысячу коз от болезней“.[1]

Вот эти специфические условия и приводят к тому, что невозможность соединить производство самостоятельных производителей с рабовладельческим хозяйством требует новой формы собственности, которую и создает феодальное общество. Разрешение противоречий античного общества заключено в возникновении нового общества, общества феодального. В этом вся суть разрешения противоречия. Оно не было бы основным противоречием рабовладельческого общества, если бы следующая ступень существования классового общества не снимала бы этого противоречия и не создавала бы нового противоречия.

Я ограничусь пока этими общими теоретическими замечаниями. Я хочу еще остановиться в кратких чертах на некоторых фактических примерах, которыми мне хотелось бы проиллюстрировать те общие замечания об античной государственной и общинной собственности, которые я только что выдвигал.

Мне хочется повторить, что одним из существенных возражений против теории Маркса и Энгельса об античной собственности выдвигают обыкновенно указания на то положение, что эта форма собственности существовала только в самом раннем этапе античного общества.

Поэтому я хочу остановиться на памятнике, который не является памятником раннего этапа. Памятник этот очень засорен, потому что его изучали, оформляли и разрабатывали в ту эпоху существования античного мира, когда античный

---

[1] Варрон, о сельском хозяйстве, II, 3, 10. Цитирую по переводу в книге Д. Н. Кончаловского, Экономическая история Рима.

мир уже разлагался. Я имею в виду римское право, являющееся, если к нему правильно подойти, ценнейшим документом истории рабовладельческого общества. Ряд правовых институтов римского права чрезвычайно хорошо иллюстрируют основные положения Маркса и Энгельса об античной общинной и государственной собственности на землю.

Вплоть до юстиниановской эпохи в Риме существовало два права собственности: dominium ex iure Quiritium и преторское право. А еще раньше существовали четыре права: кроме ex iure Quiritium и преторского права, вплоть до ликвидации неравноправия жителей колоний при Каракалле существовало право собственности перегринское — dominium iuris gentium. до Диоклетиана существовало еще и право собственности провинциальное. Кодекс Юстиниана ликвидировал отличие между квиритским и преторским правом. Источником существования четырех прав собственности является его связь с общинной государственной собственностью. Раньше всего dominium ex iure Quiritium был правом собственности одних только жителей Рима на землю римской городской общины, ее ager publicus — общинную и государственную собственность. Всякая другая собственность должна была оформляться другой правовой нормой, такой нормой было право преторское — для всех тех отношений, которые не входили в состав общинно-государственных.

Дальнейшее расширение Рима порождает появление права собственности для всей Италии, ius gentium, и наконец, особое, основанное на possessio, т. е. владении, обложенном податью (зародыш феодальных отношений), для колоний. Когда звание „civis romanus“ распространялось на неримлянина, на него распространялись и права на общинную и государственную землю, в тех или иных пределах. Оставим перегринское и провинциальное право в стороне. Существовавшие до Юстиниана две системы римского права отражали два разных этапа истории античной собственности. Преторское право было целиком связано с отношениями частной собственности, dominium ex iure Quiritium идет от самых ранних этапов истории Рима и связано, безусловно, с отношениями общинно-государственной собственности.

Даже буржуазные историки права, как, например, небезызвестный идеалист и видный российский контрреволюционный либерал Иосиф Покровский, не могут отрицать того, что вплоть до Юстинианова кодекса в римском праве не было полного господства частной собственности.

Р. В. Шмидт указывала, что Энгельс считает римское право основанным на частной собственности. Энгельс имел в виду, говоря это, систему римского права, сложившуюся в эпоху Гая и Юстиниана. Система римского права построена на частной собственности. История говорит нам, что в сред-

ние века обычно римскому праву, как индивидуальному, частнособственническому, противопоставляли феодальное право с его двойственной категорией, отражающей принадлежность земли феодалам и пользование ею мелким производителем. Это так. Но иное говорит история римского права.

С точки зрения юридического буржуазного мышления, как будто бы нет ничего более собственнического, чем dominium ex iure Quiritium — в том виде, как оно вошло в систему римского права. Отбросим враждебную нам буржуазную методологию, с которой подходят юристы, исходящие из того, что это право собственности есть не что иное, как выражение индивидуальной частной собственности отдельного рабовладельца. Тогда мы поймем, что в основе его лежит государственная и общинная собственность всех рабовладельцев — всего „populus romanus". Вплоть до юстиниановской эпохи существовало это древнее право собственности, заключающее в себе противоречивое сочетание двух родов собственности. Одним из этих родов собственности была собственность, которая называется res mancipi. Сюда относятся прежде всего земельные имущества, находящиеся в Италии (praesidia in Italico solo). Совершенно ясно, что дошедший до нас памятник, который дает этому праву столь широкие территориальные границы, относится к тому времени, когда вся Италия представляла уже собой страну, уравненную в гражданских правах с Римом. Раньше это право было правом только одного Рима. Все жители Италии были уже „cives romani" — римские граждане, поэтому на всех их распространялся институт res mancipi.

Маркс в „Коммунистическом манифесте" говорит о civis romanus как о высшей классовой прослойке, противостоящей другим, более низким, и рабам в первую очередь.

Что же относится к praesidia in Italico solo? Это прежде всего fundus, domus — жребий, усадьба. Если мы разберем правовые категории, связанные с понятием этого жребия, — fundus, то увидим, что эти fundus и domus есть не что иное, как жребий или усадьба, выделенные гражданину из общинной государственной собственности.

Для того, чтобы утвердить свое право на владение землей, римлянин, принадлежащий к господствующему классу cives, произносит формулу такого порядка: „Haec fundum ex iure Quiritium meum esse aio!" (Этот жребий по праву квиритов объявляю своим!) Связь земельного владения с понятием жребия подчеркивает, что владение землей вытекает из принадлежности к общине квиритов и права пользоваться жребием в ее общинной собственности.

В состав res mancipi входили еще и другие категории владений. Это дорога, путь — via, iter, прогон скота — actus, водопровод — aquaeductus, — все это формы владения, тесно

связанные с общественным и государственным земельными имуществами. Сюда же входит и владение рабочим скотом и рабами.

Рабы, ведь, тоже были предметом коллективного владения, их брала с бою община воинов, а не отдельный воин. Маркс говорит о коллективном владении рабами.

Итак, четыре категории — общинная земля, средства сообщения, рабы и рабочий скот — входят в систему res mancipi. Интересно, что из этой именно формы собственности вырастает позже всеобщая форма римской частной собственности. Другими словами, эти отношения общинно-государственной античной собственности являются базой процесса развития последующих форм собственности. Одновременно с этим существует другая категория собственности, регулирующая отношения второстепенные по отношению к основной сельскохозяйственной деятельности отрасли хозяйства: сюда входят владения землей, находящейся вне Италии, т. е. вне общинно-государственной собственности, обложенные налогом — stipendiaria praesidia et tributaria, ferae bestiae — velut ursi, leones (дикие животные как медведи, львы) и все, что не имеет тела, т. е. вещи, quae in corporalia sunt exceptis servitutibus praesidiorum rusticorum, кроме сервитутов в сельских владениях.

Мы видим, что находятся за пределами res mancipi, т. е. за пределами основного права, связанного со спецификой общинной античной государственной собственности, имущества движимые, кроме скота и рабов, земельные владения, находящиеся вне Рима, за исключением сервитутов в сельских владениях, которые, даже если находились на территории вне Италии, принадлежали к res mancipi, и дикие звери. Это все объекты, либо не связанные с римской общиной, либо находящиеся с ней в связи, слабо регулируемой, как, например, оплата stipendium или tributum — налога, установленного для praesidia — земельных владений вне Италии.

Категории res mancipi и res nec mancipi, находящиеся в основных юридических памятниках, отражающих общественные отношения не только эпохи республики, но и эпохи империи, были уничтожены не чем иным, как кодексом Юстиниана. Этот кодекс ликвидировал разницу и между res mancipi и res nec mancipi и между ius Quiritium и „преторским“ правом и установил такую систему общественных отношений, которая соответствовала частнособственническим отношениям, наличным для переходной к вновь нарождающемуся строю эпохи.

Анализ юридических отношений позволяет нам вскрыть общественные отношения и стоящее за ними наличие породившей их античной общинно-государственной собственности

на всем продолжении существования античного мира. Если мы разберем формулы, связанные с укреплением собственности res mancipi, т. е. самый обряд передачи вещи (mancipatio), то мы увидим чрезвычайно интересные подробности, архаичные по своему содержанию и еще больше убеждающие нас в связи res mancipi не с индивидуальной, а общинной собственностью.

Для того, чтобы римлянин мог овладеть объектом, входящим в res mancipi, он должен был совершить особый акт — манципацию (mancipatio), передачу in iure cessio — введение в право. При этом акте должно было присутствовать пять особых свидетелей и весовщик — libripens. Отдельные исследователи видят в этом не просто необходимость иметь свидетелей при акте, а представительство пяти цензуральных классов. В присутствии этих свидетелей произносилась формула „Ex iure Quiritium hunc ego hominem meum esse aio, isque mihi emptus esto hoc aere aeneaque libra". (По праву квиритов этого человека (раба) объявляю — своим, и он пусть будет присвоен этою медью и медным весом). При этом брали медную монетку — сестерций — и ею стучали по весам. Вся эта сделка трактуется историками как замаскированная торговая сделка, потому что настоящая цена в серебре уплачивалась раньше или позже и совершенно не соответствовала символическому счету на медь.

Итак, с точки зрения буржуазного историка mancipatio есть не что иное, как замаскированная торговая сделка. Это, конечно, не так. Зачем нужна еще замаскированная торговая сделка, когда совершается настоящая продажа? Манципация есть пережиточная форма народного собрания, судебного акта коллективного обсуждения, а после него и общественной передачи раба, находящегося в коллективном владении, или общинной земли отдельному гражданину. При этом присутствуют представители общины, 5 свидетелей libripens, которые проводят передачу, отсюда вещи передаваемые — res mancipi, т. е. все, что касается общинной государственной собственности, и nec mancipi — находящееся за ее пределами. Медь отнюдь не деньги, а аттрибут свободного, носящего оружие, изготовляемое из меди. Недаром liberi — дети, liber — свободный и libra — весовая единица — одни и те же слова. Недаром aeneus — медный и Aeneas — имя прародителя римлян Энея — звучат одинаково. Другими словами, мы подходим к тотемному племенному названию, давшему свое имя основному для древнейшего Рима металлу — меди.[1] Тут не может быть замаскированной сделки потому, что тут происходит не замаскированная сделка, а настоящая

[1] См. по этому вопросу Н. Я. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'. Книга о книге, Л., 1927, стр. 57—58.

сделка и замаскированный общинный приговор выдела имущества.

Мне представляется, что мы должны заняться анализом римского права; этот анализ чрезвычайно важен для вскрытия целого ряда вопросов. Безжалостный анализ истинного содержания общественных отношений, стоящих за категориями римского права, отбросив представления буржуазных теоретиков, позволит вскрыть чрезвычайно много важного и интересного, покажет типичные особенности античного общества.

Я хочу отметить, что категории рабовладельческой революции, выдвинутые С. И. Ковалевым, являются наиболее уязвимым местом в его докладе. Толковать солоновскую эпоху как революцию рабовладельцев, впервые создающих государство, представляется мне неправильным. Начальный этап становления классового общества падает на более раннюю эпоху.

Мне кажется, что процессы, связанные с зарождением классового общества и появлением афинского государства, тем не менее находятся в теснейшей связи с этой революцией. Но ни в коей мере эта революция не кладет ему начала. С. И. Ковалев высказывал как-то сомнение, не является ли солоновская эпоха завершающей процесс рождения античной формации. Это гораздо ближе к действительности. Еще надо отметить, что С. И. Ковалев далеко не случайно применяет по сути дела ошибочный термин „рабовладельческая" революция. Когда он впервые выступал на секторе, он согласился снять этот термин. Теперь почему-то он опять вынырнул. Раз у С. И. Ковалева весь процесс заключается в том, что рабовладельцы выступают как прогрессивный класс, совершающий революции, то получается представление о том, что и раньше этого было уже государство и власть принадлежала родовым старейшинам, а потом в процессе революции она перешла к рабовладельцам. Я думаю, что метод аналогии с последующими революциями помешал С. И. до конца проанализировать этот вопрос.

Поправки по этому вопросу, с которыми выступали отдельные работники сектора, в частности тт. аспиранты, заслуживают очень большого и серьезного внимания.

Есть также у С. И. Ковалева и некоторый разрыв между революцией рабов и варварским завоеванием. У С. И. есть, правда, и прекрасная цитата, которая рисует нам, как открывали ворота Рима своим соплеменникам готские рабы, так как завоевание несло им свободу. Тем не менее у С. И. Ковалева налицо все же две не связанные между собой категории — революция рабов и завоевание. По существу же мы имеем в эту эпоху полное слияние обоих процессов. И революция рабов и завоевание являются частями одного процесса. Поэтому только и оказалось возможным рождение феодального общества.

Проблема социальных революций в античном обществе неразрывно связана с проблемой основного противоречия античного общества. В социальных революциях внутренние противоречия классовых обществ находят свое наиболее острое, концентрированное выражение.

Через социальные революции эти внутренние противоречия находят свое разрешение. Вот почему постановка вопроса о социальных революциях античного общества требует, в качестве своей предпосылки, постановки вопроса об основном противоречии античного общества.

Ни один докладчик, за исключением С. И. Ковалева, не развил своих положений в этом вопросе. Один С. И. Ковалев попытался в своем докладе эту проблему поставить и разрешить. Поэтому, останавливаясь на проблеме основного противоречия, я буду главным образом касаться доклада С. И.

С. И. считает, что основным противоречием античного общества является противоречие между „рабовладельческой собственностью" и „индивидуальной собственностью" (§ 8 тезисов).

Правильна ли эта точка зрения? Правильно ли искать выяснение специфической формы движения античного общества, обусловливающего его гибель, внутри отношений собственности? Правильно ли ограничивать проблему основного противоречия пределами собственности?

Отношения собственности играют колоссальную роль в развитии общества и отражают в себе основные противоречия любой общественно-экономической формации.

Так, например, противоречие между частной собственностью капиталистов и отсутствием собственности у рабочего в капиталистическом обществе, или же противоречие между сословной собственностью феодалов и частной собственностью мелкого товаропроизводителя в феодальном обществе, или противоречие между общинной собственностью и частной собственностью, развивающейся в недрах первобытнокоммунистического общества, — все это противоположности, в которых получают свое выражение основные противоречия той или иной общественно-экономической формации. Но все эти противоположности, с моей точки зрения, при всем их значении не являются основными, движущими противоречиями этих формаций.

Могут ли имущественные отношения считаться решающими для выяснения специфики того или иного общества? И сумел ли докладчик в этом вопросе ухватиться за решающее основное звено, через которое можно и должно раскрыть все богатство и всю противоречивость конкретного исторического развития античного общества?

Маркс ставил этот вопрос в применении к капиталистическому обществу. В подготовительных работах к „Святому семейству“ Маркс указывает на то обстоятельство, что „противоположность между *отсутствием собственности* и *собственностью* есть еще не дифференцированная, не рассматриваемая в своем *активном отношении* к своему *внутреннему* положению противоположность; она не есть еще противоречие, пока она не рассматривается как противоположность между *трудом* и *капиталом*“ (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, Гиз, 1929 г., стр. 619).

Противоположность между рабовладельческой и индивидуальной собственностью для античности в такой же мере, как противоположность между частной собственностью и отсутствием собственности для капитализма, не является, с моей точки зрения, основной и решающей противоположностью, основным противоречием античного общества, пока она не рассматривается как противоположность между различными формами труда античного общества.

С. И. прав, когда он видит основное движущее противоречие античного общества в противоречии между двумя антагонистическими классами античного общества, между рабами и рабовладельцами. Это верное положение освещено в докладе, но не подчеркнуто в тезисах. Но С. И. неправ, когда конкретную форму, основное экономическое содержание и базис этого классового противоречия ищет внутри отношений собственности.

„Труд есть субъективная сущность частной собственности,—говорит Маркс,—как исключающий собственность момент, и капитал, объективированный труд, как исключающий труд момент“ (Сочин. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, Гиз, 1929, стр. 619).

Если это положение развернуть применительно к конкретным условиям античного рабовладельческого общества, то, мне кажется, можно было бы сказать. что труд рабов есть субъективная сущность рабовладельческой собственности, и вместе с тем рабы стремятся исключить—и через революцию рабов и исключают—эту античную собственность. А рабовладельческая собственность есть объективированный труд рабов, как исключающий труд момент. В самом деле, рабовладельцы, собственники рабов, не только не трудятся сами, но, вдобавок, рассматривают труд как нечто позорное для свободных людей. В отличие от античной собственности, индивидуальная мелкая частная собственность в античном мире есть прежде всего объективированный труд мелкого производителя деревни и города. В основе и рабовладельческой и мелкой частной собственности лежат определенные формы разделения труда, и поэтому думаю, что в формах труда нужно прежде всего искать тот узел, то основное звено,

которое завязывает основные закономерности развития античного общества.

Вот почему, с моей точки зрения, конкретной формой и экономическим основанием основного противоречия античного общества является противоречие между производством рабов, закрепленным в формах античной собственности, и индивидуальным производством мелких производителей деревни и города.

Система рабства подрывала индивидуальное производство парцельных крестьян и ремесленников по трем основным путям:

первый путь — это путь насильственной аппроприации производителей и отчуждение их от средств производства путем превращения свободных производителей в рабов;

второй путь — это путь конкуренции между рабским производством и трудом свободных производителей; это экономический путь, подрывающий производство индивидуальных производителей деревни и города;

третий путь — это путь превращения труда в сознании свободных граждан в позорное дело, не совместимое со званием гражданина.

Это своеобразный „психологический“ путь, закрывающий возможность развития свободного труда в условиях античного мира.

Система рабства этими взаимосвязанными тремя путями сковывала развитие и разоряла индивидуальное производство парцельных крестьян и ремесленников. Превратившись на определенном этапе своего развития в помеху развитию производства, рабство гибнет, открывая дорогу развитию феодализма.

Если мы попытаемся проследить основные тенденции развития античного общества и развитие классовой борьбы в недрах античного общества, то мы должны будем установить три основных фазы развития античного общества и его классовых противоречий.

Первый этап — это этап перерастания домашнего рабства так наз. героической эпохи в рабство античное и превращение античного рабства в господствующую форму производства. Этот процесс сопровождался закабалением крестьянских масс и формированием так наз. долгового рабства. „Весь простой народ,— говорит Плутарх об этом периоде, — был в долгу у богачей. Он или обрабатывал их землю, отдавая им шестую часть хлеба, или занимал деньги под залог себя. Кредиторы могли взять этих людей к себе в кабалу. Они или обращали их в рабов или продавали заграницу“ (Плутарх, „Солон“, XIII).

Ведущую роль в этом первом этапе острой классовой борьбы, развивающейся внутри античного общества, играют еще не рабы, но мелкие деревенские производители, борющиеся за

ликвидацию долговой зависимости, за раздел земли, за уничтожение самой возможности имманентного рабства, развивающегося экономическим путем через долговую кабалу. Эта борьба парцельных крестьян и ремесленников против долгового рабства, революционным путем ликвидируя пережитки родового строя, открывает возможности для перехода античного рабства на второй, более высокий этап развития.

Второй этап развития античного общества в Греции—и еще с большей силой в Риме—характеризуется развитием крупного рабского производства и вытеснением индивидуального производства свободных. Это вытеснение ведет к разорению огромных масс крестьянства и превращает их частью в античных люмпен-пролетариев, частью же в ремесленников. На этом этапе развития античного рабства основным и решающим звеном классовой борьбы является борьба между рабами и рабовладельцами.

Полоса восстаний рабов в Сицилии и Италии является заключительным этапом этой второй фазы развития античного общества, означающим вместе с тем начало революции рабов и перехода в третью и последнюю фразу развития античного мира.

Третий этап развития античного мира знаменует собой процесс разложения античного способа производства. На этом этапе развития, наряду с ростом мелкого земледелия и мелкого ремесла и повышением их технического уровня и значения в системе общественного производства, рабский труд становится невыгодным и перестает себя окупать.

„Мелкое хозяйство", по Энгельсу, „снова сделалось единственно окупающей себя формой. Рабство перестало окупать себя и потому отмерло" (Происхождение семьи, стр. 151). Мне думается, что на последних ступенях разложения античного общества Римской империи классовая борьба будет характеризоваться перерастанием революции рабов в новую форму развития. Прав был т. Цвибак, когда говорил, что революция рабов это единый процесс. Но в этом едином процессе революции рабов мы должны различить две фазы развития и уяснить специфику каждой фазы. Если в первой фазе развития революции рабов рабы, соединяясь с крестьянами, играли, совершенно явно, ведущую роль, то в последней, заключительной фазе развития роль разоренных крестьян, роль полусвободных колонов и варваров приобретает чуть ли не определяющее значение. „Между рабами и „белыми бедняками",— говорит Энгельс, —двумя классами, одинаково неспособными освободить себя, распался древний мир" (Положение рабочего класса в Англии, Гиз, 1928 г., стр. 48).

Ряд античных авторов в своих высказываниях об экономике античного общества подмечал противоречия, лежащие в его основе. Так, например, уже Аристотель указал на противоре-

чие, лежащее между свободным и рабским трудом. Он указал, что общение свободных с рабами деморализует граждан, не говоря уже о том, что они (рабы) лишают граждан работы.

Если мы присмотримся к ряду высказываний классиков марксизма по вопросу о противоречиях античного общества, то убедимся, что в противоречиях между системой рабства и развивающимся внутри рабства индивидуальным производством классики марксизма видели основное движущее звено развития античного мира.

Энгельс в „Происхождении семьи, частной собственности и государства" говорит о том, что развитие рабства, торговли и промышленности в Греции вызвало „обнищание массы свободных граждан, которым оставалось лишь или, занявшись ремеслом, вступать в конкуренцию с рабским трудом, что признавалось постыдным, да и сулило мало успеха, или же опуститься на дно. Они шли по последнему пути — при данных условиях с неизбежностью — и так как они составляли массу, то они привели этим к гибели все афинское государство. Не демократия погубила Афины, как это утверждают европейские школьные учителя, виляющие хвостами перед монархами, а рабство, вытеснившее труд свободного гражданина" (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, Гиз, 1932 г., стр. 120).

В несколько иной форме, но в том же направлении Энгельс развивает вопрос об основном противоречии применительно к Риму. Он говорит в „Анти-Дюринге": „Италия была обработана по преимуществу крестьянами; когда же, в последние времена Римской республики, крупное землевладение, латифундии, вытеснило мелких собственников-крестьян и заменило их рабами, оно в то же время заменило землевладение скотоводством и разорило Италию, как заметил еще Плиний" (Анти-Дюринг, Гиз, 1931 г., стр. 162).

Энгельс, как видно из приведенных выдержек, противоречие, лежащее в основе античного способа производства, видит прежде всего в том, что система рабства разрушает мелкое производство, подрывая и вытесняя труд свободных производителей деревни и города. Центр тяжести вопроса у Энгельса лежит в формах труда.

В докладе Сергея Ивановича в центр вопроса об основном противоречии поставлена античная собственность. С. И. прав, когда указывает, что в постановке вопроса об античной собственности буржуазные историки античности модернизировали ее, трактуя ее на манер капиталистической частной собственности. Но в этой борьбе против модернизации С. И. впал в в обратную крайность и начал архаизировать античную собственность, подчеркивая в ней ее „общинный характер".

В „Немецкой идеологии" и в работе „О Фейербахе" Маркс действительно говорит об „античной общинной и государственной собственности, „которая возникла благодаря объедине-

нию, путем договора или завоевания, нескольких родов в один город". Но Маркс тут же подчеркивает частный характер этой государственной, коллективной собственности, даже в период синойкизмов носившей классовый характер. Я думаю, что вся суть античной собственности, в ее развитом виде, сводится к праву рабовладельца частного владения рабом и по этому уже одному античная собственность есть особая форма частной собстенности, обеспечивающая рабовладельцам возможность эксплуатации раба.

Чрезмерное подчеркивание общинного характера античной собственности может привести к тому, что мы завуалируем классовый характер античной собственности и сотрем грань между общинной собственностью первобытнокоммунистического общества в его последней фазе развития и частной собственностью коллектива рабовладельцев.

Наличие общинных пережитков в частной античной собственности неверно возводить в суть античной собственности, основываясь на формулировках Маркса, относящихся к собственности периода синойкизмов. В противном случае мы рискуем исказить классовый характер античного государства, превратив его из орудия классового угнетения в орудие защиты общественной собственности. Античная собственность дает возможность и право рабовладельцам частной собственности на раба, закрепляя тем самым систему рабского производства. Вот почему мне думается, что, развивая и углубляя вопрос об основном противоречии античного общества, следует искать ключ к пониманию этого противоречия не столько в формах собственности, сколько в противоречии между рабами и рабовладельцами, учитывая, что экономическим базисом этого классового противоречия является противоречие между рабским производством, закрепленным формами античной собственности, и индивидуальным мелкособственническим производством хозяйства парцельных крестьян и ремесленников.

Революция рабов, разрушившая античное общество, разрешила это противоречие, превратив мелкое производство крестьян в базу нового феодального способа производства.

Вот почему, в отличие от т. Цвибака, я думаю, что точка зрения, выдвинутая С. И., акцентирующая вопрос на рабовладельческой общинной и частной собственности, не объясняет с нужной полнотой переход от античности к феодализму.

Думается, что если мы учтем, что основным противоречием античного общества является противоречие между рабами и рабовладельцами, акцентировка на производительных силах и формах труда, в их связи с формами эксплуатации и формами собственности, даст больше возможностей для правильного объяснения процесса перехода от античного способа производства к феодальному способу производства.

А. Г. ПРИГОЖИН

Подводя итог нашего двухдневного заседания, прежде всего следует отметить положительную работу, проделанную сектором рабовладельческой формации. Несомненно, что наша сессия явится определенной вехой в работе сектора. Это тем более следует отметить, что идея настоящей сессии принадлежит Н. Я. Марру, который, столкнувшись в одном вопросе с работой наших античников, должен был констатировать известное несоответствие работы сектора установкам Академии. Не будет преувеличением заявить здесь, что после настоящего пленума сектор рабовладельческой формации с правом будет продолжать занимать то передовое место, которое он занимал в прошлом в работе нашей Академии.

Далее следует также подчеркнуть значительную работу, проделанную как докладчиками, С. И. Ковалевым, А. И. Тюменевым, О. О. Крюгером и А. В. Мишулиным, так и выступавшими в прениях товарищами, в частности В. В. Струве и Б. Л. Богаевским. Особенно радостно было выступление наряду со старыми специалистами нашей молодой смены, научных работников, воспитанных Академией, которые обнаружили уменье подойти к большому историческому материалу с точки зрения марксистско-ленинской методологии.

Теперь, подходя к разбору существа заслушанных здесь докладов, следует отметить, что не ко всем выводам, к которым пришли докладчики, придется отнестись одинаково.

Прежде всего, первая проблема, которой мы должны были заниматься и занимались на пленуме, посвященном основным вопросам рабовладельческого общества, была проблема генезиса античной формации. Это новая проблема, не поставленная до сего времени как следует в литературе, и с этой точки зрения естественно, что при ее разрешении приходилось сталкиваться с трудностями по овладению фактическим материалом. Приходилось привлекать источники и материалы, которые до сего времени не были в руках историков-марксистов, тем более не были ими освоены, не говоря уже о методологически правильном подходе к материалу. Доклад А. И. Тюменева, пытавшегося разрешить проблему генезиса античного общества при помощи теории „генетической“ революции, несмотря на то, что был построен на привлечении большого материала и критического разбора литературы, не дает нам все же оснований считать все его выводы определенно доказанными. Выступление С. И. Ковалева по тому же вопросу о „генетической“ революции может рассматриваться в том же плане, что и доклад А. И. Тюменева. Проблема „генетической“ революции не может считаться на данном этапе ее разработки разрешенной положительно и мы можем принять концепцию „генетической“ революции лишь

как одну из рабочих гипотез, требующих дальнейшей разработки.

Когда мы говорим о социальной революции в античности, то мы, естественно, можем разрешить эту проблему лишь анализом проблемы основного противоречия античного общества. Основное противоречие рабовладельческого общества (точнее — специфическая форма движения данного общества) является ключом к раскрытию содержания движущих сил социальной революции античности. Подходя к проблеме „генетической" революции с точки зрения основного противоречия в развитии античного общества, нетрудно убедиться, что даже методологически проблема „генетической" революции оказывается недостаточно обоснованной.

Мы знаем, что основное противоречие каждой антагонистической формации при переходе на высшую ступень не уничтожается, а лишь „снимается" и, таким образом, оно „в снятом виде" переходит в содержание основного противоречия последующей антагонистической формации. Что касается основного противоречия античного рабовладельческого общества, вышедшего из доклассового общества, народов древней Греции и Рима, то и оно является не с неба. Истоки его надо искать в последнем этапе доклассового общества, именно в сельской общине. Из того факта, что при переходе из доклассового общества к классовому система взаимоотношений между отдельными формациями должна быть иной, нежели при переходе из одной антагонистической формации в другую, все же нельзя сделать вывода, что там определенной диалектической связи в взаимоотношениях не существует. В самом деле, основное противоречие доклассового общества, выражающееся в противоречиях между первобытнокоммунистическим способом производства и его развитием при наличии отрыва труда от собственности, верно и для родовой организации древних греков и италиков. Это основное противоречие переходит затем в антагонизм, в результате которого складывается классовое рабовладельческое общество. Связь основного противоречия доклассового общества с основным противоречием классового рабовладельческого общества выражается в том, что там и тут существует общинная форма собственности, которая в доклассовом обществе выступает как просто общинная собственность, а в рабовладельческом классовом как античная общинная и государственная собственность. Связь, таким образом, между основным противоречием доклассового общества и антагонистического существует, но эта связь не дает основания для того, чтобы конструировать какую то „генетическую" революцию при переходе от доклассового общества к классовому. Здесь вообще нельзя говорить о социальной революции, и не случайно, что Маркс для выражения противоречий между развитием производительных

сил и производственных отношений устанавливает не только категорию социальной революции, но и просто революции, Zusammenbruch'а, катастрофы. Для характеристики общественного переворота, имевшего место при переходе от доклассового к классовому обществу, больше всего, таким образом, подходит термин Zusammenbruch, катастрофа, нежели социальная революция. Так обстоит с этой проблемой, методологически.

Посмотрим теперь, как решается она на основе фактического исторического материала, который, понятно, никак не может быть оторван от методологии. На основании тех сведений, которыми мы располагаем, мы можем сказать, что в сущности говоря, реформы Солона и Клисфена происходили в эпоху классового общества. Неважно, что это классовое общество выступало еще в родовой форме, что общественные отношения были завуалированы остатками родовых отношений. Классовая природа эпохи Солона и Клисфена на основании тех материалов, которыми мы располагаем и на основании которых делал свой вывод Энгельс, очевидна. Далее, рассмотрим аргументацию А. И. Тюменева и С. И. Ковалева. Во время „генетической" революции против родовых отношений борются, по их мнению, будущие рабовладельцы (уже сейчас эксплуататорские элементы) и в то же время вместе с рабовладельцами против тех же родовых отношений борятся и ставшие уже угнетенными общинники. Если совершенно понятно, что становящимся рабовладельцам родовые отношения являются помехой для превращения (если стать на точку зрения А. И. Тюменева) из класса „в себе" в класс „для себя", то никак не понятно, почему против родовых отношений, которые охраняли общинника и из которых развивающееся неравенство их вырывало, борется сейчас общинник. Только впадая в грубую модернизацию и представляя себе, что в условиях перехода от доклассового общества к классовому становящиеся господствующими классы уже обладали такой степенью экономического и политического влияния на массы, можно себе представить, что общинники были опутаны рабовладельцами, направившими их борьбу в линию своих интересов.

Несомненно, права также была С. И. Капошина, которая привлечением такого важнейшего источника, каким является лингвистический материал, указывала, что „борьба плебса с populus'ом против родового строя далеко не тождественнна той борьбе патрициев с плебеями, которая разыгралась уже в пределах римского государства V—IV вв. до н. э. Если в борьбе плебса с populus'ом VI в. коренится одна из движущих сил происхождения государства, то борьба патрициев с плебеями V—I вв. до н. э. уже после реформы Сервия Туллия, протекала уже в государственном обществе".

Таким образом, проблема „генетической“ революции остается не более как проблемой.

Следующий вопрос, заслуживающий внимания, это проблема основного противоречия античного общества. Если не спорить о словах, а попытаться разобраться по существу, и раскрыть закономерности, которые лежат в основе движения исторических классов, то проблема основного противоречия античного общества рисуется в следующем виде. Рабовладельческое общество есть первое классовое общество, обязанное своим появлением на свет тому обстоятельству, что происходивший в доклассовом обществе разрыв труда и собственности развивался в большей степени за счет аппроприации личности, т. е. рабства, нежели за счет мобилизации земли и орудий производства общинников. В этих условиях победа частной собственности означала наступление эры господства рабовладельческой собственности, причем эта рабовладельческая собственность первоначально представляла собой модифицированную общинную собственность, модифицированную в виде античной общинной и государственной собственности, при которой сохранялось рабство. С другой стороны, превращение рабства в рабовладельческую систему придавало все более рабовладельческий характер этой форме собственности и вместе с тем создавало предпосылки для появления новой формы собственности — движимой и недвижимой частной собственности, выступавшей первоначально как подчиненная первому виду собственности форма. Естественно, что за этими двумя формами собственности мы видим особые классы. В этих условиях проблема основного противоречия, выраженная через противоречия форм собственности, выражает в то же самое время и классовые противоречия общества. С другой стороны, мы знаем, что имущественные отношения представляют собой лишь юридическую санкцию производственных отношений, а производственные отношения, выражающие способ производства, выражают в то же время развитие этого способа производства по законам основного противоречия данного общества. В этих условиях всякая попытка взять под сомнение возможность сформулированного здесь на пленуме закона развития античного общества — основного противоречия--является неправильной. Всякие иные попытки изобразить эту систему основного противоречия, в конце концов, должны быть сведены к системе производственных отношений, которые могут быть выражены и в форме имущественных отношений.

Перехожу к последнему вопросу — о проблеме социальной революции в античности. Здесь я должен буду повторить то, что я уже излагал в своем докладе, посвященном 50-летию смерти К. Маркса в ЛИЛИ и на сессии Коммунистической академии в Москве.

Социальная революция в античности представляет собой социальную революцию, протекавшую в своеобразных формах. Прежде всего своеобразие ее заключается в том, что она может быть понята лишь при анализе следующих трех основных моментов:

Первый основной момент, необходимый для понимания проблемы социальной революции в античности, заключается в том, что развивающаяся классовая борьба выражает основное противоречие античного общества. Это основное противоречие приводит к тому, что против рабовладельческих классов создается единый антирабовладельческий фронт, движущими силами которого выступают не только рабы, но и парцеллы города и деревни, угнетенные элементы юридически свободных классов. Основным стержнем этого антирабовладельческого фронта являются рабские революции, которые включают в свои ряды представителей угнетенных масс из числа свободных. Крестьяне и ремесленники-парцеллы, в свое время принадлежа к числу свободных, были потенциальными рабовладельцами, многие из которых стремились стать рабовладельцами, а некоторым из которых это даже удавалось. С развитием кризиса античного общества перед этими элементами путь рабовладельца был закрыт и в этих условиях единственный выход, открывавшийся перед ними, заключался в ниспровержении рабовладельческой системы. Так стремления рабов совпали с интересами мелких крестьян и ремесленников-парцеллов. Рабские революции не ставили позитивно вопрос о борьбе за переход в феодальное общество или вопрос о переходе на какую-либо высшую по сравнению с рабовладельческим обществом ступень. Рабские революции боролись за ниспровержение рабовладельческого строя, и этим самым они объективно уничтожали владычество рабовладельцев, создавая, таким образом, предпосылки для перехода на высшую ступень.

Следующий момент, который надо иметь в виду при анализе проблемы социальной революции в античности, это те процессы экономических изменений, которые стали развиваться в связи с крахом античного общества. Крах античного общества сопровождался не только обострением классовой борьбы — восстаниями городского и сельского населения, восстаниями в армии, развитием так наз. пиратского разбойничьего движения и т. д., — но и значительной модификацией общественно-экономических отношений. Новое в общественно-экономических отношениях — рост феодальных тенденций: развитие отношений колонатных, патронатных, эмфитевзисных и т. д. и т. п.; в городах этому процессу соответствовала политика так наз. закрепощения сословий, — ремесленников, курналов и т. д. Рост феодальных тенденций и обострение классовой борьбы взаимно обуславливали друг друга: местом

приложения этих феодальных тенденций явилась в основном парцеллярная собственность и лишь во вторую очередь территория латифундий. Вспомним замечание Энгельса в „Юридическом социализме“, что в результате этих процессов „получило преобладание карликовое хозяйство зависимых крестьян, предшественников более поздних крепостных, получил преобладания, таким образом, способ производства, в котором уже в зародыше содержался способ производства, ставший господствующим в средние века“.

Наконец, последний момент, раскрывающий тайну социальной революции в античности — проблема варваризации. Проблема завоевания является не чем иным, как особой формой проявления этой социальной революции. К сожалению, эта проблема не была достаточно полно освещена в докладе С. И. Ковалева. После работ Н. Я. Марра просто недопустимо изображать варваризацию Римской империи в виде какой-то миграции. Так наз. „переселение народов“ представляет собой длительный процесс, связанный с приобщением германцев к производству, господствовавшему на территории Римской империи, причем это приобщение развивалось за многие столетия до пресловутого переселения. Завоевание германцами Рима явилось лишь одной из форм насильственного ниспровержения античного общества. Основным содержанием этого завоевания, с этой точки зрения, является своеобразная диалектика отношений, которая сказалась в судьбах мелкой парцеллярной собственности города и деревни. Мелкий парцелл, крестьянин и ремесленник, к моменту упадка античного общества, в связи с развитием феодализирующихся тенденций, попал под угрозу стать в зависимость от старых рабовладельческих классов, а ведь ему на всем протяжении истории античного общества удалось устоять против всех многочисленных попыток рабовладельческих классов, привязать его к системе, господствовавшей в их латифундиях. Парцелл, ставший колоном, или даже объектом патроната, явился на время кандидатом в экспроприированного истинного производителя. Варваризация привела к тому, что германский варвар дал возможность гибнущему римскому мелкому крестьянину и ремесленнику опереться на „марку“ и, таким образом, сохранить себя в виде производителя, наделенного орудиями и средствами производства.

Если подойти с изложенной точки зрения к проблеме социальной революции в античности, то становится понятным весь смысл замечания т. Сталина: „революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся“. Это поистине гениальное замечание дает нам ключ не только к пониманию интересующей нас проблемы, но и к разрешению тех многочисленных проблем, связанных с гибелью античного общества, которые

до сего времени были предметом крупнейших дискуссий в нашей среде и предметом всяких „научных“ спекуляций со стороны буржуазных и социал-фашистских историков.

К сожалению, в проблеме социальной революции античного мира основной доклад С. И. Ковалева не достаточно осветил отмеченные выше моменты, необходимые для понимания всего значения замечания т. Сталина, хотя доклад в целом, несомненно, является серьезным вкладом в дело марксистско-ленинской разработки проблем античности.

Я не останавливаюсь на разборе выдвигавшейся здесь проблемы феодальной революции. Нет надобности доказывать, что сама постановка этой проблемы несовместима с марксистско-ленинским пониманием основных проблем истории. Нет надобности также особенно подчеркивать, что указание А. В. Мишулина в тезисах на то, что рабы будто бы явились классом в себе, также неправильно. Но это частности, которые не могут затушевать значения докладов и А. И. Тюменева и А. В. Мишулина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

2 р. 80 к.